

опустошитель

[иверсния курутьлы]

#47

звуковая агрессия



Журнал «Опустошитель»

#47. Звуковая агрессия

Москва, декабрь 2025

280 страниц

Главный редактор Вадим Климов

Уходящий 2025-й дарит нам новый, 47-й, «Опустошитель». Звуковая агрессия в экспликациях Сэмюэля Беккета, Стэнли Кубрика, Томаса Бернхарда, Алена де Бенуа, Ежи Пильха, Эдуарда Лимонова, а так же музыкальных коллективов Maeror Tri, Asmus Tietchens, Deutsch Nepal, Hawkwind и многих других. С Новым годом!

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2025
<http://pustoshit.ru>

ж
у
р
н
а
л

О П У
С Т О
Ш И Т
Е Л Ь

#47. Звуковая агрессия

Рушан Ахметжанов
Сэмюэль Беккет
Ален де Бенуа
Томас Бернхард
Дмитрий Васильев
Миша Вербицкий
Юлия Кисина
Вадим Климов
Дмитрий Колесник
Стэнли Кубрик
Эдуард Лимонов
Валерий Молот
Никита Пашков
Ежи Пильх
Николай Старообрядцев
Асмус Титченс
Хорас Уолпол
Нелли Цымбаленко

**Москва
Декабрь 2025**

МЕЛОДИЧНАЯ АГРЕССИЯ

LET IT BE



Еще накануне Темпл пригласила меня к себе, и теперь, когда мы ехали к ее дому, я заинтересовался ее работой над диссертацией, посвященной влиянию условий содержания и ухода на головной мозг свиней, которую она защитила, получив степень доктора философии. Темпл мне рассказала, что в основу диссертационной работы был положен эксперимент, в ходе которого одна группа свиней содержалась в особо благоприятных условиях, а другая — в скверных условиях. Эксперимент

*показал, что свиньи из первой группы жизне-
радостны и общительны, а свиньи из второй
группы сверхвозбудимы и агрессивны (почти
«аутичны»). (В связи с этим Темпл предполо-
жила, что скверное обхождение и невнима-
тельность к детям способствуют аутизму.)
«За свиньями из первой группы я постоянно
ухаживала, — сообщила мне Темпл, — и так
привязалась к ним, что неизменно приходила в
смятение, когда вспоминала, что их придется
убить». В конце концов свиньи эти были умер-
щвлены, ибо их мозг необходимо было исследо-
вать.*

Оливер Сакс, «Антрополог на Марсе»

В середине прошлого века в Ливерпуле сложилась ситуация полной и безоговорочной поддержки партии лейбористов. Депрессивное население, состоящее из промышленных рабочих и портовых работников, не доверяло никому, кроме... британских социал-демократов.

Считалось, что если Лейбористская партия выдвинет на выборах лошадь, то ливерпульцы проголосуют и за нее. То есть, если бы вся Великобритания была одним большим Ливерпулем, то в палате общин заседало бы 650 лошадей.

Однако политически свести Великобританию к Ливерпулю не получилось. Зато это удалось сделать посредством поп-культуры. В 1960 году образовалась группа The Beatles и стремительно стала набирать популярность. Сначала в пределах депрессивного, мрачного Ливерпуля, затем в Великобритании, а потом и во всем мире.

Великолепная четверка, собранная из первосортных портовых лошадей, покорила весь прогрессивный мир, превратив планету в одну большую конюшню. Поклонники The Beatles, сами неотличимые от цирковых кобы, преобразили 60-е нескончаемым карнавалом, пышным праздником, повсеместным цветением (и гниением).

Наркотики вместо бомб, революционный промискуитет вместо пуританской любви, бессознательная свобода вместо рассудочного смысла. Так ливерпульская лошадь покорила Землю, страдающую полным отсутствием слуха и голоса.

Ровно так же действует на второй пол мелодичная агрессия комплиментов. Сознание женщины отключается, она вся обращается в слух. Речи столь желаемого насильника достигают самых потаенных глубин очарованной чаровницы.

Проиллюстрируем это примером из жизни. Как всегда не совсем удачным, если выражаться мягко, в сущности, вообще совсем о другом. Но тем он и ценнее.

Итак...

Грузный молодой человек на перроне метро сидит с глупым видом на скамейке, водит головой из стороны в сторону, в руках сжимает упаковку конфет Mercі. Я наблюдаю за юным влюбленным, который так не соответствует образу страсти, вожделения, хотя бы выраженного желания.

Наконец к нему подходят. Это не девушка, точнее, не только девушка — пара. Он и она. Толстячок поднимается. Вначале он прячет конфеты за спиной и что-то объясняет подошедшим со смесью серьезности и иронии. Вопреки моим ожиданиям юноша держится вполне уверенно.

Затем конфеты показываются из-за спины, но тучный оратор не спешит с ними расставаться. Девушка околдована неожиданным презентом, который, правда, еще неизвестно кому предназначен. Ее взгляд меняется, в нем восхищение перемешивается с легким замешательством.

Спутник более сдержан. Он слушает приятеля с улыбкой, тактично дожидаясь, когда тот закончит. Я отвлекаюсь и момента передачи конфет не вижу. Когда мой взгляд снова находит троицу, они уже шагают к эскалаторам. Коробочки Mercі не видно. Возможно,

она в чем-то рюкзаке. А может быть, уже съедена несчастливенной девушкой.

Все же восприимчивость второго пола достойна лучшего применения. Цветы, шоколадки, мелкие подарочки разной степени нелепости... Все это обычно связывают с влюбленностью, хотя и абсолютно безличной: цветок или коробку конфет можно вручить кому угодно.

Но дамы воспринимают их на свой счет. И немедленно превращаются в наивных индейцев, разменивающих свою страну на бусы и фантики. Словно мухи в нежной паутине подарков. Словно утрюмые ливерпульцы, очарованные ласковым мычанием The Beatles. Так сладко умирать от чужого яда. И так глупо — от своего собственного.

Уходящий 2025-й дарит нам новый, 47-й, «Опустошитель». Звуковая агрессия в экспликациях Сэмюэля Беккета, Стэнли Кубрика, Томаса Бернхарда, Алена де Бенуа, Ежи Пильха, Эдуарда Лимонова, а так же музыкальных коллективов Maeror Tri, Asmus Tietchens, Deutsch Nepal, Hawkwind и многих других. С Новым годом!

м и к р о

Николай Старообрядцев **ВОЛЕЙБОЛ¹**

Я шла мимо спортивного корпуса нашего университета. Вдруг ко мне навстречу выбежали Симузар и Гюль-Чехра, девочки с параллельного потока. Они стали звать меня:

— София! Пойдѣшь играть с нами в волейбол? Это русская игра. Нам не хватает одного человека в команду. Ты же фанатеешь от всего русского!

Я пошла с ними. Мне хотелось узнать, что это за новая игра. Я неплохо играла в городки и бабки, но про волейбол слышала впервые. Когда мы пришли, остальные девочки были уже в сборе. Они приветствовали меня. Все они говорили по-русски и очень хорошо. Это меня неприятно удивило — я гордилась тем, что знаю русский лучше всех на нашем курсе.

— Откуда вы все знаете русский язык? Когда вы успели его выучить?

— Мы не учили! — ответила за всех Тафадзва, малорослая, но очень сильная и решительная девочка. — Сейчас всё русское в моде, а что очень модно, то учить не надо — оно само усваивается.

Нямбу, капитанша моей команды, принесла из раздевалки спортивную сумку. Она поставила её на поле и расстегнула. Внутри лежала голова Достоевского. Голова открыла глаза и сердито посмотрела на нас.

Я спросила, как они её сделали.

¹ Глава из романа «Зомби, киборги и клоны-шизофреники» (Опустошитель, 2025).

— Сначала мы его клонировали, — стала объяснять Нямбу. — Потом убили. Повесили. Потом оживили. Потом отрезали голову. Теперь можно играть.

— Проверь шнуровку, — посоветовала ей Фераха.

Нямбу перевернула голову. Шея, в том месте, где отпиливали, была аккуратно подшита и закреплена шнурком, чтобы из головы ничего не вытекло во время игры. Нямбу подтянула Шнуровку, достала голову из сумки, ухватив её за отросшие рыжеватые волосы, и пошла на позицию.

Началась игра. Нямбу высоко подбросила голову. Достоевский вскрикнул. Нямбу размахнулась и ударила. Она попала прямо по носу. Раздался хруст сломанной кости. Брызнула кровь. Достоевский снова вскрикнул и полетел через сетку на другую сторону поля. Пока он летел, Нямбу быстро и громко продекларировала:

— Мой дядя самых честных правил!

Бросок приняла Лицзюань. Она подпрыгнула и двумя руками ловко оттолкнула голову, ничуть не испачкавшись в крови, которая лилась у Достоевского из разбитого носа. Отбив голову, она тут же выкрикнула:

— Когда не в шутку занемог!

Достоевский перелетел на нашу половину. Фераха приняла бросок руками, сложенными в замок.

— Он уважать себя заставил!

Голова со стоном полетела через сетку.

На той стороне уже поджидала Сяодань. Словно дикая кошка, она прыгнула к голове и метким ударом в ухо, направила голову на нашу половину:

— И лучше выдумать не мог!

Девочки хорошо играли. Их физической форме можно было только позавидовать. Но я стояла и думала:

— «Почему они рассказывают про дядю?»

Голова летела прямо на меня. Я замахнулась правой рукой, но когда голова была уже близко, я увидела безумные глаза Достоевского и услышала его крик. Я немного растерялась, и в этот момент он со всей силы

вцепился зубами мне в руку. Девочки разом, не сговариваясь, издали мерзкое осуждающее:

— У-у-у-у!

Нямбу в бешенстве на меня закричала:

— Сама теперь снимай!

Я стала трясти рукой, думала просто стряхнуть голову, но та вцепилась мёртвой хваткой.

— Ей надо надавить на глаза, — посоветовала Гюль-Чехра.

Увидев, что сама я не справлюсь, Симузар пришла мне на помощь. Она несколько раз ударила Достоевского кулачком, а потом, когда я опустила руку, задрала ногу и обрушила свой кроссовок прямо ему на макушку. Голова отскочила и покатилась по полю, разбрызгивая кровь.

Я посмотрела на свою руку. Внутри глубокой раны были видны титановые металлические стержни. Мэйхуй, девочка из соседней команды, которая оказалась неподалёку, тоже увидела стержни и закричала:

— Она киборг!

Тут же все девочки с визгами и ругательствами набросились на меня. Они кричали:

— Бей её! Бей, девчонки!

Кто-то схватил меня за волосы и стал драть. Со всех сторон на мою голову и спину посыпались удары. Только Гюль-Чехра оставалась в стороне. Она подняла голову Достоевского и повернула так, чтобы он мог видеть, как меня колотят. Мне стало очень обидно, что они так со мной поступили в присутствии великого русского классика. От обиды я проснулась.

Нелли Цымбаленко
ПРАВИЛА²

Мне снилась змея, поселившаяся в моем горле, её массивное тело свисало на мою грудь. Змея говорила и спорила со мной. Иногда, утомившись, она засыпала, и я видела её почти блаженную физиономию. Я мечтала от неё избавиться, я перепробовала все: я её била, морила голодом, умоляла. Она была рядом, была в моем горле, может, и была моим горлом.

Иногда я испытывала по отношению к змее сострадание дурной матери, мне было жалко лицезреть её поросшую змеиными лишаями кожу. Она тоже уставала.

Иногда она умирала, и нас объединяла общая дурная тоска, в которой ты так падок на жалость к тому, кого ненавидишь.

Она подсказывала мне уязвимые места моих любимых, но я не решалась следовать её советам, и она высокомерно смеялась надо мной. Правда, однажды, когда я снова отказалась от её помощи, она промолчала. Каким-то странным, многое осознающим молчанием, которое сдерживает глубокие откровения.

Она сочиняла для меня план действий. Понимая мою мнительность, она предвкушала содержательность исповеди, но я не решалась на предложенные ей сюжеты. Но это убожество моего целомудрия.

А потом змея ушла, и сон остановился.

² Из цикла «Туй-Туй».

Марсель, мальчик с заячьей губой, его дразнят. Он одет в нелепый балахон, он похож на маленького гробовщика, и другие дети изображают похоронную процессию, идя за ним, обзывая его.

Это можно ловко использовать, позволив, на привычных «настоящих» похоронах, ругать покойника весь путь, где мертвец плывёт в своём гробу к могиле, своему засыпанному землёй острову.

На улицах, через которые проносят труп, стоял бы невыносимый гвалт ругани, проклятий, оскорблений. Быстро устав, отдав почти весь свой гнев, взрослые превращались бы в маленьких школьников, уже не сильно изобретательных в оскорблениях, но зато столь же настойчивых.

Наиболее опытные передвигаются по больничным коридорам с эффектом слоумоушн мимо каждого коридора, мимо каждого кабинета, вызывая молчаливое раздражение и такие же замедленные недовольные взгляды сидящих в очереди к врачу — никто не хочет вступать в классические разговоры про время приёма, последовательность пациентов и прочее, и прочее.

Эхо плачущего тонкого голоса звучит особенно впечатляюще в продолговатом больничном коридоре:

— Женщина в черном ушла! — напевает медсестра невинным звонким голосом Дюймовочки.

О, миленькая, повторяй это почаще, пока я хочу здесь услышать то, чего ещё не знаю.

Сегодня натошак моё воображение примет это с особой впечатлительностью.

У каждой болезни, как у преступной группировки, есть своя атрибутика. Не красная бандана — так слуховой аппарат, не мачете — так костыли и постылый пузырь, в который сливаются твои экскременты. Болезненный цвет лица, лучше желтый, красные пятна

на коже и прочее, и прочее. Отличительные знаки, которые помогают стороннему наблюдателю тут же оп-
ределить, с чем он столкнулся.

— Женщина в красном ушла! — уходи, уходи по-
скорее.

Напротив сидит девушка и читает примитивную книгу «Оскар и Розовая Дама», ты скоро умрёшь, а смеешь размениваться на такую ерунду.

Впрочем, я тебя прекрасно понимаю, прекрасно понимаю необходимость этой жалостливой ситуации, необходимость подтвердить свою жертву, свою необ-
ратимость, понимаю необходимость суетливой надеж-
ды, понимаю чуть-чуть позже, когда, спугнув голубя, клюющего засохший кусок хлеба, я начинаю глухо ры-
дать посреди заснеженной улицы.

—

В маленьком книжном зрелая женщина со своим сыном выбирает книгу, которая должна быть опреде-
лённого размера, ведь «это мы возьмём как ручную кладь».

Магазинчик старой книги напротив Адмиралтей-
ской ну совсем маленький, поэтому ты волей-неволей слышишь каждое слово. Особенно то, которое произ-
носится настолько громко. Женщина не говорит, о, нет, она просто извещает мир о своей ручной клади, о сыне и книжке по искусству, которым он так увлечён, в женщину встроен какой-то злоедающий громкоговори-
тель. Чуть позже, в Некрасовском сквере внешне при-
мерно того же возраста дама с намёком на лошённость вещает всем, кто отдыхает вокруг, о своей «итальян-
ской жизни», она даже пытается разбавлять свою речь другим языком, но это не та никчемная томность, ко-
торую можно встретить у престарелых дамочек в гос-
тиной классических русских романов, нет, это очень выпуклая пошлость, снова громкоговоритель.

Довершает её образ уже обрывок фразы «... ну, знаешь, это сочетание тельца и овна...» Ну, во-первых,

спасибо за проговаривание именно такого удара, а, во-вторых, это же просто праздник какой-то — когда подобный типаж окончательно довершается астрологическими суевериями. Однажды на собеседовании похожая женщина спросила у меня, кто я по знаку зодиака. Я тогда не сразу поняла, почему новый учитель русского языка интересуется прежде всего этим. Дам добрый совет: когда слышите подобные вопросы, вставайте и уходите, не сомневаясь в правильности принятого решения. Это не будет наглостью. Той наглостью, с которой люди орут об особенностях своей частной жизни.

Я вот задумалась, откуда идёт эта потребность.

Так себя могут вести ваши бывшие любовники. Когда вы оказываетесь на светском мероприятии, и тут они видят вас, из-за вашей холодности и отстранённости они теряют все тормоза и также начинают вещать о своей жизни всем вокруг, делая это громко, на редкость визгливо, в такой момент они даже могут позвонить кому-то по телефону и договариваться о важных встречах, показывая, что вокруг них кипит жизнь, она полна удивительных событий, имеет свою маленькую Италию, ручную кладь из книжек по искусству, эрудированных сыновей, судьбоносное сочетание тельца и овна, come stai, моя дорогая и многое, многое другое.

Так, кстати, себя любят вести подрастающие девичьи и вообще всякие подростки — они визжат, орут и хохочут, им кажется, что на них в эти моменты смотрят, потому что они своим жизненным кличем необычайно интересны, и их жизнь так полна. И пусть это как-то и раздражает, но в данной категории простиительно. В остальном же клич жизни, переполненный истерией и громкостью, говорит об отчаянии или просто элементарной глупости.

—

На вчерашней встрече прошу своего друга выбрать в кафе самый дальний от остальных столик, может, это будет и не столик вовсе, а просто небольшой закуток, в котором можно укрыться и рассказать потаенное.

Потаенное страшится выходить на большие пространства, нужно время, нужна подготовка. Может быть, даже дисциплина. Но моё потаенное слишком меня очаровывает.

Так вот в этом закутке, в каком-то забвении, помутившем меня, очаровании, за которое я потом буду винить себя, рассказываю сокровенное, рассказываю и ещё все же помышляю о контроле, который в состоянии над собой выдерживать, кажется, что опасливо я подбираю слова, смотрю по сторонам, чтобы никто не заметил моей тайны, моих желаний, о которых находится в полной известности мой терпеливый друг.

Но все было не так, как влюблённый не сразу замечает, что в первое время свежих чувств ходит с улыбкой на лице.

Вот и я с улыбкой и трепетом выдаю свое сакраментальное, как вдруг пробуждаюсь, какая-то воля пробуждает меня к прежнему состоянию, и я понимаю, что мы выбрали столик в самом центре кафе, и все посетители уставились на меня, они не поленились, прихватив с собой стулья, рассесться вокруг нашего столика, чтобы лучше меня слышать, чтобы устроить этот абсурдный аншлаг.

Что за оплошность.

—

Старая женщина у светофора смотрит на меня, она что-то говорит. Я плохо вижу, да и в наушниках чарующий голос Комягина, его магия сбивает со всякого толку. Разрывая этот омут, я все же снимаю один наушник и слышу, что женщина просит меня помочь

вон тому старику, что стоит поодаль. Она машет рукой в его сторону. Она и сама совсем старуха, на ней старая, но видно, что когда-то роскошная шуба, у неё яркий макияж, роковой макияж, пропадающий в её глубоких морщинах, нежные цвета румян и помады подчиняются новым законам её лица, меняя свой цвет — он чёрных, фиолетовых переливов, он похож на известные пятна, на впадины.

«Да она же мертвец», — думаю я, когда она уже успевает подвести меня к старику, ему всего лишь нужно перейти дорогу.

Видимо, он просто ходит слишком медленно, он боится, он робко держит костылик, в другой руке у него маленькая продовольственная коляска. Голос Комягина унёс с собой зимний ветер.

Я говорю старику, что помогу ему перейти дорогу, но он не двигается. Я понимаю, что он слепой, даю ему свою руку. Старик робко, но и цепко берет меня за руку.

Мы переходим через дорогу, зелёный человечек на светофоре семенит своими ножками все быстрее. Старик старается бежать, я ему говорю, что не надо бежать, на дороге налечь.

— Не поедут же они по нам, — говорю.

— Поедут! Они поедут! — говорит старик, машины сигналият.

— Да нет, не поедут, — весело и мягко отвечаю старику, успокаивая его.

— Они поедут! — он кричит. — Поедут!

— Ну и что с того? — говорю.

Старик замолчал.

Рушан Ахметжанов

КАНҚАН

Послушай, друг!.. Мне не нужны истории про то, что тебе не на что жить. Или что я ещё не видел представления лучше этого... Что я упускаю «уникальную возможность»... Если бы ты знал, сколько уникальных возможностей я проспал, ты бы разрыдался... Поверь, всё человеческое из меня вытравлено уже давно.

Как и тебе, мне не на что жить, не считая этой работы, поэтому отстань от меня со своими календарями, погремушками, развивающими книгами, билетами... Закрой дверь, пока я сам этого не сделал!..

Эти твари всегда лезут как-то бочком, затекают... Медленно так. А знаете, почему? Потому что человеческий глаз медленные движения улавливает хуже, чем резкие. Да, это правда. Ради выживания всему научитесь. Жабры отрастите себе, хвост... Будете ориентироваться по запахам, сливаться с окружением...

Если не брать совсем уж пропащих лоточников, промышляющих в электричках, то большинство из них паразитирует на бизнес-центрах класса D (такой вообще есть?). Это там, где едва ли не половину арендаторов составляют тараканы и мигранты. Безобразные коробки брежневских времён с продавленными прошарканными ступеньками, кислым запахом, гипсокартонными перегородками и забитой урной на входе... Бывшие административные здания заводов, НИИ, ПТУ... Полы там всё ещё застелены тем самым линолеумом в точечку, а на окнах по-прежнему скучают желтеющие фикусы...

В таких клоповниках частенько нет толковой охраны, и подозрительные физиономии до самого вечера снуют туда-сюда.

Уставший дядя Вова на проходной (один единственный турникет с прорезью для магнитных пропусков, ещё советских времён, как и весь ремонт «бизнес-центра») смотрит сериалы на планшете или болтает с кучерявым владельцем кофейного корнера. Ты как? Я так. Когда пострижешься? Опять про ментов смотришь? Вот тебе бесплатный кофе, так сказать. Ну, спасибо... А мимо проходят курьеры, клиенты, контрагенты, грузчики, воры, тараканы, экстремисты, коммивояжеры...

Так что несчастный торговец беспрепятственно, вместе с людским потоком, пробирается внутрь... Потом следует методичный обход комнатушек, именуемых офисами. Некоторые из них даже пронумерованы. Позолоченные цифры, купленные в переходе метро, криво лепят на двери. Коридоры забиты каким-то хламом — изуродованными стульями и столами, стеллажами, папками с документами пятилетней давности, древними принтерами и посудой... Коммуналка, как есть.

Среди великолепия этого рынка на задворках Акабы бродят торгаши. А хотите? Нет? Уникальная возможность. Посмотрите, какая крас... Понял, ухожу.

До войны ещё хаживали попрошайки из разных фондов добрых дел.

Отличная бизнес-схема. Дай денег, и мы сделаем добро. Ты почувствуешь его. Мы будем пить джус через трубочку и смотреть, как солнце — не ваше ленивое северное, волочащееся вдоль горизонта, а вот это темпераментное, южное — сладко целует верхушки пальм, затем — море, а мы... Мы полны добра.

Спасибо за деньги, вот тебе индульгенция за всё плохое, что ты сделал... Помнишь, как ты пнул (случайно, конечно) кошку? А как ты засыпал куриное дерьмо соседу в бензобак грузовика?.. Тебе было просто интересно, а он потом два месяца не мог понять,

почему мотор задыхается и глохнет... Или как ты играл в доктора с кухней, а она всё рассказала взрослым?.. Ты тогда многое узнал, но и многого это стоило. За всё тебя прощаем!

Особенно старался «Гринпис». Чуть ли не с шапкой кочевали от офиса к офису, предлагая... Нет, упрашивая! Чуть ли не заставляя!.. Спасти зверушек, рыбок... Некоторые даже за спину вставали и следили, как вы оформляете ежемесячную помощь.

Так что свали. Нет, не хочу. Да что ты говоришь! «Кабаре»! Мне всё равно. Да, уникальное представление, я так и думал. Заурядных не бывает... Мой пинок под зад тоже будет уникальным. Да, хочу и говорю так с тобой, мразь, ты не ошибся, и мне всё равно. Всё. Вон! Вон!

Наконец, удастся закрыть дверь. Потом ещё минуточку стоишь и ждёшь, вдруг этот осёл решит взять офис штурмом. Ты ведь с первого раза не понял. УНИКАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Некоторые коммивояжеры не просто настырны, но и агрессивны. Отказ они воспринимают как личное оскорбление... Ну вот просто... Просто им казалось, что работа будет лёгкой... И вообще, они одолжение делают вселенной, что этим занимаются. Поэтому отказ выбивает из карамельной колеи... Ещё некоторые думают, что деньги это самое главное. За деньги — да, хоть соски воском поливайте.

А потом рrrrrаз — и на вашем пути встречается Алексей Фёдорович Загубин.

Загубин. За губой, значит. «А что за губой-то?.. Насвай?» «Загублен». Так шутили всю школу, а потом в вузе. Ха-ха. Хорошо шутили, потому что так и вышло.

Ага, вот смотрите. С 10 до 19 часов надо мариноваться в бизнес-центре класса D, стараясь свести контакты с концами, ну а потом домой, домой... Дома это самое. Баба (честный человек, лучше Лёшки, отвечаю). Зачем она со мной вообще время тратит?.. Уже и поест приготовила, а ведь сама только что из такого же офиса. Думает, как бы наши грошовые зарплаты све-

сти в альянс, чтобы вышло свить гнёздышко полуще... А я её «бабой». Ну что тут скажешь про человека? Тут не характеристика выходит, а приговор себе...), можно пивка или 100 грамм. Не больше. Просто немного расслабиться... Алкоголь заглушает голоса в голове... Голоса самокопания, гиперрефлексии... А что, если бы я не совал куриное дерьмо в бензобак? Как думаешь, Яхве мой грозный, как бы тогда жизнь сложилась? Но она так бы и сложилась, ответил бы Господь!

Вот как раз перед выходом из офиса (ничего толком не сделано за день, и не надо. Может, оно и к лучшему даже, может, так энтропия мировая сдерживается, и вот этот вот протест, замедление, жалкий чешский саботаж — лишний миг жизни какого-нибудь атома) на столе коллеги, который уехал на объект ругаться с представителем заказчика, обнаруживают билеты. Ох...

Подлецу было ясно сказано, что никаких билетов не надо. Ни на уникальное представление, ни на иммерсивное шоу, никакое.

Хуже всего эти маленькие, микроскопические театры, которые обрастают вокруг заеденных нарциссизмом и неудачей актёров. Вылетают из труппы Таганки или МХАТа, и тут же находят помещение на задворках города. Там у них свой театр, где уже они сами себе и режиссёр, и антрепренёр, и художник по костюмам, и актёр. И, конечно, директор театра, которому надо зазывать к себе публику. Вот так прорастает актёрская грибница... Поэтому их надо держать под контролем, чтобы не разбредались. Забудетесь, начнёте ворон считать — пожалуйста, очередной театр с полинявшим Карабасом Барабасом, который ещё и вечно клянчит у города денег.

Ненавижу театр. Запишите, так говорит Загублен. Актёры — пропащие люди, рядом с ними просто страшно...

Перевоплощение пугает. Профессиональное же перевоплощение, постоянное и частое вовсе приводит в

состояние паники... Я вот всю жизнь Загублен. А они — нет. Сегодня — бывшая актриса МХАТ с поплывшим от возраста лицом. А завтра — Саломея (в полумраке не так видно, что уже всё, что никакой Саломеи не получится). А потом — Мадлен из «Кабалы святош». И переодевания. Карнавал, маскарад. Ну и так далее.

А у нас в России, знаете ли, все эти переодевания — штука бесовская. Можно отморозить себе чего-нибудь пока портки на юбку меняете.

Вот актёров-то за погостом и хоронили раньше. Мол, раз вы хи-хи да ха-ха, то извольте в земле грустить подальше от нормальной публики — которая с именами, фамилиями, скучным порядочным браком, детьми, репутацией...

Потом всё пришло в упадок, в безобразии, начали им венки собирать, водружать невообразимые и неприличные памятники. Это проституция, понимаете? Я и вчера Загублен, и завтра. А тут...

Ладно, что там? Канкан с карликами. Что за...

Хорошо, хорошо. Это первый раз в жизни, когда нечто уникальное в самом деле уникально. Канкан... ну вы знаете! Современного человека интернетом испортили напрочь. Одноногие лесбиянки в колготках и с крокодилом, обвязанным сельдереем? Э, даже не встанет. А тут канкан... Подумаешь. Ножки задирают, а там, значит, белья нет. Во дела-то.

Мужички-то из позапрошлого века облизывались, из интересного у них — только глупые фотокарточки, которые еще и прятать надо как следует. Некоторые от увиденного натурально сходили с ума.

Да я серьёзно! Бабы-то (ах, вот она моя латентная мизогиния, лезет, проклятая...) запакованы как посылка из Китая... А тут всё иначе, совсем другое дело... Канкан! Она уж и так, и сяк, и задрала, и наклонилась. Бесстыдная, порода такая у неё.

А мужик всё, падает в обморок. Ему ребята в католической школе всякое рассказывали, ну так не поверишь же! Не поверишь и не проверишь. Школа выплёвывает тебя готовым невротиком, а тут бац! — и кан-

кан, и фотокарточки, и в дырочку подсмотреть. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, MON DIEU!

Ну вот. Значит, думали-думали, чем Загублена удивить, и придумали. А я ведь тоже не железный. У меня принципы, но такие, с гнильцой. Чуть надавишь и всё.

С карликами, получается, представление. Пф. Подумаешь. Я вот специально схожу, чтобы убедиться, насколько убоги и пусты обещания показать мне уникальное представление.

Ладно уж, чего я злюсь-то? Скажу как есть, я ведь и сам тоже горазд языком чесать.

Мир он такой — проклятый. Заказчикам обычно стараюсь правду говорить, но иногда... Иногда понимаешь, что можно втюхать, впендюрить, сбавить самые поганые китайские светильники по цене европейских. Они сгорят через год, просто начнут пачками гаснуть. Стоит здание, там такая красивая архитектурная подсветка... Зимой прямо-таки улада для глаз — всё серое, чёрно-белое, а тут по стенам разливается тёплый свет, играет неровностями фасада, отбрасывает хитрые тени.

А потом — раз, два, три, четыре!.. Один светильник за другим слепнет. Вам звонят, мол, как же так! Мы вам подарили даже на новый год «Хеннеси». Мы же с вами на «ты»! Ха! Вот, пожалуйста, раздел семь, статья пять, пункт двенадцать. Сами подписались, кушайте свои китайские светильники. Зато продал! Зато деньги получил! С них поимел свой кусочек, коим оплачены скромные радости жизни.

Ладно, иду, уговорили. Вика как раз с подружками пошла обмывать косточки кавалерам, то есть Загублену, потом Саше... Шучу, не знаю, кого там обсуждают. Про Сашу я вообще выдумал. Хотя... Наверное, у кого-то из их ковена есть Саша. Он работает в логистической компании. Планирует поставки. Перевозки. Ищет оптимальные маршруты. Разбирается в складировании, хранении, транспортной обработке грузов. Самое главное, что у него нет этого взгляда перепуганного

мальчика, как у меня. Такой вот уверенный мужчина. Да. А мой проектировщик, говорит Вика.

Да, это правда. Проектировщик, которого сманили канканом картиц. Удачно, кстати, что сие развратное заведение расположено прямо по пути с работы. Оно и понятно, достаточно лишь представить этот путь...

Загублен выходит из здания и сливается с потоком мигрантов. Те что-то лопочут, громко разговаривают со смартфонами. Все спешат в метро, где господа полицейские занимаются вялой фильтрацией и выхватывают из потока случайных пассажиров.

Вокруг дороги — индустриальные пейзажи. Две градирни выдыхают кальянный дым в московское небо, придавленное игрушечным солнцем. На площади размером с региональный аэропорт разбросаны какие-то старые фабрики, склады, автомойки, гаражи и просто свалки. Хаотично расставленные заборы и заборчики напоминают межи мелких феодалов, готовых выйти на тропу войны ради куста малины. Посреди этого компоста день за днём вырастают свечки очередных жилых домов. С последнего этажа будет приятно окинуть взглядом всё это, сказать «господи, помилуй» и закрыть окно поплотнее.

Вот где-то на третьем по счёту повороте приютилось здание. Что-то вроде бывшей заводской столовой. Там много чего было, много... И помнит это только сама столовая. А теперь вот окна позакрывали, а козырёк над входом украсили неоновой вывеской «Крошка Цахес». Это что за семитская диверсия?..

Два билета, а иду один. Вика не поймёт. Решит, что извращенец...

Железные двери, полутёмная гардеробная. Везде толпятся какие-то взвинченные мужички. Тут же разливают, причём за наличку. Уважаю, ловко дело поставлено. Платить налоги смысла нет, потому как при первой возможности вертеп разгонят к чёртовой матери.

Пьют, кряхтя, закусывают, что-то обсуждают... А вот Бриджит... А вот Хельга-то... А мне больше Элиза-

бет... Обсуждают, значит... Поглазеть охота. Интересно, сами хоть покупали билеты, или им тоже всучили?

Куртку оставляем, не нужно. Можно даже хряпнуть, благо, отсутствие кассовых аппаратов приятно влияет на цену. Оп! А вот билетики, куда проходить?..

Потно, сумрак... Тёмные портьеры прикрывают облупившиеся стены, за внутренними двойными дверьми — небольшой зальчик, собственно, переоборудованная столовая. Окна плотно закрыты изнутри тяжёлыми шторами, в конце зала — подмости со светотехникой, по углам расставлены динамики. Вот сейчас будет!..

Это что, тут все извращенцы? И я извращенец? Загублен — извращенец? И что тут извращение — канкан или карлицы? Или то, что карлицы-то и привлекают сюда мужичков, краснеющих от буфетных наливок и водочек?..

Раньше-то не краснели. Цирк уродов, все дела. Поглазеть охота. Нынче все моралисты, мол, нельзя, чтобы уродства были источником доходов. Надо инвалидов и вообще не таких уважать! Причём больше всего об этом кричит как раз-таки публика, не нуждающаяся ни в костылях, ни в лекарствах, ни в зеваках.

А вот объекты заботы не прочь заработать. Ну а что? Вот смотри, высыпали на сцену десять красоток, и начинают плясать. Буйно так! Я бы сказал, свирепо!.. Музыка гремит, мужички орут, свет прыгает по залу, пот кипит... Ничего не понятно, всё сотрясается и грохочет, вибрирует пол... Стулья уже валяются, даже мужички некоторые валяются... Удалые бабы, да! Вот они точно заработают — наверняка билеты стоят прилично.

Ну а потом одна из этих бриджит за что-то цепляется и падает вниз с подмостков... Неприличная сцена в неприличном действе. К ней подбегает распорядитель. Или директор. Сразу видно, главный — невесёлый такой дядька с бородищей. Взгляд — денежный сканер... Механически озирает толпу, прикидывает сборы... Потом смотрит на карлицу, запутавшуюся в

проводах и теперь лежащую на полу... Потирает ногу, ушиблась... Господин распорядитель её прямо за волосы оттаскивает куда-то за сцену, а бабы продолжают плясать, как будто ничего не произошло...

А у Загублена всё выключилось просто. Расталкивает толпу, его толкают в ответ... А он бредёт, как мертвец, разбуженный весной. Туда, за сцену. За сценой тоже сцена — Карабас Барабас лупит стальной линейкой карлицу, та даже не визжит, просто вздрагивает. Лупит по спине, по пяткам, разложив на офисном стуле. Какая же сволочь...

Шаги Загублена заглушают канкан и рёв по поводу канкана. После очередного взмаха линейкой господину распорядителю в голову прилетает такая оплеуха, что тот, покачиваясь, отступает к стене... Надо сохранить равновесие, надо защищаться... Сумрак делает Загублена едва различимым в его чёрной водолазке, облепленной перхотью... Теперь уже не оплеуха, а нормальный такой удар приземляется в солнечное сплетение... Ну всё.

Карабас Барабас, скрючившись, лежит у стены и ловит ртом воздух. Ахы, ахы, аххыы... Гнида, шипит Загублен ему. Если ещё раз увижу, загашу просто. Душу — и погаснет лучинка твоей жизни, червь. Я читал «Книгу пяти колец», пидорас, я самурай, я принял смерть и поделюсь ею с тобой.

Тот ничего не понимает... Какие-то кольца... Самурай... Это же фильм с Делоном...

Не понимает? Очень хорошо... Загублен достаёт из кармана финку, купленную им у Володи. Классический алкоголик. Бухал, пока не зажглась лампочка check engine... Он тогда внезапно переключился на чай. Ловит «чайное опьянение». Знает о чаях столько, что ему могут позавидовать китайские торгаши... Ага, которые толкают «золотые брови» и «лобковые волосы серебряного дракона» по цене дорожке (и хуже) гашиша... Спасательный круг Володи, помимо чаёв, также состоял из ножей, поэтому в ковид Загублен обзавелся несколькими... Люди в те годы вообще странные по-

купки делали... Ну типа чё дальше-то? М? Один раз живём, завтра заболеешь вот и всё, в барак увезут, будешь там с трубкой в горле помирать... Поэтому берём!

Ножичек пригодился, ножичек щекочет ухо, ножичек гуляет по небритой шее директора, как будто Загублен знает анатомию, и щас как резанет, значит, и всё. А он и курицу-то толком не прикончит, скажет вам честно Загублен.

Ну, Карабас Барабас проверять не хочет, потому как видится ему неприятный сюжет. Пырнет ведь, и тогда придётся куда-то бежать с хлещущей кровью. Зрители не помогут, решат, что это перформанс. Хэппенинг. Венский акционизм! Хи-хи.

Вскакивает. Кричит что-то напоследок. Мол, это теперь твоя проблема. Какая такая проблема?..

Карлица, которая во время разборок пряталась за тем же стулом, хватает Загублена за ремень, чуть ли не валит его. Говорит, ты теперь тут главный.

Во как. Не, спасибо, у меня работа. Я проектировщик, подсовываю китайские светильники под видом европейских, постоянно ворчу, что монтажники дебилы, что себестоимость выросла... Проекты делаю, ага.

Не-е-е-е-т, мой хороший, говорит карлица, ты теперь директор у нас. Распорядитель, хозяин, отец, батюшка. Ты нашего выгнал, а мы дальше как?

Послушайте, уважаемая...

Тут канкан вдруг замолкает, глохнут динамики, и слышно только кричащих мужичков. Разгорячились, кабанчики... Всё, им объявляют, на сегодня всё. Те ворчат, но им обещают на прощанье угостить водочкой, поэтому зал пустеет быстро. Зрители довольны. Не смогли достичь катарсиса, не дождались кульминации, но... Оп!

Загублена окружают девицы... Белоснежка и десять гномих... Они злые!.. Ну и что, что лупил... А ты кто такой, что лезешь сюда, а? Ты зритель? Вот и зри. Стой там в зале, хлопай в ладоши. Можешь смотреть, рассматривать, глазеть, пялиться, облизываться, сви-

стеть... Ну и что теперь? Это у нас единственная работа, дурак... Ой дураак... И что нам делать?

Не мои проблемы, неуверенно огрызается Загублен. Я проектировщик, у меня Вика. Женщина моя, так что никаких других женщин. На работе не поймут вторую занятость. Вика не поймёт. Да какой директор? Сами управляйтесь! Демократия! Человек по природе демократ. Всё.

Ах вот как... Ну мы демократично выбираем тебя директором «Крошки Цахеса»!

Окружили Загублена и не дают пройти. Ну не драться же с ними!.. Одна только куда-то отбежала, а товарки нехорошо так смотрят на него. Общение избранного руководителя с трудовым коллективом.

Чем дышишь, проектировщик?

Я... Я проектирую фасадное освещение.

Отччень хорошо. Спроектируешь и нам хорошее освещение. А еще вот тебе список обязанностей: следи, чтобы мы не шалили (тут через одну оторвы все, особенно Бриджит), корми, управляй театром, ищи денег на всё это, да. С одним тебе повезло — живём мы прямо в театре, нам много места не надо. И не думай каламбурить на эту тему! А теперь за работу!..

Загублен нервно смеется... Только бы выйти отсюда... Возвращается карлица, несёт бумажки. А там уже всё и напечатано. И кто что делает, и сколько. Оклад — вся чистая прибыль. Ну и обязанностей море просто... Трудовой коллектив... Ладно, подписал. Всё? Душно тут у вас.

Сделай вентиляцию, требуют карлицы. А ты что думал? Управляй! Командуй! Делай! Решай! Твоя ответственность!

Да-да, моя... Расступитесь тогда, а?

В гардеробе Загублен от волнения делает «оп» перцовкой и наконец вываливается на свежий индустриальный воздух. Темно. За забором высятся градирни и упираются паром в облака. Сигнальные огни окрашивают округу рубиновым светом... Улица красных фонарей.

Утром всё забыто. Всё неправда. Не было никакого кабаре с канканом, никаких карлиц, никакого мордобития и насилия. Только в обед Загублену начинают звонить, да так, что приходится выключить смартфон. Дальше хуже — звонят на рабочий телефон, и всем сразу!.. Требуют выдать им директора Загублена. В трубку отвечают, что директор конторы вообще Тимофей Анатольевич, а никакой не Загублен. Нет, ерунда, Загубин теперь наш директор, у вас не работает. Точка!..

Загублен оправдывается... Дичь какая-то. От него требуют прекратить хулиганство, мол, это саботаж и вообще, что за шутки!..

Но целый день телефония конторы просто в параличе. Никто не может дозвониться. С почтой то же самое — на все рабочие адреса приходят десятки писем с одним и тем же содержанием и вкраплениями брани. Верните Загублена! Он наш! Пидорасы! Верните!..

Наконец, этому самому Тимофею Анатольевичу приходит письмо со сканом трудового договора, а там всё уже изложено самым подробным образом. Ну, знаете ли, это уже измена!.. Ты чего, Лёш?.. Решил тихой сапой уволиться? Бросить проекты все? Какая шутка, вот же твоя подпись, твои сотрудники звонят. Знаешь, иди разбирайся, и если завтра не появишься, то можешь не возвращаться!

Ах ты... Загублен даже разозлился. Он-то в чём виноват?.. Директор этот ещё... В смысле, Тимофей Анатольевич... Хитрый жук. Копеечные премии, скудные зарплаты... Офис хуже, чем камера в норвежской тюрьме. Зато сам катает на Х6 новеньком. Добрый такой — сувениры привозит из экзотических стран сотрудникам. На тебе, Алексей, магнитик с Мальдив. Имеет право, да? Ну и пошёл в жопу со своими правами, капиталистический ублюдок!

Загублен хлопает дверью (отваливается позолоченная цифра 8) и уходит. Надо зайти к этим мерзавкам. Пообрыдать им косы, пинков нараздавать. Какой театр? Что он вообще знает про сферу развлечений? Он

очень скучный человек. Очень. Не ходит на городские фестивали, не участвует в конкурсах, не голосует.

На удивление «Маленький Цахес» стоит на месте. Днём он выглядит ещё хуже и напоминает заброшенный холерный барак, который по халатности забыли сжечь и снести. Значит, не приснилось.

Загублен на всякий случай сжимает лежащий в кармане газовый баллончик. А что? Их больше. Вчера вон как окружили, обступили... Унизительно. А водителя нельзя унижать. Бабё чёртово!..

Загублен врывается в театр. В гардеробе никого нет, охранника нет, водочки тоже нет. Пинком открывает дверь в зал, а там банда сидит и играет в «очко». Мебель, реквизит — всё валяется без дела, везде беспорядок.

Трудовой коллектив при виде директора сразу возбуждился. Ропщут. Обступили, и начинается — дай это, дай то. Ты видел, что на московской бирже творится? Мы за диверсификацию доходов, Загублен. И чтобы с билетов иметь барыш, и чтобы с водочки, и с танцев на коленях. Думай, как всё коммерциализировать.

Загублен в прострации. Потом думает: а ведь вдруг этот *тот самый* шанс, который единожды даётся кальвинистским богом человеку? Чтобы богатеть и славить господу, чтобы потом понабить денег в карманы и на Ваганьковском кладбище обустроиться? Оно? Оно.

Первым делом Загублен интересуется прошлым бизнес-планом. Прошлого бизнес-плана не было вовсе. Какие-то спорадические попытки завлечь публику. Похоже, бывший директор урывками, между продажей хурмы и сливом бензина из каршеринговых тачек, слушал маркетологов. Что-то там про brand equity, перфоманс маркетинг, USP и RTB. Нахватался ерунды, как трёхлетней малыш земли в рот. К чёрту!

Нужен персонал... Загублен берёт всё, что Вика насобираала в кубышку... Спасибо за доверие и то, что копила на его счету. Потом всё отдаст, с процентами! Купит ей шубу из дохлых норок, купит бриллианты,

золото, будет всё! Но потом. Сейчас надо продвигать блядский театр.

Подумав, Загублен нанимает администратора — чтобы следить за залом, за водочкой, билетами и вообще. Из глубины памяти выуживается Костя.

Костя — белорусский жулик с лукавыми глазами деревенского воришки. Отличный кадр. Пухлый мужик в возрасте, с готовностью берётся за самые дикие предложения, если они сулят богатство. Как раз есть стимул — раздать часть долгов...

Этот олух года четыре назад назанимал денег и вложился в крипту на какой-то бирже. Биржа вызывала доверие — там всё было по-английски, а еще крипта стоила как-то очень дёшево. Беру!.. Вбухал туда \$50000, а потом ему аккаунт заблокировали... Он полез разбираться, и выяснилось, что таких умников собралось на целый автобус. Ну а раз биржа забулганная, то Костя решил написать в ФБР, мол, накрыли банду мошенников, верните, пожалуйста, деньги, love USA, USA strong!!!

Всё ещё ждет ответа.

Ладно, сойдёт.

Костя расправляет узкие плечи, хрустит суставами пальцев и заводит шарманку. Заказывает рекламу, предлагает взять кредит и устроить серию особенно красочных шоу. Хорошо, так и быть!.. Загублен связывается с ростовщиками, а Вике сообщает, что у него теперь подработка, поэтому он будет приходить к утру. Та ничего не поняла, пришлось рассказать про шантаж бывшего работодателя и кабаре с карлицами.

Снова непонимание, потом слёзы, скандал... Она думает, что Загублен организовал бордель, и что он вообще с ума сошёл. Пф! Не с ума сошёл, а нашёл золотую жилу. Деньги потом верну, всё, пока. Хорошая женщина, как ни крути, но, боже, какая же она тупая... Ладно, может, потом эти самые деньги — нет, деньгищи! — их и помирят...

Загублен перебирается жить в театр. Народу и правда становится больше. И работников, и посетите-

лей. Появляется уборщица, которая в полнейшем изумлении старается вернуть театру вид человеческого помещения.

Далее нанимается на постоянную работу охранник, Андрей. Андрей такой же пропащий, как и Костя. Бывший рабовладелец, вербовавший вокзальных дураков на работу директором в ООО «Обналичка». Так и кувыркался в директорах и деньгах, пока война не грянула. Там потом вскрылись несколько корпоративных конфликтов, рейдерские захваты клиентов клиентами, воровство денег со счетов... Андрей отделался испугом, распродал свой роскошный автопарк и устроился курьером. Судьбе показалось мало. Она расстегнула штаны и обмочила Андрея: последнюю машину забрали приставы, жена с детьми свалила к родителям, а великолепный дом на участке в двадцать соток оказался самостроем. Вон из жизни!

Пошёл работать в блевотный магазин охранником, где от тоски и несправедливости каждую неделю устраивал разборки с местными алкашами, пытавшимися унести в кармане мерзавчика.

И тут вакансия — начальник службы безопасности в ночном клубе. Продано!

Ну и пошла гулять губерния. Костя с кем-то договорился, и в маленький театр начали хаживать блогеры. При виде блогеров Загублен от удивления открывал рот и не верил, что они вообще существуют. Мельтешащие суетливые черты с детскими глазёнками и интонациями шарлатанов из Гербалайфа. Привет всем! Сегодня мы попали в необычный ночной клуб!..

Ссссука... Ладно, ты нам деньги главное приноси...

И приносили!.. Загублен всё подумывал, как бы отлупить знаменитой стальной линейкой не только Бриджит, но и блогера какого-нибудь, но быстро отказался от идеи... Дураки так кривлялись, что в «Маленького Цахеса» ломанулось полгорода. Все хотели поглубже окунуться в грязь, почувствовать тепло навоза, извлекаться в луже. Цены не останавливали. Дорогущие

билеты, коньяк с какого-то подпольного дагестанского завода по цене Courvoisier — всё равно!..

Каждые два дня театр превращался в суший вертеп. Пропадающее местечко!.. Причём плясали одно и то же, но все уже были такие накрученные и спятившие, что и не замечали. Деньги не текли рекой, а просто заполонили всё... Купюры валялись на полу, не лезли в старую кассу, выбивались из-под дверцы сейфа. Москва прыгнула с ума от карлиц, и непонятно почему... Теперь уже не Костя звал блогеров и журналистов, а сам Загублен фильтровал их... Выходил из театра, где мерзла очередь, и начинал орать... Эй ты, в колготках... Заходи! Вон тот клоун с крашенными волосами! Если выпьешь щас со мной «Бутульму», пуцу... Сам стоит в шубе из песка, на руках колец — как у начальника концлагеря, золотая цепь, золотые часы... Цыган! Да, цыган! Всяк внутри желает побыть цыганом, шикануть, сверкнуть!.. Золото, отблески, мерцание, сверкание — всего это так не хватает в Москве, серой, как двухдневный труп.

32

Дальше больше. Раз попало к журналистишкам, значит попало на прицел к мытарям, полиции и другим неприятным персонажам. Загублен смеется, мол, ничего вы не получите. Ничего! Какие протоколы, о чём ты? Тут нет никакого театра!

За день весь кабак переезжает на другой конец Москвы, и всё начинается заново. Пока околоточные с мытарями строчат докладные записки, собирают показания и ищут концы, на месте «Крошки Цахеса» в столовой открывается баптистская церковь «Иисус наш друг». Менты через месяц приходят всех винтить, а там дамы за пятьдесят за руки кружатся и поют. Это что такое?..

Так и работают, так и живут. Переезжают с одной поляны на другую. Дают уникальные представления в полязаброшенных ТЦ, ввергая хозяев в священный ужас. Те сначала пересчитывают деньги, а потом замирают, бледнеют. А вы не знали? У нас инклюзивный концерт, кто сказал канкан и блядство?.. Вы перепу-

тали. Впрочем, прощайте, мы не вернемся. Слава богу, вся Москва состоит из ТЦ в упадке... Какие-то пога-
ные районные фурункулы, где торгуют белорусским
тряпьем и салом, обувной мастер, ноготочки и фото на
паспорт. Ну а теперь и канкан!

Загублен, впрочем, ничего толком не помнит. Не-
сколько раз, пьяным в дым, звонил Вике, та перестала
брать трубку, не отвечает на сообщения. Он не изме-
нял, клянется, и даже денег с прибытком насоби-
рал! К нему подсказывает Юдифь (он их всех путает), отни-
мает смартфон... Прекрати звонить бывшей... Лёша,
твоя женщина — это искусство, ты должен заниматься
искусством, ты наш Дягилев...

Откуда она Дягилева знает?.. Загублен обхватыва-
ет Юдифь (или Урсуду?) за плечи и требует немедленно
рассказать своё настоящее имя. Имя! Она смеется,
уверяет, что имя самое настоящее, а ему пора уже ку-
пить цилиндр на свою замечательную башку, и устро-
ить еще более грандиозный концерт.

Покупает. С концертом сложнее — Загублена обхо-
дят стороной. Все городские площадки стерильные,
как кастраты. Им бы что-нибудь поспокойней, там,
скажем, многонациональный фестиваль «Русский
плов» или вроде того. А тут!.. Канкан, карлицы, блоге-
ры, молодёжь сходит с ума... Это как Альбина Сексова,
только в десять раз концентрированнее... Главное, что
трезвых не бывает — трезвых бьют и выгоняют из
«Крошки Цахеса»... Андрей за этим следит... Некото-
рых он даже в рабство продаёт по старой службе, на-
шёл себе подработку, козёл... Ладно, потом разберем-
ся...

В итоге решают отплясать прямо на пустыре.
Грандиозное неистовство! Там раньше завод стоял,
потом всё, как заведено, снесли. Вроде как очередной
миллиардер загадочного происхождения (папа — со-
малиец, мама — ветеринар погранслужбы) решил от-
строить на пустыре то ли мечеть, то ли торговый
центр, то ли всё сразу... Сойдёт...

Завезли технику, сбили сцену, выставили ограждения. Главное, быстро, быстро!.. Костя носится, как бегунец. Он ведь вместо того, чтобы расплатиться, снова в крипту вложился, а та подленько так упала, обвалилась. Ну вот слёзы наворачиваются, вот не везёт же! Так что Костя ушёл в работу, потому как денег и здесь немерено — можно даже не вкладываться, а просто из сейфа брать... Загублен не заметит... И это правда, не замечает! Пьяный угар, дым, забытьё. Как с цепи сорвался... Уже тёплый март, а он в шубе и в цилиндре, пропахший табаком, «Бутульмой» и автомобильным освежителем...

Ладно, организовали! Ломанулась на этот раз вся Москва. Плясали так, что жалобы лились со всех концов города. Прекратите шуметь! У нас что, землетрясение в городе? Ребёнок проснулся из-за вас!.. Бизнес-дрочилы из Москва-Сити отбросили все дела (обсуждение машин, запланированный обед во вьетнамской забегаловке на десятом этаже, обыск), полезли на смотровую площадку... Даже заказали бинокль. Смотрят, а там!.. Там крошечная сцена, за спиной — гигантские экраны, а на них — карлицы в трико пляшут канкан. Ревёт самая похабная заезженная музычка из оперетт, попури, просто бред сивой кобылы... За диджейским пультом сам Загублен!

Народ ломанулся на пустырь, кто с билетом, кто без, словно открылись врата в рай. Загублену предлагают контракты, просто суют деньги в карманы, лишь бы с карлицами дал сняться, лишь бы можно было упомянуть, попасть в один кадр. Случилось окончательное умопомрачение. На эту дионисийскую мистерию слетелись все менты ЦФО, вся Росгвардия. Бусики с чёрными номерами перекрыли улицы, поднялись вертолёты, сто мегафонов орут «А ну, блядь, прекратили!»... Налоговики сами себя охаживают руками, подсчитывают, сколько можно доначислить... Депутаты, и те даже отвлеклись от борьбы с глобальным Западом, тоже возбудились, мол, что такое.

Да, Загублен в Москву деликатесов навёз для всякой твари — и повод для десяти уголовных дел, и скрытые доходы на несколько миллиардов бумажек, и причины падения нравственности и разрушения института брака... Одним только карлицам хорошо и плевать, все тоже и при золоте, и при деньгах, Загублена носят на руках (особенно, когда он опасно отравлен ядом настоек и не может выдавать Деягина)...

За кулисы прибегает Андрей, рыдает, что дело швах... Просто плачет! Ну и что делать? Успокаивать здорового дядьку, который, по его же утверждениям, служил в ФСО?.. Ты не понимаешь, Лёш... Я же не знал, во что ты втягиваешь меня?.. Да, видите ли, ему больше нельзя попадаться ментам, он в прошлый раз еле отмазался. А теперь всё! Что делать-то? Они же старые дела поднимут!.. Спокойно, раздраженно рычит, Загублен. Во-первых, пошёл в жопу, старый пёс! Во-вторых, вот тебе выходная премия, мы сворачиваемся. Дал охраннику коробку денег банка приколов и за плечи его вытолкал вон со сцены... Нам с предателями и кайфоломами не по пути.

Но в одном он прав... Пора уже заканчивать, пахнет адом. А пахнет ад казармой, баландой и пыльными бумагами миллионов уголовных дел.

За Андреем следует Константин. Загублен прощает ему всё то, что он наворовал. Подожди, Лёш, а как же вот моя зарплата ещё, а ведь ты меня сокращаешь, и это еще три оклада... Хрясь!.. Загублен всеми своими цыганскими перстнями отправляет администратора на землю, а затем ставит на шею ботинок из крокодиловой кожи. Ещё раз увижу твою морду, говорит ботинок, и я тебя пришью.

Уполз. Убежал.

Ну всё, теперь девок в охапку, и самому бежать! Вертолёты мешают коммуницировать, через забор пустыря лезут братки в чёрной форме с дубинками, автоматами... Плевать, всё продумано.

Загублён забирается на сцену, где карлицы как раз закончили плясать и с тревогой наблюдают за тем, как

чёрные струйки казённых людей рассекают свихнувшуюся толпу. Холодный мартовский ветер пытается сбить цилиндр с Загублена, но он лишь смеётся. Это ветер свободы, кричит он. Затем достаёт из глубоких карманов шубы дымовые шашки, зажигает их и бросает со сцены в толпу.

Дым быстро застилает всё вокруг. Ветер лишь ещё сильнее разгоняет страшное облако, в которое бесильно врезаются полицейские прожектора. Что там происходит? Где подозреваемый?!

А там вот что: давка! Страшная отчаянная давка, когда каблуками наступают на чьё-то лицо и снимают всю кожу, когда раздавленные тела, сломанные рёбра, удушье, лопнувшие внутренние органы... Сотни покалеченных, десятки трупов... Плевать... Никого не жалко...

Послушай, друг!.. Мне не нужны истории про то, что я сволочь бессердечная... Или что я обязательно пожалею об этом. Если бы ты знал, сколько раз я жалел о чём-то в своей жизни, ты бы разрыдался...

Загублен командует карлицам отходить вместе с ним... Вот же проектировщик, а! С самого начала наметил пути отхода, да так, чтобы и не видно было, куда он там провалился как факир... Сюда, сюда, пригибаемся, теперь перелезаем... Там даже не щель в заборе, а просто какой-то подкоп, где раньше была заводская канализационная труба для слива вкусовости наружу. Неспешно вся труппа кабаре карабкается по немногочисленным руинам, обходит бетонные остовы зданий, а затем оп!

И всё. И никого не было. Свидетелей тоже не было, потому что все глазели на сцену, где в истеричном свете прожекторов и китайских светильников совершалось массовое убийство. Дело национального масштаба!.. Можно сказать, теракт... Кто за этим стоит? Неужели и тут западные спецслужбы? Во всём, конечно, обвинили Загублена, потому как государство никогда, никогда, слышишь? Не ошибается... Не было никакой паники, спровоцированной жандармами... Бед-

няжку Вику затаскали на допросы, где он, а, отвечай... Рыдает, не знала, что такая скотина Лёшка-то... Да и Лёшка ли это? Господин в цилиндре и шубой, а за ним — десять карлиц... А они уходят, уходят, уходят... Растворились в позолоченной Москве, как будто и не было никого.

И если вдруг услышите, что где-то снова появилось кабаре с канканом и маленькими женщинами, то не верьте, это всё подражатели. Они скучные, они не играют до надрыва, и все чего-то боятся.

И если вдруг прочитаете, что видели отшельника с десятью детьми в глухой калмыцкой степи в какой-то волшебной гасиенде с конопляными полями, то и этому не верьте, это неправда.

Но если вдруг вам скажут, что Загублен был пойман, осуждён, отсидел десять лет и вновь работает проектировщиком, то рассмейтесь и объявите собеседника лжецом.

Аминь.

м е р т в ы й

т е к с т

Хорас Уолпол
ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ СКАЗКИ³

*Schah Baham ne comprenoit jamais bien que le
choses absurdes & hors de toute vraisemblance.*

Le Sopha, p.5⁴

Вступление

38

Поскольку бесценный дар, который я приношу свету, может удовлетворять не все вкусы серьезностью своей материи, основательностью суждений и глубокой ученостью, содержащейся на последующих страницах, необходимо как-либо оправдать выход этого труда в столь пустой век, который не занимает ничто, кроме современной политики, сатиры на известные лица и праздных сочинений. Итак, истинной причиной, побудившей меня одолеть все эти препятствия, было единственно следующее: предчувствие, что сей труд должен быть сохранен для потомков; и хотя сегодня его могут осуждать, я не сомневаюсь, что к нему отнесутся с надлежащим почтением через сотни веков, когда мудрость и ученость обретут подобающее им

³ Hieroglyphic Tales, 1785. Перевод с английского Василия Кондратьева и Екатерины Ракиной.

⁴ Шах Бахам всегда хорошо понимал только абсурдные и совершенно неправдоподобные вещи. (фр.) [Цитата из романа Клода Проспера Жюлио Кребийона (1707-1777) «Софа» (1742)]

влияние на человечество, и когда люди станут читать только ради назидания и совершенствования своего разума. Поскольку я собираюсь отпечатать около сотни тысяч экземпляров, то некоторые из них, надеюсь, переживут смятение, в коем пребывают духовные труды, и тогда сия драгоценность озарит мир своим истинным сиянием. Я весьма спешил отдать этот труд в набор, поскольку предвижу, что вскоре искусство книгопечатания будет вовсе утрачено, как и другие полезные открытия, хорошо знакомые древним. Таковы были искусство растворять камни в горячем уксусе, искусство обучения слонов танцевать на льняном канате, изготовления ковкого стекла, сочинения эпических поэм, которые каждый прочтет спустя месяц после их выхода в свет, и наиважнейшее изобретение новых религий, тайна, последним хранителем которой был неграмотный Магомет.

Невзирая на такое радение к хорошей словесности и на мою ревность ко всемирному гражданству (поскольку я провозглашаю, что задумал этот дар для всех наций), на моем пути существуют мелкие затруднения, которые не позволяют мне оказать свету это великое благодеяние в полной мере и сразу. Я вынужден выпускать его малыми долями, и поэтому призываю молитвы всех добрых и мудрых людей, которые могли бы продлить мою жизнь, пока я не опубликую весь этот труд полностью, потому что не найдется ни одного другого человека, способного выполнить сие лучше меня, по причинам, кои мне не позволят уточнить скромность. Пока же, поскольку в обязанности издателя входит довести до света все, что относится к нему самому и его автору, я считаю справедливым упомянуть о тех причинах, которые понуждают меня публиковать этот труд по частям. Обычно подобные действия оправдываются тем, что для удобства покупателей книга должна стать дороже, ибо предполагается, что средний человек скорее расстанется с двадцатью шиллингами, выплачивая по шесть пенсов раз в две недели, чем отдаст десять шиллингов сразу. При

всей заботе об интересах общественности признаюсь, что причины моего поступка всего лишь личные. Поскольку обстоятельства мои весьма скромны, настолько, что едва позволяют достойно содержать джентльмена моих дарований и образования, я не могу позволить себе напечатать сразу сотню тысяч экземпляров тех двух томов ин-фолио, которые будут представлять собой весь объем «Иероглифических сказок», доведенных до совершенства. Затем, страдая сильной астмой и нуждаясь в свободном доступе воздуха, я обитаю на верхнем этаже дома в переулке неподалеку от Сент-Мэри Экс; и поскольку в этом здании располагается весьма доброе общество, только значительная любезность позволила мне одному занять отдельную комнату; в сей комнате не имеется никакого места, чтобы разместить весь тираж, потому что я намереваюсь продавать экземпляры самостоятельно и, по обыкновению прочих великих людей, собственноручно надписывать каждый титульный лист.

При всем желании ознакомить свет и со многими другими обстоятельствами, которые меня касаются, некоторые личные соображения не позволяют мне здесь больше потворствовать любопытству, однако я позабочусь составить столь подробный отчет о самом себе для одной публичной библиотеки, что будущие комментаторы и издатели настоящего труда не останутся без необходимых им путеводных огней. А пока же прошу читателя принять в качестве временного возмещения рассказ об авторе, труд которого я издаю.

«Иероглифические сказки» были, несомненно, написаны незадолго до сотворения мира и с тех пор сохранялись в устных преданиях гор Крампкраггири, необитаемого острова, доселе не открытого. Эти скудные факты могут с большой подлинностью удостоверить несколько священников, которые помнят, как слышали их от стариков задолго до того, как они, эти упомянутые священники, родились. Мы не станем докучать читателю этими удостоверениями, поскольку уверены, что всякий поверит им так же, как если бы

сам с ними ознакомился. Намного труднее установить подлинного автора. Мы можем с большой вероятностью приписать их Кеманрлегорпику, сыну Квата, хотя и не уверены, что такая личность когда-либо существовала, и потому остается неясным, написал ли он что-нибудь, кроме поваренной книги, да и ту героическим стихом. Другие приписывают их мамке Квата, а некоторые — Гермесу Трисмегисту, хотя труд последнего, посвященный клавесину, содержит место, прямо противоречащее рассказу о первом вулкане из 114-й Иероглифической сказки. Поскольку труд Трисмегиста утрачен, невозможно судить, является ли упомянутое противоречие настолько определенным, как утверждают многие ученые люди, которые могут догадываться о мнении Гермеса по другим местам из его сочинений и которые на деле не уверены, говорил ли он о вулканах или о ватрушках, потому что рисовал он так скверно, что его иероглифы зачастую можно принять за предметы, прямо противоположные в природе; а поскольку нет такого предмета, которого он не трактовал, то нельзя узнать точно, что в каком-либо из его трудов обсуждалось.

Вот самое большее, что мы с долей уверенности можем заключить об авторе. Однако были ли эти сказки написаны им самим шесть тысяч лет тому назад, как мы предполагаем, или их написали за него в минувшее десятилетие, они бесспорно представляют собою древнейший на свете труд; и хотя в них не много воображения и даже еще меньше изобретательности, в них, тем не менее, такое множество мест, в точности напоминающих Гомера, что любой из живущих мог бы заключить, что они подражают этому великому поэту, если бы не было уверенности, что это Гомер заимствовал из них, чему я приведу два доказательства: прежде всего, поместив параллельные отрывки Гомера внизу страницы, и затем, переложив Гомера прозой, что делает его настолько непохожим на самого себя, что никому не придет в голову, что он мог быть исходным автором; и тогда, когда он станет совершенно безжиз-

ненным и пресным, нельзя будет не предпочесть эти сказки Илиаде; в особенности потому, что я намереваюсь придать им такой стиль, который не будет ни стихами, ни прозой; слог, в последнее время часто используемый в трагедиях и в тех героических поэмах, которые за отсутствием правдоподобия редко представляют собой героические поэмы, поскольку древле-современный эпос является, по сути дела, всего лишь трагедией, не имеющей, или почти не имеющей, места действия, а также никаких потрясений, кроме призрака или бури, и никаких событий, кроме гибели главных лиц.

Я не буду дольше удерживать читателя от прочтения этого бесценного труда; однако же, я должен просить публику поспешествовать, чтобы весь тираж разошелся, как только я сумею его отпечатать; поэтому я обязан ей сообщить, что замышляю еще более ценный труд; а именно, новую историю римлян, где я намереваюсь осмеять, разоблачить и выставить в истинном свете все добродетели и патриотизм древних и покажу по подлинным бумагам, которые собираюсь написать и впоследствии захоронить в развалинах Карфагена, дабы затем извлечь, что письма Ганнона к пуническому посланнику в Риме доказывают, что Сципион был на жаловании у Ганнибала и что медлительность Фабия объясняется тем, что и его тоже содержал сей полководец. Я сознаю, что это открытие пронзит мое сердце; однако поскольку мораль лучше всего преподавать, показывая, как мало она значила для самых лучших людей, я принесу самые добродетельные имена в жертву воспитанию безнравственности сегоднешнего поколения; и не сомневаюсь, что как только они выучатся презирать любимых героев древности, они сразу же станут добрыми подданными самого благочестивого короля из живших когда-либо со времен Давида, который, изгнав законно правившую семью, слагал потом псалмы памяти Ионафана, своей предвзятостью освободившего ему престол.

Первая сказка.

Новая забава из арабских ночей

У подножия великой горы Гиронкву в древности располагалось царство Ларбидель. Географы, не имеющие склонности к столь уж справедливым сравнениям, сообщают, что оно напоминало футбольный мяч, который сейчас выбьют; так и произошло, потому что гора пнула это царство в океан, и больше о нем ничего не слышали.

Однажды юная царевна взобралась на вершину этой горы собирать козы яйца, белки коих так замечательно сводят веснушки.

— Козы яйца!

— Конечно, натуралисты считают, что все существа зачинаются в яйце. Козы с Гиронкву тоже могли быть яйцекладущими и могли откладывать яйца созревать под солнцем. Таково мое предположение, и неважно, верю я в него сам или нет. Я письменно выступлю и буду поносить всякого, кто выскажется против моей гипотезы. Будет и в самом деле прекрасно, если ученых людей обяжут верить в то, что они утверждают.

Противоположный склон горы населяла народность, о которой ларбидельцы имели не больше понятия, чем французское дворянство о Великобритании, считающейся у них островом, куда можно так или иначе добраться по суше. Царевна забрела до предместий самого Кукуруку, когда ее вдруг схватили стражники правителя той страны. Они в нескольких словах объяснили ей, что обязаны препроводить ее в столицу и выдать замуж за великана, своего господина и императора. Этот великан пристрастился каждую ночь получать новую жену, которая рассказывала ему историю до самого утра, а потом ей отрубали голову — так прихотливо иные люди проводят брачные ночи! Царевна робко поинтересовалась, почему их господину нравятся такие длинные истории. Капитан стражи ответил, что Его Величеству не спится.

— Ну что же, — сказала она, — пусть так! Не то чтобы я полагала, что умею рассказывать столь длинные истории, как ни одна из цариц Азии. Нет, но я могу прочитать наизусть все эпиграммы Леонида, и ваш император должен в самом деле страдать бессонницей, чтобы устоять против этого.

К тому времени они уже пришли во дворец. К большому удивлению царицы, император, оказавшийся отнюдь не великаном, был ростом всего лишь пять футов и один дюйм; однако, поскольку его предшественники были на два дюйма ниже, лествичные наградили его прозвищем великана; поэтому он смотрел на любого, кто оказывался выше его ростом, сверху вниз. Царицу тут же разоблачили и отправили в постель, где Его Величеству не терпелось услышать очередную историю.

— Свет моих очей, — сказал император, — как тебя зовут?

— Я представляюсь, — начала она, — как царица Гроновия, хотя на самом деле меня зовут фрау Гронау.

— А зачем нужно имя, — спросил Его Величество, — если им не зовут? И почему ты выдаешь себя за царицу, если это не так?

— У меня романтический склад, — отвечала она, — и я всегда собиралась стать героиней романа. А есть два условия, дающие кому-либо сие звание: нужно быть пастушкой или царицей.

— Что ж, утешься, — сказал великан, — ты умрешь императрицей, не став ни той, ни другой! Однако что за высшая причина заставила тебя так необъяснимо растянуть имя?

— Это фамильный обычай, — сказала она, — все мои предки были учеными людьми и писали про римлян. Они давали своим именам латинские окончания, так как те звучали более классически и обеспечивали высокую оценку их сочинений.

— Для меня это все равно, что по-японски, — сказал император. — Однако твои предки кажутся мне

сборищем шарлатанов. Можно ли понять что-нибудь лучше, испортив свое имя?

— О, — сказала царица, — но в этом также проявлялся вкус. В Италии было время, когда ученые заходили еще дальше; и человек с большим лбом, родившийся пятого января, прозывался Квинт Януарий Фронтон.

— Новые нелепости, — сказал император. — У тебя, кажется, множество неуместных познаний про множество весьма неуместных людей; однако же, продолжай рассказывать: откуда ты?

— Минхер, — отвечала она, — я рождена в Голландии.

— Пусть так, черт тебя возьми, — сказал император, — и где это?

— Не было нигде, — сказала царица, — кроме как в духовном мире, пока мои соотечественники не отобрали страну у моря.

— Неужели, малявка! — сказал Его Величество. — Однако скажи на милость, кто были твои соотечественники, прежде чем у вас появилась страна?

— Ваше величество задает весьма глубокий вопрос, — ответила она, — который мне не решить сразу; но я сейчас выйду в мою домашнюю библиотеку, чтобы взглянуть в пять или шесть тысяч томов новейшей истории, в одну или две сотни словарей и в краткий очерк географии в сорока томах ин-фолио, и тут же вернусь.

— Не так скоро, жизнь моя, — сказал император, — ты не встанешь до тех пор, пока не пойдешь на казнь; уже второй час ночи, а ты до сих пор не начала свою историю.

— Мой прадед, — продолжала царица, — был голландским купцом и провел много лет в Японии.

— По какому делу? — спросил император.

— Он отправился туда отречься от своей веры, — сказала она, — и заработать на этом достаточно денег, чтобы вернуться и защищать ее от Филиппа II.

— У вас славное семейство, — сказал император, — однако, хотя мне нравятся басни, я ненавижу генеало-

гию. Я знаю, что во всех семьях, по их собственным рассказам, никогда не рождалось никого, кроме хороших и великих мужей от отца до сына: род вымысла, который меня вовсе не забавляет. В моих собственных владениях вместо знати — лесть. Тех, кто мне угождает лучше остальных, я делаю большими господами, и титулы, которые я им присуждаю, соответствуют их достоинствам. Вот Целуй меня в зад-Могу, мой фаворит; Подхалим-Могу, главный казначей; Превосходи-Могу, верховный судья; Кошунствуй-Могу, первосвященник. Тот, кто скажет правду, обесчестит свою кровь и ipso facto падет. Вы в Европе считаете человека благородным потому, что один из его предков был льстецом. Однако все вырождается тем сильнее, чем дальше оно от истоков. Я не хочу слышать ни слова о твоём племени до отца; так кто же он был такой?

— В разгар споров о Булле Унигенитус...

— Я же тебе сказал, — перебил император, — чтобы мне больше не докучали людьми с латинскими именами; это сборище хлюстов, видно, заразило тебя безумием.

— Мне жаль, — ответила Гроновия, — что ваше высочайшее величество настолько мало знает состояние Европы, чтобы принять постановление папы за человека. Унигенитус есть латинское название иезуитов.

— А кто к черту такие эти иезуиты? — спросил великан. — Ты объясняешь одно бессмысленное слово другим, и удивляешься, что я никак не пойму.

— Сир, — сказала царица, — если Вы позволите мне дать вам краткое изложение тех волнений, которые терзали Европу последние два столетия из-за доктрин благодати, свободы воли, предопределения, искупления, оправдания и т. д., то это развлечет вас больше и покажется менее правдоподобным, чем если бы я рассказала вашему величеству сказку о феях и домовых.

— Ты несносная болтуня, — сказал император, — и очень самодовольная, однако выговаривай сполна и

о чем захочешь до следующего утра; но клянусь духом святого Джириджи, ездившего на небеса верхом на сорочьем хвосте, как только часы пробьют восемь, ты умрешь. Итак, так кто был этот Иезуит Унигенитус?

— Новые учения, возникшие в Германии, — сказала Гроновия, — заставили церковь обратить на нее пристальное внимание. Последователи Лойолы...

— Кого? — зевнув, спросил император.

— Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов, — отвечала Гроновия, — бывшего...

— Автором Истории Рима, полагаю, — перебил император. — Что, черт возьми, для вас римляне, если вы так утруждаете ими голову?

— Римская империя и Римская церковь представляют собой две различные вещи, — сказала царица. — И все же можно сказать, что они зависят друг от друга, как Новый завет от Ветхого. Одна из них разрушила другую и все же заявляет о праве наследования владений церкви.

— Который там час? — спросил император у старшего евнуха. — Должно быть, наверняка к восьми — эта женщина сплетничает никак не менее семи часов. Слышишь ты, чтобы моя жена на следующую ночь была немой — отрежьте ей язык, прежде чем привести в опочивальню.

— Мадам, — сказал евнух, — Его Высочайшее Величество, осведомленность коего простирается до заморских земель, слишком хорошо знаком со всеми человеческими науками, чтобы нуждаться в сведениях. Поэтому его высокопоставленная мудрость предпочитает рассказы о том, чего никогда не случалось, любому изложению истории или богословия.

— Ажешь, — сказал император, — если исключить правду, я никоим образом не собираюсь запрещать богословие. Сколько у вас в Европе богословов, женщина?

— Трентский собор, — отвечала Гроновия, — постановил...

Император принялся храпеть.

— Я имею в виду, — продолжала Гроновия, — что, несмотря на все постановления папы Павла, кардинал Палавичини утверждает, что за первые три заседания этого собора...

Заметив, что император уже крепко заснул, царевна и старший евнух набросали ему на лицо несколько подушек и держали, пока он не испустил дух. Как только они убедились в том, что он умер, царевна, выказывая необходимое горе и отчаяние, вышла к дивану, где ее тут же провозгласили императрицей. Император, как было объявлено, скончался от геморроидальной колики, однако, чтобы увековечить свое уважение к его памяти, ее императорское величество провозгласила, что будет строжайшим образом придерживаться основ его правления. Соответственно, она каждую ночь выходила за нового мужа, однако освобождала их от рассказов и милостиво соглашалась, в награду за их хорошее поведение, откладывать последующую казнь. Она рассылала подарки всем ученым людям Азии; в свою очередь, они не забывали провозглашать ее образцом милосердия, мудрости и добродетели; и хотя панегирики ученых обычно настолько же неуклюжи, насколько раздуты, они убедили ее в том, что их сочинения будут столь же долговечны, как медь, и что память о ее славном правлении сберегут для самых дальних потомков.

Вторая сказка. Царь и три его дочери

Жил-был царь, и было у него три дочери — то есть, у него были бы три, окажись их на одну больше, однако же, так или иначе, старшая из них так и не появилась на свет. Она была изумительно красива, обладала острым умом и в совершенстве объяснялась по-французски, что подтверждают все авторы той эпохи, и, тем не менее, ни один из них не делает вид, что она в самом деле существовала. Бесспорно известно, что две прочие царевны были далеко не красавицы; у

средней был заметный йоркширский выговор, а у младшей — плохие зубы и только одна нога, по какой причине танцевала она прескверно.

Поскольку едва ли было возможно, чтобы у Его Величества родились другие дети, ибо ему сравнялось восемьдесят семь лет, два месяца и тринадцать дней, когда скончалась его царица, все подданные его короны весьма жаждали выдать царевен замуж. Однако заключению брака, столь важного для сохранения мира в стране, препятствовало одно существенное обстоятельство. Царь настаивал, что первой должна выйти замуж его старшая дочь, а коль скоро такой особы не существовало, было необычайно трудно подобрать ей подходящего мужа. Решимость Его Величества поддерживал весь двор, однако, поскольку даже при наилучшем государе всегда имеются недовольные, нация раскололась на партии, и ворчуны, или патриоты, настаивали, что средняя царевна является старшей, и ее следует объявить наследницей престола. В пользу и против этого было создано множество памфлетов, но правительственная партия сделала вид, что не может опровергнуть аргумент канцлера, который заявил, что средняя царевна не может быть старшей, поскольку никогда ни у одной наследницы престола не было йоркширского говора. Немногие лица, которые сочувствовали младшей царевне, воспользовавшись этим доводом, нашептывали, что ее высочество имеет самые веские основания претендовать на престол; поскольку, ежели старшей царевны не существует, старшей должна быть средняя, и ежели она не может быть средней, коль скоро она старшая, и ежели, как доказал канцлер, она не может быть старшей, из этого, согласно всем законам, естественно следует, что она не может быть никем вовсе; после чего, разумеется, заключалось, что младшая должна быть старшей, если у нее нет старшей сестры.

Сложно вообразить, сколько смут и несчастий вызвали эти противоречивые притязания, и каждая партия стремилась усилить свою позицию, заручаясь ино-

земными союзниками. Дворцовая партия, лишенная достойного преданности предмета, была среди них самой преданной и объединялась сердечностью, заменявшей ей основательные принципы.

Сии убеждения разделяло, в основном, духовенство, за что их и именовали «первой партией». Медики составляли вторую; а юристы высказывались в пользу третьей, или партии младшей царевны, поскольку сие, казалось, оставляло наибольший простор для допустимых сомнений и бесконечного сутяжничества.

В то время как нация пребывала в столь горячем состоянии, в те земли прибыл князь Квифериквимини, который был бы самым безупречным героем своего времени, не будь он мертв, говори хоть на одном языке, кроме египетского, и не будь у него три ноги. Невзирая на эти изъяны, он незамедлительно обратился на себя взоры всей нации, и каждая партия желала увидеть его женихом той царевны, интересы которой отстаивала.

50

Старый царь принял его с самыми высокими почестями; сенат адресовался к нему в высшей степени подобоострастно; царевны так увлеклись им, что их вражда обострилась, как никогда прежде; а придворные дамы и петиметры изобрели по этому поводу тысячу новых мод — все должно было стать *à la* Квифериквимини. Как мужчины, так и женщины оставили румяна и помаду, дабы выглядеть более похожими на труп; их платье было вышито иероглифами и различными безобразными знаками, которые они смогли почерпнуть в египетских древностях, и которыми им пришлось удовольствоваться за невозможностью выучить язык, который утрачен; а все столы, кресла, табуреты, секретеры и кушетки делались лишь с тремя ножками; последнее, впрочем, скоро вышло из моды, так как было чрезвычайно неудобно.

Князь, который с самой своей смерти отличался слабой конституцией, был несколько утомлен столь избыточным вниманием и часто желал оказаться у себя дома, в гробу. Однако величайшей трудностью для не-

го было избавиться от младшей царевны, которая скакала за ним, куда бы он ни направился, была столь преисполнена восхищения перед тремя его ногами, столь смущалась своей всего лишь одной и пребывала столь озабоченной желанием постичь, каким образом крепятся три его ноги, что, будучи добродушнейшим человеком на свете, он бывал глубоко потрясен всякий раз, когда ему случалось в приступе раздражения обронить несдержанную фразу, каковая неизбежно вызывала ее мучительные рыдания, отчего она выглядела столь безобразной, что становилось невозможно соблюдать с ней даже самую простую учтивость. Он имел не больше расположения к средней царевне — говоря по правде, привязанность его завоевала именно старшая; и страсть его однажды во вторник утром усилилась с такой яростью, что, отбросив все доводы благоразумия (ибо существовало много причин, по которым ему следовало бы остановить свой выбор на одной из других сестер), он поспешил к старому царю, открыл ему свое сердце и потребовал руки старшей царевны. Радость старого доброго монарха была несравнима ни с чем, ибо ему не хотелось ничего иного, кроме как дожить до заключения этого брака. Заключив скелет князя в объятия и оросив впадины его щек горячими слезами, он дал свое согласие и добавил, что немедленно отречется от престола в пользу князя и своей любимой дочери.

Недостаток места вынуждает меня обойти стороной многие обстоятельства, которые очень украсили бы этот рассказ, и я сожалею, что должен охладить нетерпение моего читателя, сообщив ему, что, невзирая на рвение старого царя и юношеский пыл князя, свадьбу пришлось отложить; архиепископ заявил, что ее непременно условием должно быть отпущение, полученное от папы, поскольку стороны состоят в недозволительной степени родства; женщина, которой никогда не было, и мужчина, которого больше нет, согласно церковному закону являются двоюродными сестрой и братом.

Отсюда возникло следующее затруднение. Вероисповедание квифериквиминийцев совершенно противоречило религии папистов. Первые верили исключительно в благодать; у них был собственный первосвященник, который полагал, что обладает непререкаемым правом собственности на благодать, каковое право позволяет ему делать существующим никогда не существовавшее и препятствовать существующему существовать.

— Нам ничего не остается, — сказал князь царю, — как отправить к первосвященнику благодати официальное посольство с подарком в сотню тысяч миллионов слитков, и он сделает так, что Ваша очаровательная не-дочь явится существующей, помешает мне умереть, и не потребуется никакого отпущения от вашего старого Римского дурака.

— Как! Ты, нечестивый, атеистичный мешок высохших костей, — вскричал старый царь, — ты смеешь оскорблять нашу святую веру? Ты не получишь мою дочь, ты, трехногий скелет — убирайся, будь погребен и проклят по заслугам; ибо ты столь же мертв, сколь и нераскаян; и я скорее отдам свое дитя бабуину, у которого одной ногой больше, чем у тебя, чем вручу ее настолько нечестивому трупу.

— Лучше бы Вы вручили свою одноногую инфанту бабуину, — сказал князь, — они больше друг другу подходят. Пусть я труп, я все же лучше, чем никто; а кто, к дьяволу, возьмет в жены Вашу не-дочь, кроме покойника! Что до моей веры, в которой я жил и умер, не в моей власти теперь изменить ее, даже если бы я того желал — разве что ради Вас...

Громкий крик прервал этот диалог, и капитан гвардии, вбежавший в царский кабинет, сообщил Его Величеству, что средняя царевна из мести отвергнувшему ее князю отдала свою руку солевару, состоявшему в городском совете, и что горожане, обсудив этот союз, провозгласили их царем и царицей, позволив Его Величеству сохранить за собой титул до конца жизни, срок коей был ими установлен в полгода; и постанови-

ли из уважения к царственному происхождению князя, что тому следует немедленно лечь для прощания и быть торжественно погребенным.

Пертурбация сия была столь внезапна и всеобъемлюща, что все партии одобрили случившееся или были вынуждены сделать вид, что одобряют. Старый царь умер на следующий день, по словам придворных, от счастья; князя Квифериквимини похоронили, несмотря на то, что он ссылался на международное право; а младшая царевна лишилась рассудка, и ее заперли в сумасшедший дом, где она денно и ночно призывала мужа с тремя ногами.

Третья сказка.
Стаканчик для костей.
Волшебная сказка

*Переведено с французского перевода графини
Донуа для развлечения мисс Каролины Кэмпбелл⁵.*

53

Жил в Дамаске купец по имени Абулькасим, и у него была единственная дочь, которую звали Писсимисси, что означает «воды Иордана», поскольку при рождении фея предсказала ей, что она будет одной из наложниц Соломона. Когда ангел смерти Азазиэль перенес Абулькасима в края блаженных, тому было нечего завещать своему возлюбленному чаду, кроме скорлупы фисташкового ореха, запряженной слоном и божьей коровкой.

Писсимисси, которой было только девять лет от роду и которую доселе содержали под замком, не терпелось увидеть свет. Едва дух ее родителя отлетел, как она забралась в свой возок и, настегивая слона и божью коровку, выехала со двора как можно скорее, не задумываясь, куда направляется. Ее рысаки не переводили дух, пока не добрались до подножия не имев-

⁵ Старшая дочь лорда Уильяма Кемпбелла, жившая со своей теткой, графиней Эйлсбери.

шей ни ворот, ни окон медной башни, где обитала старая колдунья, затворившаяся там со своими семнадцатью тысячами мужей. Там имелся только один доступ для воздуха, которым был крошечный зарешеченный дымоход, куда едва проходила рука. Писсимисси, не обладавшая терпением, велела своим рыскам взлететь и доставить ее на верхушку этой трубы, что они, будучи самыми послушными в мире созданиями, тут же исполнили; однако, к несчастью, передняя нога слона задела за верх дымохода и, обрушив своим весом решетку, настолько закрыла отверстие, что все мужья колдуньи без доступа воздуха задохнулись. Собрание это стоило колдунье больших забот и затрат, а потому легко вообразить ее досаду и ярость. Она подняла бурю с громом и молниями, продолжавшуюся восемьсот четыре года; и, вызвав войско из двух тысяч бесов, приказала им освежевать слона живьем и приготовить ей на ужин под соусом из анчоусов. Ничто не спасло бы несчастного зверя, если бы, пытаясь освободиться из трубы, он по счастью не испустил ветры, которые, по-видимому, прекрасно предохраняют от бесов. Все они разлетелись на тысячу сторон и впопыхах наполовину растащили медную башню, благодаря чему слон, возок, божья коровка и Писсимисси высвободились; но, падая, они через крышу обрушились в лавку аптекаря и побили пузырьки со всевозможными снадобьями. Слон, выскокший от утомления и не отличавшийся особым вкусом, немедленно всосал хоботом все микстуры, и сие произвело в его кишечнике такие разнообразные явления, что его мощное сложение оказалось великим счастьем, иначе он бы от этого умер. Его испражнения были столь обильны, что была затоплена не только Вавилонская башня, возле которой стояла лавка аптекаря, но все окрестности на семьдесят лиг до самого моря, где отравилось столько китов и левиафанов, что возникло поветрие, продолжавшееся три года, девять месяцев и шестнадцать дней. Поскольку слон невероятно ослаб от происшедшего, ему нельзя было тянуть возок

еще полтора года, и это стало жестокой провололочкой для нетерпеливой Писсимисси, которая все это время не могла проделывать более ста миль в день, поскольку держала больное животное на коленях, а бедная божья коровка не могла совершать более длительных переходов без посторонней помощи. Кроме того, Писсимисси покупала все, что попадалось ей на глаза по пути; и все это загружалось в возок под сиденье. Она приобрела девяносто две куклы, семнадцать кукольных домиков, шесть возов засахаренной сливы, тысячу локтей имбирного пряника, восемь танцующих собачек, медведя и мартышку, четыре игрушечных лавки со всем их содержимым и семь дюжин передничков с пелеринкой самого последнего фасона. Они тряско перебирались со всем этим грузом через гору Кавказ, когда громадная птица-колибри, пораженная красотой крыльев божьей коровки, которые, о чем я забыл упомянуть, были рубиновыми в крапинках черного жемчуга, тут же с налету обрушилась на свою жертву и проглотила божью коровку, Писсимисси, слона и все их приобретения. Случилось так, что эта колибри принадлежала Соломону; он выпускал ее из клетки каждое утро после завтрака, и она всегда возвращалась домой, когда завершал свое заседание совет. Ничто не могло сравниться с изумлением Его Величества и придворных, когда милое крошечное создание объявилось со слоновым хоботом, свисающим из божественного клювика. Однако когда прошло первое потрясение, Его Величество, который, разумеется, являл собой саму мудрость, так понимал натурфилософию, что его рассуждения об этих материях были совершенно очаровательны, и который в тот самый момент составлял коллекцию высушенных зверей и птиц в двенадцати тысячах томов на лучшей писчей бумаге формата инфолио, немедленно постиг, что произошло, извлек из бокового кармана своих бриджей собственной огранки алмазный футляр для зубочистки, выточенной из рога единственного единорога, которого он видел, и, воткнув ее в морду слона, начал тянуть; но вся его фило-

софия отошла в сторону, когда он увидел у слона между ног голову прекрасной девочки, а у нее между ног — простиравшийся вместе с флигелями на тридцать футов кукольный домик, из окон коего дождем посыпались засахаренные сливы, сложенные там для экономии места. Затем последовал медведь, стиснутый тюками пряников, сплошь перемазанный ими и выглядевший неопрятно; мартышка с куклой в каждой лапе, набившая за щеки столько засахаренных слив, что щеки свисали по бокам и тащились за нею по земле, как прекрасные груди герцогини ***ской. Соломон, однако, не обратил на это шествие особого внимания, захваченный очарованием прелестной Писсимисси: он стал немедленно импровизировать на тему Песни Песней; и то, что он узрел — я имею в виду, все, что выходило из горла колибри — произвело в его мыслях такую путаницу, что нельзя отыскать ничего более несхожего с красотами Писсимисси, чем то, с чем он их сравнивал. Он исполнял свои песнопения, слишком греша против лада, и одному богу известно, каким скверным голосом, и Писсимисси это отнюдь не утешало: слон порвал ее лучший передничек с пелеринкой, и она плакала, ревела и так верещала, что, хотя Соломон нес ее на руках и показывал ей все имевшиеся в храме прекрасные вещи, ничто не могло ее успокоить. Царица Савская, в это время игравшая в триктрак с первосвященником, — она каждый год в октябре приезжала беседовать с Соломоном, хотя не понимала ни слова на древнееврейском, — услышав шум, выбежала из будуара; и, увидев царя с верещащим ребенком на руках, язвительно спросила его, подбавляет ли его общепризнанной мудрости выступать со своими ублюдками перед всем двором? Вместо ответа Соломон продолжал петь: «У нас растет сестренка, нет у нее грудей», — и это так взбесило Савскую властительницу, что, поскольку в руке у нее случился один из стаканчиков для игральные костей, она без церемоний запустила им царю в голову. Колдунья, которую я упоминал ранее, невидимо следовавшая за Писсимисси и

вовлекшая ее в череду несчастий, заставила этот стаканчик отклониться и направила его в нос Писсимиси, отчасти приплюснутый, как у мадам де ***, где он и застрял, а поскольку он был из слоновой кости, Соломон впоследствии сравнивал нос своей возлюбленной с башней, ведущей в Дамаск. Царица, хотя ей было стыдно за свое поведение, в душе не сожалела о содеянном; однако когда она обнаружила, что это только усилило монаршую страсть, ее презрение удвоилось; и, обозвав его про себя тысячей старых дурней, она кликнула свой портшез и в ярости удалилась, не оставив даже шести пенсов прислуге; и никому не известно, что случилось с нею или с ее царством, о котором с тех пор ничего не слышно.

**Четвертая сказка.
Персик в бренди.
Милезское сказание⁶**

У Фиц Сканлана Мак Гиолла l'ha druig⁷, короля Килкенни, тысяча пятьдесят седьмого потомка Милезия, короля Испании, была единственная дочь по имени Прописное А, в позднейшем искажении — Прописная; когда она достигла зрелых лет и была полностью посвящена своими августейшими родителями в искусство правления, любящий монарх решил отречься от престола в ее пользу: подобающим образом созвав сенат, он объявил свое решение, и, вложив скипетр в руку принцессы, побудил ее взойти на трон, и, дабы подать пример, первым поцеловал ее руку, поклявшись в вечном повиновении. Сенаторы были готовы задушить новую королеву панегириками и речами; народ, хотя и любил старого короля, был воодушевлен появлением нового суверена, а университет, согласно

⁶ Эта сказка была написана для Анны Лиддел, графини Оссори, жены Джона Фицпатрика графа Оссори. У них была дочь Анна, предмет этой истории.

⁷ Звание пэра Ирландии в роде Фицпатриков.

незапамятной традиции, преподнес ее величеству три месяца спустя, когда все уже позабыли о произошедшем, свидетельства безмерной печали и безмерной радости, испытываемой ими от потери одного монарха и обретения другого.

Ее величеству пошел пятый год, и она была образом ума и благонравия. В своем первом обращении к сенату, которое она прошепелявила с неподражаемым изяществом, она уверила их, что ее сердце всецело ирландское⁸, и что она не намерена далее ходить на помочах, в доказательство чего незамедлительно провозгласила свою няньку премьер-министром. Сенат рукоплескал сему мудрейшему выбору с еще большим восторгом, нежели прежнему, и проголосовал за то, чтобы поднести в дар королеве миллион засахаренных слив, а ее фаворитке — двадцать тысяч бутылок виски. Тогда ее величество, спрыгнув с трона, огласила свое монаршее желание поиграть в жмурки, но поднялась такая суeta, поскольку сенаторы толкались, и давились, и тискались, и шпыняли друг друга локтями за честь первым завязать себе глаза, что в толчее ее величество была уронена на пол и набила себе на лбу шишку размером с голубиное яйцо, что заставило ее завопить так, что слышно было до самого Типперери. Старый король впал в ярость и, схватив жезл, вышиб мозги канцлеру, у которого в ту пору таковых не случилось; а у королевы-матери, сидевшей на возвышении, чтобы видеть церемонию, сделался припадок, и она разрешилась близнецами, которых убил испуг матери⁹, но граф Буллабу, королевский мажордом, сидевший рядом с королевой, поймал одного из мертвых младенцев и, удостоверившись, что это мальчик, подбежал к королю и поздравил его с рождением сына и наследни-

⁸ Королева Анна в своей первой речи перед парламентом сказала, что ее сердце всецело английское.

⁹ Леди Оссори как раз тогда выкинула двух сыновей.

ка¹⁰. Король, вновь обретший свой мягкий нрав, назвал его дураком и невежей, по каковому поводу мистер Фелим О'Муки, истовый придворный, весьма разумно выступил и обвинил графа Буллабу в государственной измене за утверждение, что у его покойного величества были другие наследники, кроме нынешней законнейшей и благочестивейшей монархини Прописной. Большинство голосов был принят вотум недоверия; хотя и не без некоторой оппозиции, особенно со стороны знаменитого килкеннийского оратора, имя которого до нас, к сожалению, не дошло, поскольку его впоследствии стерли во всех летописях (так говорит ирландский автор, которого я пересказываю), когда он стал лордом-казначеем, а он был им во все время правления преемника Прописной. Суждение, высказанное этим мистером Киллиноракилом, имя которого до нас не дошло, как пишет мой автор, было таково: поскольку ее величество королева-мать зачала сына до отречения его величества, сын является несомненным наследником короны, и, соответственно, отречение недействительно, ибо в нем ни на йоту не важно, родился ребенок живым или мертвым: ребенок был жив, сказал он, когда был зачат — тут его призвал к порядку доктор О'Флаерти, повитух королеввы-матери и член городского совета Корбелли, который вступил в ученый спор об эмбрионах; но его прервала юная королева, с плачем потребовавшая ужин, вопрос о котором был вынесен на голосование ранее и не получил ни одного голоса против; потом заседание было возобновлено, и дебаты сошли на нет из-за стремления большинства пойти и выпить за здоровье ее величества. Это кажущееся насилие стало основанием для очень серьезного протеста, поданного сэром Архи Мак Сарказмом, протеста, в котором он так искусно обосновал притязания покойного плода, что это привело к граж-

¹⁰ Домоправитель, когда лорд Оссори пришел домой, поздравил его с рождением сына и наследника, хотя оба младенца были мертворожденными.

данской войне и вызвало все те кровавые боины и разрушения, что так долго опустошали древнее королевство Килкенни. Прекратил их счастливый случай, о чем прекрасно известно, как пишет мой автор, любому, но, тем не менее, он считает своим долгом рассказать о нем для тех, кто ничего об этом не слышал. Вот что он пишет:

«Случилось, что архиепископ Туум (ошибочно называемый Меум служителями римско-католической церкви), великий ум своего времени, был в личных покаях королевы-матери, которая держала юную королеву на коленях¹¹. Его милость внезапно постиг приступ колик, заставивший его так гримасничать, что королева-мать подумала, будто он умирает, и выбежала из комнаты, чтобы послать за доктором, ибо она была образцом добросердечия и не знала гордыни. Когда она вышла в комнату прислуги, чтобы позвать кого-нибудь согласно простым нравам того времени, боли архиепископа усилились, и, усмотрев на каминной полке нечто, принятое им за персик в бренди, он тут же залпом проглотил это, не произнеся молитвы, да простит его Господь, и ощутил от того значительное облегчение. Он не успел облизнуть губы, когда вернулась королева-мать, и Прописная воскликнула: «Мама, мама, джент-

¹¹ Некоторые комментаторы по невежеству предполагают, что ирландский автор в данном фрагменте виновен в серьезном анахронизме: ибо, сказав, что споры о престолонаследии вызвали длительные войны, он, тем не менее, изображает королеву Прописную в момент их завершения сидящей на коленях матери, как ребенок. Что ж, я могу опровергнуть их самой постановкой их вопроса. «Как ребенок» не означает, что она и в самом деле была ребенком, она лишь сидела, как ребенок; ей могло быть и тридцать лет от роду. Юристы объявили, в какой период своей жизни король может быть совершеннолетним прежде, чем достигнет совершеннолетия; но ни Гротиус, ни Пуффендорф, ни кто другой из их племени, не установил, как долго король или королева может оставаться младенцем после того, как их младенчество кончится.

льмен съел братика!». Это удачное происшествие положило конец соперничеству, ибо мужская линия полностью угасла с пожранным принцем. Однако архиепископ, ставший папой римским под именем Иннокентия III, впоследствии прижил со своей сестрой сына и назвал его Фицпатриком, поскольку в его жилах текло некоторое количество королевской крови; от него-то и происходят все младшие ветви Фицпатриков наших дней. Что до прочих деяний Прописной и того, что она совершила, разве не записаны они в хрониках королей Килкенни?

Пятая сказка.
Ми Ли.
Китайская сказка

Ми Ли, китайский принц, был возвращен своей крестной, феей Хи, знаменитой своим гаданием о судьбе на чайной чашке. Полагаясь на этот непогрешимый оракул, она убедила принца в том, что он станет самым несчастным человеком на свете, если не женится на принцессе, которая носит одно имя с владениями своего отца. Поскольку по всей вероятности такое могло случиться только с одной особой на всем свете, принц решил, что будет проще простого узнать, кто его суженая. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы задать этот вопрос своей крестной, поскольку знал, что она изрекает предсказания, дабы смутить, а не известить; что и заставило людей так охотно обращаться ко всем тем, кто не дает ясных ответов, — про рокам, юристам или тем, кто встречается вам на пути и на вопрос о дороге высказывает желание узнать, откуда вы идете. Вернувшись во дворец, Ми Ли тотчас же послал за своим дядькой, который был глух и нем, за каковые качества фея и выбрала его, потому что он не мог внушить своему питомцу дурных принципов; однако это возмещалось тем, что он мог объясняться на пальцах, как ангел. Ми Ли прямо спросил его, что за принцесса носит одно имя с королевством своего

отца. Принц слегка преувеличил, но кто и когда повторяет в точности то, что услышал? К тому же, сие можно было простить наследнику великой монархии, которого обучали всему на свете, кроме как говорить правду: возможно, он даже не слышал о таковой. И все же, не королевство, ошибочно упомянутое вместо владений, озадачило дядьку. Ни одна вещь не становилась ему понятнее оттого, что ее правильно определили. Тем не менее, поскольку он отличался большой собранностью ума, которая заключалась в том, что он никогда не давал прямого ответа (хотя и делал вид, будто мог бы), он сказал, что это вопрос слишком большой важности, чтобы решить его сразу.

— Откуда ты знаешь? — спросил принц.

Сие юношеское нетерпение подсказало дядьке, что вопрос куда важнее, чем ему показалось; и хотя он мог быть весьма серьезен на вид без всякого к тому повода, серьезность эта возрастала десятикратно, когда он чего-либо не понимал. Однако это неведомое что-то привело к столкновению его хитрости и неведения, а последнее, перевешивая, всегда выдает себя, ибо ничто не выглядит глупее, чем дурак, изображающий мудреца. Принц повторил свой вопрос, а дядька спросил у него, зачем он спрашивает — у принца не хватило терпения снова объяснить этот вопрос на пальцах, и он, непонятно зачем, проревел его как можно громче. Сбежались придворные и, услышав слова принца, подхватили их и переврали, так что весь Пекин, а там и провинции, а там и Татарию, а там и Московию облетело известие, что принц желает знать, какая принцесса носит одно имя со своим отцом. Поскольку китайцы (насколько я знаю) лишены благословения обладать фамилиями, как мы, и поскольку имена, которые давали бы им при крещении, будь они крещены, совершенно различны у мужчин и женщин, китайцы, полагающие, что весь мир должен следовать обычаям, которым следуют они, решили, что на всем пространстве квадратной земли не может существовать женщина, которая носит одно имя со своим отцом. Они

повторяли это столь часто, с такой почтительностью и с таким упорством, что принц, который совершенно забыл первоначальное предсказание, уверился в том, что ему хочется узнать, что за женщина носит одно имя со своим отцом. Однако, памятуя, что речь шла о чем-то, показавшимся ему королевским, он всегда говорил «своим отцом-королем». Первый министр справился по красной книге, или придворному календарю, который был его оракулом, и не смог отыскать такую принцессу. Все посланники при иностранных дворах получили предписание разузнать, существует ли подобная дама; однако потребовалось столько времени, чтобы зашифровать эти предписания, что нетерпение не позволило принцу дожидаться, пока соберутся в путь придворные, и он решил отправиться на поиски принцессы сам. Старый император, предоставивший, как это принято, сыну вести дела самостоятельно, как только ему исполнилось четырнадцать лет, был очарован намерением принца повидать свет, что, по его убеждению, можно было осуществить за несколько дней, каковая легкость и заставляет многих монархов не двигаться с места, пока не становится слишком поздно; и Его Величество объявил, что одобрит выбор сына, если эта дама, кем бы она ни оказалась, будет, отвечая божественному предопределению, носить то же имя, что и ее отец.

Принц отправился на почтовых в Кантон, намереваясь сесть на борт английского военного судна. С каким же бесконечным волнением услышал он вечером перед отплытием, что один матрос знает именно ту даму, которая его интересовала. Принц обжегся чаем, который в тот момент пил, разбил старую фарфоровую чашку, которую императрица-мать подарила ему при отъезде из Пекина, и которую подарил ее прапрапрапрабабке императрице Фи сам Конфуций, и побежал к кораблю спрашивать человека, знакомого с его невестой. Им оказался честный Том О'Булл, матрос-ирландец, который через переводчика, мистера Джеймса Холла, второго помощника, сообщил Его Вы-

сочеству, что у мистера Боба Оливера из Слайго имеется дочь, которой при крещении дали оба его имени — прекрасная барышня Боб Оливер¹². Принц силой данной ему власти произвел Тома в мандарины первого класса и по желанию Тома пообещал ему просить своего брата, короля Великой Ирландии, Франции и Британии, чтобы тот сделал его пэром в своей стране, потому что, как сказал Том, ему будет стыдно вернуться туда, не сделавшись таким же господином, как его приятель.

Страсть принца, которую сильно разожгло описание Томом очарования ее высочества Боб, не позволила ему дожидаться, пока из Пекина прибудет должное общество дам, чтобы составить свиту его невесты, и он взял с собой дюжину жен виднейших кантонских купцов и еще две дюжины девственниц на роль фрейлин; последние, впрочем, утратили свою пригодность к данному званию прежде, чем Его Высочество добрался до острова Святой Елены. Одну из них сделал своей женой сам Том, однако он стал таким любимцем принца, что за ней сохранилось звание фрейлины невесты, а впоследствии она с согласия Тома вышла замуж за английского герцога.

Ничто не сможет живописать отчаянье царственного влюбленного, когда он, высадившись в Дублине, узнал, что принцесса Боб покинула Ирландию, выйдя замуж неизвестно за кого. К счастью для Тома, он был на Ирландской земле. Его изрубили бы, мельче, чем рис, потому что обман наследника престола, совершенный по незнанию, в Китае карается смертью. Совершение сего умышленно считается не большим преступлением, чем в других странах.

Поскольку китайский принц не может жениться на женщине, которая уже была замужем, Ми Ли следовало искать другую столь же подходящую даму, как барышня Боб, кою он забыл в тот самый миг, когда узнал, что женится на другой, с такой же страстью влю-

¹² Такая особа существовала в действительности.

бившись в эту другую, хотя еще не знал, в кого именно. Пребывая в сей неизвестности, он увидел во сне, «что найдет предназначенную ему супругу, чей отец утратил владения, которыми никогда не владел, в том месте, где мост не над водой, надгробие, под которым никого не хоронили и не похоронят, руины, которые больше, чем были прежде, подземный ход, в котором будут собаки с рубиновыми и изумрудными глазами, и вольер с китайскими фазанами, прекраснее, чем в обширных садах его отца». Это предсказание показалось ему настолько неосуществимым, что он поверил ему больше, чем первому, доказав этим свое величайшее благочестие. Он решил приняться за повторные розыски и, узнав у вице-короля, что в Англии есть некто мистер Бэнкс¹³, который собирается объехать весь мир в поисках неизвестно чего, Его Высочество решил, что не отыщет себе лучшего проводника, и отправился в Англию. Там он узнал, что мудрец Бэнкс находится в Оксфорде и разыскивает в библиотеке Бодлея записки о путешествиях человека, побывавшего на луне, которая, как полагал мистер Бэнкс, лежит в западном океане, где луна садится, и какую планету, открыв еще раз, он сможет именем Его Величества объявить собственностью короны, при условии, что ее никогда не станут облагать налогами, дабы не утратить, как все прочие владения Его Величества в той части света.

Ми Ли нанял карету до Оксфорда, но она оказалась слегка подгнившей и сломалась на новой дороге в Хенли. Проходивший бродяга посоветовал ему добраться до генерала Конвея, который, будучи самым любезным человеком на свете, безусловно, одолжит ему свой экипаж. Принц путешествовал инкогнито. Он последовал совету бродяги, однако, дойдя до усадьбы, услышал, что господа где-то в парке, но его могут к ним проводить. Через вековые буковые заросли его прове-

¹³ Джентльмен, вместе с мистером Соландером открывший Таити.

ли к вольеру¹⁴, являвшему собою зрелище более величественное, нежели любой вид во владениях его отца, полному китайских фазанов. В восторге принц воскликнул:

— О, могущественная Хи! Мой сон начинает сбываться.

Садовника, который знал по-китайски лишь названия некоторых растений, поразило сходство звучания, однако вежливость не позволила ему сказать ни слова. Не найдя здесь своей госпожи, он пошел обратно, и, зайдя внезапно в самую густую чащу, спустился в совершенно темную пещеру, куда за ним смело последовал неустрашимый принц. Зайдя довольно далеко по этому подземному ходу, они наконец заметили впереди свет, и тут внезапно у них за спиной очутились несколько маленьких спаниелей и, обернувшись, принц заметил, что их глаза светятся, как рубины и изумруды¹⁵. Вместо того, чтобы изумиться, как изумился бы родоначальник его народа Фо Хи, принц снова разразился восклицаниями:

— Я приближаюсь! Я близко! Я отыщу мою невесту! Великая Хи! Ты непогрешима!

Выйдя на свет, невозмутимый садовник¹⁶ повел Его Высочество к груде искусственных¹⁷ руин, под которыми им открылась просторная галерея или аркада. Здесь садовник спросил у Его Высочества, не желает ли тот отдохнуть, однако вместо ответа принц скакал, как умоисступленный, возглашая: — Я приближаюсь! Я приближаюсь! Великая Хи! Я близко! Садовник был поражен и задумался, не ведет ли он к своим господам безумца и стоит ли провожать его дальше, но поскольку

¹⁴ Принадлежавшему леди Эйлсбери.

¹⁵ В Парк-плейс есть подобный ход, прорубленный в меловом холме: когда собаки находятся посредине, свет, падающий через вход, заставляет их глаза сверкать описанным здесь образом.

¹⁶ Коупленд, садовник, весьма серьезная личность.

¹⁷ Вследствие чего лишь кажется, что прежде они были больше.

ку он не понимал слов принца, но определил, что перед ним, по всей видимости, иностранец, он заключил, что тот, должно быть, француз, судя по его танцам. Поскольку незнакомец оказался проворным и совсем не устал от прогулки, мудрый садовник направился с ним вниз по склону долины между двух холмов, заросших до самых вершин кедрами, елями и соснами, каковые, как он позаботился объяснить принцу, собственноручно высажены его честью генералом; однако хотя за три дня в Ирландии принц выучился английскому языку лучше, чем все французы на свете выучились бы за три года, он не обратил на это сообщение никакого внимания, очень обидев садовника, но продолжал нестись вперед, и стал еще больше кричать и прыгать, когда заметил, что долина замыкается грандиозным мостом, сложенным, казалось, из тех камней, которыми титаны швыряли Юпитеру в голову, и под мостом тем не было ни капли воды¹⁸.

— Где же моя невеста, моя невеста? — воскликнул Ми Ли, — я должен быть от нее близко. Вопли и возгласы принца заставили выйти хозяйку дома, располагавшегося на обрыве над мостом и нависавшего над рекой.

— Моя госпожа в Форд-хаусе, — крикнула им добрая¹⁹ женщина, которая была глуховата и решила, что звали ее, чтобы узнать об этом. Садовник знал, что толковать с ней о своих злоключениях бесполезно, и подумал, что если несчастный господин действительно не в своем уме, то его хозяин-генерал будет самым подходящим человеком, чтобы о нем позаботиться. Так что, повернув налево, он повел принца вдоль берега

¹⁸ Сельский мост в Парк-плейс был построен генералом Конвеем для продолжения дороги из Хенли, дабы сделать возможным сообщение через его земли по обе стороны дороги. Vide последнюю страницу Тома 4 «Анекдотов о живописи».

¹⁹ Старая женщина, следившая за домом, выстроенным генералом Конвеем, дабы создавать великолепный вид. Форд-хаус — ферма на краю поместья.

реки, сверкавшей за непахаными полями, на другом берегу которой по отвесному меловому утесу ползла дикая поросль, оттенявшая зелень лугов и пшеничных полей. Принц, которого эти чарующие виды оставили безучастным, бешено мчался вперед, увлекая за собою вприпрыжку бедного садовника, пока их не задержало одинокое²⁰ надгробие, которое обступали кипарисы, тисы и ивы, выглядевшее памятником некоему безрассудному юноше, погибшему в борьбе с течением, и подошедшее бы доблестному Леандру. Тут Ми Ли впервые собрался с мыслями, вспомнил весь скудный английский, которому успел научиться, и с жаром спросил садовника, чья перед ними могила.

— Ничья.

Прежде, чем тот мог продолжать, принц перебил его:

— А она всегда останется ничьей?

«Ого! — подумал садовник, — теперь уже нет никаких сомнений в его безумии», — и, заметив, что приближается господское семейство, предпринял попытку подойти к ним первым, однако принц, который был младше и которого, к тому же, несли крылья любви, опередил его и устремился вперед во весь опор, едва увидев общество и, в особенности, находившуюся среди них юную барышню. Задышавшись, он подбежал к леди Эйлсбери и, схватив за руку мисс Кэмпбелл, вскричал:

— Она кто? Она кто?

Леди Эйлсбери закричала, юная девушка завизжала, а генерал, который был сдержан, но оскорблен, вторгся между ними и, если принцев хватают за ворот, собирався схватить его за ворот — но Ми Ли, с силой перехватив его руку, продолжая указывать свободной рукой на свою награду и умоляя ответить ему

²⁰ Ложная могила красиво расположена у реки и выстроена, дабы создавать вид: на ней имеется маленькая пирамида.

самым страстным и просящим взглядом, продолжал восклицать:

— Она кто? Она кто?

Генерал, понявший по выговору и манерам, что тот иностранец, и склонный скорее рассмеяться, чем рассердиться, ответил ему с насмешливой учтивостью:

— Как же, «она» — мисс Каролина Кэмпбелл, дочь лорда Уильяма Кэмпбелла, покойного губернатора Его Величества в Каролине.

— О, Хи! Теперь я вспомнил твои слова! — воскликнул Ми Ли.

Вот так она стала принцессой в Китае.

Шестая сказка. История истинной любви

В разгар вражды между партиями гвельфов и гибеллинов отряд венецианцев вторгся во владения рода Висконти, правителей Милана, и захватил юного Ордоната, бывшего тогда на попечении кормилицы. В ту пору семья его впала в немилость, хотя они и могли похвастаться тем, что их предком был Канис Скалигер, владыка Вероны. Похитители продали прекрасного Ордоната богатой вдове из благородного семейства Гримальди, которая, не имея собственных детей, растила его так нежно, как если бы он был ее сыном. Ее привязанность усиливалась по мере того, как его стать и очарование становились все очевиднее, и буйство его страстей возрастало потаканием синьоры Гримальди. Нужно ли говорить, что душою Ордоната всецело правила любовь? Или что в городе, подобном Венеции, облик, подобный облику Ордоната, не встречал особого сопротивления?

Кипрейская царица, которую не удовлетворяли многочисленные приношения Ордоната на ее алтари, не была удовлетворена, пока его сердце оставалось незанятым. На другой стороне канала, напротив дворца Гримальди, стоял монастырь кармелиток, у аббатисы которого была юная африканская рабыня редчайшей

красоты по имени Азора, годом младше Ордоната. Гат и японский лак показались бы рыжими и лишенными блеска в сравнении с Азорой. Африка не рождала особы, столь безупречной, сколь Азора; и Европа могла похвастаться лишь одним Ордонатом.

Синьора Гримальди, не будучи святошей, все же отличалась благочестием, но так как пикет был ей более по сердцу, чем молитвы, она предпочитала короткие мессы, чтобы уделить больше своего драгоценного времени картам. Это побудило ее предпочесть церковь кармелиток, отделенную лишь небольшим мостом, хотя аббатиса и состояла во враждебной партии. Однако, поскольку обе они были достойными дамами и прежде между ними не случалось размолвок, которые могли бы оправдать неучтивость, они всегда обменивались реверансами, холодность коих каждая притворно объясняла сосредоточенностью на богослужении, хотя синьора Гримальди едва ли внимала священнику, а аббатиса по большей части была занята тем, что наблюдала и осуждала невнимание синьоры.

Совсем иначе было с Ордонатом и Азорой. Каждый постоянно сопровождал свою госпожу на мессу, и мгновение, когда они впервые увидели друг друга, решило судьбу обоих сердец. В Венеции для Ордоната теперь была лишь одна красавица, а Азора только сейчас заметила, что могут быть создания более прекрасные, чем некоторые монахини-кармелитки.

Уединение аббатисы и неприязнь между двумя дамами, весьма искренняя со стороны святой матери, лишала влюбленных всякой надежды. Азора сделалась мрачна, задумчива и грустна; Ордонат угрюм и неуступчив. Даже его привязанность к своей доброй покровительнице несколько ослабела. Он сопровождал ее неохотно, за исключением часов молитвы. Часто, если в доме забывали запереть дверь, она находила его на ступенях церкви. Синьора Гримальди не обладала даром наблюдательности. Она охотно потакала своим страстям, редко обуздывая страсти окружающих; и, хотя благие помышления нечасто рождались в ее вооб-

ражении, она была готова исполнить таковые, если к ней обращались за помощью, и всегда милосердно говорила за картами об обездоленных, если карта ей шла.

И все же возможно, что она никогда бы не узнала о страсти Ордоната, если бы ее служанка, кою снала зависть к любимцу хозяйки, не намекнула ей об этом; заметив при том, всецело по доброте душевной, как чудесно все устроилось для влюбленных, и что, поскольку госпожа уже в годах, и, разумеется, не собирается обеспечивать будущее создания, купленного на рынке, было бы милосердно поженить влюбленную пару и поселить их на ферме в деревне.

По счастью, госпожа Гримальди всегда была восприимчива к хорошему и редко — к дурному. Не угадав злого умысла служанки, она увлеклась мыслью о браке. Дело это было ей по сердцу, и она всегда спешествовала ему, когда то было в ее власти. Она лишь изредка создавала сложности и никогда не осознавала их. Даже не расспросив Ордоната о его склонностях, не припомнив, что госпожа Капелло и сама она состояли в различных партиях, не предприняв никаких предосторожностей на случай отказа, она незамедлительно написала аббатису, предлагая поженить Ордоната и Азору.

Последняя была в покоях госпожи Капелло, когда записку доставили. Вся ярость, столь удобная власти тем, что обуздана, вся суровость святоши, вся партийная желчь и все напускное негодование, к какому прибегает ханжество, когда речь идет о чувственных удовольствиях других, выплеснулись на беспомощную Азору, которая не могла догадаться, какое отношение к ней имеет роковое письмо. Ей пришлось стерпеть все клеветнические обвинения, которые аббатиса рада была обрушить на голову госпожи Гримальди, если бы ее натура и положение обидчицы позволяли это. Бесильные угрозы отмщения повторялись снова и снова, и, поскольку никто в монастыре не осмеливался перечить ей, она удовлетворила свою злость и любовь к

пустословию бесконечными тавтологиями. В итоге Азору посадили под замок, и ей были прописаны хлеб и вода как вернейшее лекарство от любви. Двадцать ответов госпоже Гримальди были написаны и разорваны как недостаточно выражающие презрение, бывшее скорее крикливым, чем красноречивым, и, в конце концов, исповедник аббатисы был принужден написать ответ, в который по его настоянию было включено изречение из Священного Писания, хотя и вынужденно смешанное с массой иронии по поводу древности рода обидчицы и бесчисленными неразборчивыми намеками на вульгарные истории, которые партия гибеллинов приберегала для нападков на гвельфов. Наиболее ясная часть послания провозглашала приговор вечного целомудрия для Азоры, не без саркастических высказываний относительно распутных походов Ордоната, за которые, согласно правилам приличия, его давно следовало бы изгнать из дома вдовой матроны.

В тот самый момент, когда сей грозный рескрипт был завершен и подписан аббатисой при полном капитуле, и исповеднику было велено доставить его, прибежала запыхавшаяся привратница монастыря и объявила почтенному собранию, что у Азоры, уstraшенной ударами и угрозами аббатисы, начались родовые схватки, и она разрешилась до срока четырьмя щенками: ибо, да будет сие известно потомкам, Ордонат был итальянской гончей, а Азора — черным спаниелем.

Сказка-приложение²¹. Птичье гнездо

Гюзальма, царица Серендипа, отдыхала в Павильоне Ароматов на ложе, покрытом Периной из крыльев бабочек, когда Голос, какой возможно услышать лишь во Сне, произнес: «Гляди! Гляди!». Она повернула голову, не открывая глаз, и увидела в нескольких шагах за окном ствол прозрачного розового дерева, широко раскинувшего ветви с белыми фарфоровыми чашками и блюдами, распространявшими благоухание, подобное дыханию Гурий. На одной из верхних ветвей появилось птичье гнездо, свитое из валансьена, ажурного шитья и брюссельских кружев. Сгорая от нетерпения узнать, что же находится в гнезде, она влезла на дерево, не шелохнувшись на ложе, и вдруг задела лежащий под гнездом флажолет, который немедленно исполнил итальянскую арию, начинавшуюся словами *Vita dell' alma mia*. Царица могла бы вечно внимать серебряным звукам, но в то же мгновение большой бутон на соседней ветви распустился и превратился в зеркало в форме сердца, в котором она с восторгом узрела себя в тысячу раз красивее, чем обычно, хотя была прекраснее Азруз, любимой наложницы Соломона. Заклучив, что сей восхитительный цветок — дар небес, она подумала, что было бы грехом когда-либо перестать смотреться в него и приняла подобающе самую отдохновенную позу, какую могла измыслить, намереваясь остаться в этом положении навеки. Не успела она прийти к сему благочестивому решению, как послышалось яростное щелканье зубов и странные невнятные звуки. Посмотрев вниз, она увидела преогромного Пунцового Бабуина, по меньшей мере десяти футов росту, который, — ибо она забыла, что стоит на

²¹ Эта сказка не входит в «Иероглифические сказки», изданные в Строберри-Хилл, и воспроизводится по рукописи, озаглавленной «Иероглифические сказки, Сказка Пятая». — *Примечание издателя.*

очень высокой ветке, а погода весьма ветреная, — казалось, увлеченно разглядывает ее подвязки, вышитые голубиными глазками и создававшие подобие любовного полумрака под покровом окружавших ее одежд. Едва ли кто оказывался в положении столь чувствительном и отчаянном, как Ее Величество. Стоит ей забраться выше, каковым было ее первое желание, она еще более выставит свою особу напоказ. Если же спрыгнуть вниз, опасность лишь увеличится. Что она могла сделать? Лишь то, что Женщина всегда делает в отчаянном положении — то бишь ничего. Она точно знала, что дурных намерений у нее не было — во всем была виновна Судьба, и могла ли она управлять Судьбой? А потому, намерившись не становиться соучастницей того, что могло произойти, что бы это ни было, она порешила забыть о Бабуине; но поскольку Долг каждого — употребить все, что в его силах, дабы убедить влюбленного, что у него нет надежды, и поскольку ничто не может изгнать из головы даже нежелательного кавалера, кроме мыслей о самой себе, она с удвоенной серьезностью снова воззрившись в чудесное зеркало, но обнаружила, что прежняя Поза уже не доставляет ей того удовольствия. Она стала так скоро и часто менять положение, что Бабуин, бывший отличным подражателем, не мог не повторять ее движений, да так, что все птички в лесу смеялись до слез. Она собиралась рассердиться, но тут часы, сделанные из просяного зернышка, которые она носила в ушке, пробили шесть, и она узрела у подножия дерева почтенного Мужа в белых одеждах из жемчужных нитей, ниспадавших до самой земли и схваченных у талии поясом из изумрудов, составлявших подобие фиговых листьев, с весьма потертой из-за частых расстегиваний пряжкой, поскольку Он купался в Евфрате семь раз в день, а Ему было пять тысяч девятьсот тридцать лет. Обращаясь к Царице, он произнес:

— Яркая Звезда утра, отринь свои страхи; узри во мне Патриарха Авраама!

— Господи, помилуй! — сказала она. — Как Вы здесь оказались?

— Когда я был восхищен из Мира сего, — отвечал он, — Азуриэлем, Ангелом Смерти, и он нес мою Душу на Небеса, раздался Голос из этого Леса: «Ах ты, старый Злодей, неужели мало тебе было оставить меня и моего бедного малютку Измаила умирать от голода в этой пустыне, так теперь ты еще и на небо без меня собрался! Азуриэль, — продолжала она, — я требую, чтобы ты взял меня вместе с этим Обманщиком». «Сударыня, — ответил Ангел, — это невозможно — так или иначе, Сарра попала туда до Вас, и если вы двое встретитесь, мира не жди. Все, что я могу сделать для Вас, это вот что. Авраам раз в неделю двенадцать часов будет бродить по этой пустыне вместе с Вами, но, поскольку Вам от его компании проку не будет, ибо Он останется лишь Душой, и поскольку Сарра все равно устроит скандал, если увидит Его с Вами в человеческом обличье, он будет принимать форму любого Животного, какого пожелает — и Он должен смириться с этими превращениями до тех пор, пока Женщина, более прекрасная, нежели Вы, с чудеснейшей фигурой, чернейшими глазами и алейшими губами в мире не придет в этот лес за Птичьим Гнездом». Я, — продолжал Авраам, обращаясь к Царице, — нес это наказание около пяти тысяч лет, не надеясь избавиться от него, пока четверть часа назад не увидел Вас спящей в Павильоне Ароматов. Это я прошептал, чтобы Вы взглянули на дерево, и ожидания мои оправдались. Я увидел Женщину более прекрасную, чем Агарь, — нет, Сударыня, не краснейте — а Вы увидите Птицу Соломона! Смотрите! Смотрите!

Царица, услышав чириканье над головой, подняла глаза и увидела в гнезде на белой атласной подушечке, отделанной Бриллиантами и бирюзой, маленький пурпурный финик из Аметиста, у которого была голова снегирия из рубина и гагата, топазовый клюв и хвост из павлиньих перьев, украшенный радугами. Прелестное крохотное создание, бывшее в тридцать раз меньше

мельчайшей колибри, сидело на двух опаловых страусиных яйцах — и это вовсе не было удивительно, ибо все, что принадлежало Соломону, имело дар сколь угодно увеличиваться в Размерах; и милому крохотному созданию было настолько же легко распространиться на два Страусиных Яйца, насколько легко напоить миллион человек допьяна одним единственным бокалом шампанского, что осуществилось бы, если бы их всего лишь можно было перенести в пустыню, где нет ни капли вина, потому как вся Трудность в совершении Чуда состоит в невозможности: кто угодно мог бы сотворить чудо, будь оно возможно. На одном яйце были странные Знаки, на другом еврейскими буквами были начертаны слова «Орокноз Алапол».

— Во имя неба, — вскричала Гюзальма, — откройте мне значение этих слов: в них должен быть чудесный смысл.

— Это имя великого Философа, — сказал Авраам, — который мудрее Соломона и пишет еще больше ерунды. Знаки, коих Вы не понимаете — это язык Западных Островов, ими начертано имя Орокноза Алапола, в переводе означающее «Ученейший из Истинно Верующих». Он полюбит Вас и станет сочинять сказки для Вашего развлечения — но дайте мне руку, и позвольте помочь Вам спуститься.

— Постойте, — сказала она, — я только возьму немного семян этого цветка-зеркала, оно самое светлое из всех, что я видела; я прикажу вырастить такие в своей оранжерее и обставлю ими все комнаты.

Произнеся это, она протянула руку, чтобы сорвать цветок, но тут нога ее соскользнула с ветки, она упала — и проснулась.

Заключение

Предшествующие сказки не выдаются ни за что большее, нежели они есть на самом деле: это всего лишь причудливая безделица, написанная главным образом для частного развлечения, и для частной же

забавы отпечатано всего полдюжины экземпляров. Самое большее, что в них следует видеть, это попытку разнообразить избитый и затасканный род рассказов и романов, кои, хотя и сработаны изобретательно, почти всегда лишены воображения. Едва ли сие можно было счесть достойным похвалы, когда бы не было так очевидно из *Bibliothèque des Romans*, где собраны все вымышленные приключения, написанные на всех языках и во всех странах, как мало выдумки, как мало разнообразия и как мало новизны в произведениях, в которых воображение не сковано никакими правилами и обязательствами говорить истину. Бесконечно больше вымысла в исторической науке, коя лишена достоинств, когда отступает от правды, нежели в романах и повествованиях, где правды якобы нет.

Томас Бернхард
ВИКТОР ПОЛДУРАК²²
 (ЗИМНЯЯ СКАЗКА)

78

Представьте себе, что на этого человека — звали его Виктор Полдурак, он был инвалид, безногий, — я налетел вчера ночью, на высокогорной тропе, в лесу. Спешил я изо всех сил, не только желая преодолеть мою обычную ленту, но ведь я еще и врач, и один мой сосед — не пациент, здоровый, — попросил меня пойти к его больному родственнику в Фединг (это по другую сторону нашей горы), потому что у этого родственника внезапно начались мозговые явления, и хотя во всех медицинских учебниках описана жуткая картина этого заболевания, причину до сих пор еще никто объяснить не может. Короче говоря, я помчался к своему пациенту в гору, через лес, по глубокому снегу, альпинист я, как известно, первоклассный, и вдруг в самой чащобе наткнулся на этого Виктора Полдурака и, конечно, здорово испугался.

— Это я, Виктор Полдурак! — крикнул он, когда я на него наткнулся, а я-то его до тех пор и в глаза не видал. — Мне паровозом ноги отрезало! — закричал он, когда я заметил, что он безногий, и так крикнул, будто с ним, беднягой, эта напасть только что приключилась. Но я сразу подумал: какой тут в горах, в снегу, поезд, тут и рельсов никаких не проложишь, да я ничего и не слышал — ни крика, ни голосов человеческих. Правда, этот Полдурак сразу добавил: — ...Да, уж восемь лет прошло, как эта беда стряслась. — А лежит он тут, в лесу, на тропе, потому что обе его ноги, оба про-

²² Viktor Halbnarr. Ein Wintermärchen (1966). Перевод с немецкого Риты Райт-Ковалёвой.

теза, сломались. — И видно, оттого, что я вдруг подумал: дай побегу побыстрее, попробую, — рассказывал этот Виктор Полдурак, — тут они и сломались. Забыл я совсем, что ноги у меня не свои, а деревянные, вдруг показалось, что они опять мои собственные! — Очень был рад, что тут человек встретился — это он про меня, — и еще говорит, что он, хоть и в темноте, сразу понял, какой я симпатичный: это ведь чувствуется по голосу, по походке. — Да если б вы не появились, — говорит мне этот самый Виктор Полдурак, — я бы наверняка погиб, да еще такой страшной смертью. Сами знаете, нет ничего хуже, чем замерзнуть насмерть.

Когда я ему сказал, что я врач, этот человек — а я должен вам признаться, что меня в ту минуту больше, чем его состояние, его беда, занимало его имя — надо же: «Полдурак», — этот самый Полдурак ужасно обрадовался, что я врач, а не электрик, не строитель, не пекарь и не пахарь. Тут я его спросил, как это он попал в самую лесную чащу, да еще в такую непогоду, когда и здоровому человеку грозит гибель, к тому же ночью, в двенадцатом часу, и он мне объяснил, что всего час тому назад он побился об заклад с одним мельником — тот живет в Трайхе, по нашу сторону горы, а Полдурак хоть и слышал про него много лет, но раньше никогда не видел, — и этот самый мельник из Трайха держал с ним пари на целых восемьсот шиллингов (а это цена пары самых лучших хромовых сапог от самого лучшего нашего сапожника, и он, Полдурак, уже лет десять мечтал о таких сапогах), словом, мельник поспорил с ним, что если Полдурак выйдет из Трайха ровно в одиннадцать вечера, то он к полуночи до Фединга нипочем не доберется. За один час он на своих деревяхках никак не доберется — через гору, по лесу, особенно зимой, да еще в такой холод, в такую морозную ночь. Он, Полдурак, и сам не верил, что к двенадцати дойдет до Фединга, и все-таки («Ведь вот я какой безмозглый!») решил, что надо попытаться, не стоит зря упускать такой удачный случай хорошо подзаработать; вот он и вышел из Трайха, как было услов-

лено, ровно в одиннадцать вечера. Мельник сам его предупреждал, что он может замерзнуть, говорил, что страшнее такой смерти ничего быть не может («И ведь чуть так и не вышло, как предсказывал мельник!»). И хотя теперь он, Полдурак, наверняка проиграл пари, но благодаря мне он уже насмерть не замерзнет. И тут еще ему такое счастье привалило, что спас его из такого жуткого положения, в котором, как он выразился, есть, конечно, и своя смешная сторона, как, впрочем, и во всем на свете, — спас его именно врач, представитель, как он подчеркнул, «благородной медицинской профессии, настоящий доктор».

Я его поднял, отряхнул с него снег и увидал, что оба его протеза сломаны как раз посредине, именно там, где обычно ломаются протезы. Не раздумывая, я поднял его на плечи, потому что мне надо было торопиться к моему больному. Конечно, мне легче было бы нести его без этих деревяшек, но мы оба никак не могли отстегнуть примерзшие пряжки. Сломанные протезы примерзли к его культикам, и я подумал: наверно, ему ужасно больно, да еще от страха перед грозившей ему смертью он совсем обессилел. Но оттого, что такой инвалид привык переносить сильные боли (а к ним невольно привыкаешь, когда у тебя вместо собственных ног, из костей, из мяса, только деревяшки), может, потому он не плакал, не ныл, не вскрикивал, не стонал — вообще не жаловался, — наоборот, он был так счастлив, что я его спас, взял на закорки, скрестил у себя на животе его сломанные протезы, и, хотя мне казалось, что мой груз стал раза в три, в четыре, а то и в десять тяжелее, я все же старался как можно скорее выбраться из лесу и выйти к Федингу.

О том, что он, Полдурак, может еще до двенадцати попасть в Фединг и выиграть пари у мельника — а тот, как было условлено, наверно, приехал туда в обход, по дороге, и ждал соперника, — об этом он, Полдурак, уже и не думал. Он, как видно, даже вспоминать об этом не решался, но я сам вдруг взглянул на часы — было ровно подвенадцатого — и почувствовал, что

мы, то есть я и сидящий у меня на спине Полдурак, можем к двенадцати часам поспеть в Фединг, и я прибавил шагу, хотя, зная, что меня ждет мой больной, и так шел довольно быстро, но тут я припустил вовсю, бегом понесся через лес, а на спине у меня сидел человек, который, как все безногие, был весь какой-то обмякший, словно бескостный. И его сломанные деревяшки то скрипели, то трещали, то похрустывали, а сам он оттого, что я так быстро бежал, ни слова не вымолвил. И только когда мы выбрались на опушку и вдали показались огни Фединга, он сказал:

— Кажется, это Фединг? А я ему:

— Ну, да! Конечно, это Фединг, да, да. Фединг! И тут он спросил: есть ли уже двенадцать?

— Да нет же, — говорю, — еще не пробило. А сам бегу, бегу, чуть сознания не теряю, и тут Полдурак говорит, что они с мельником условились встретиться в Фединге у церковных ворот.

— У ворот? — говорю. — Вот удачно, мой больной как раз там живет, рядом с церковью. — И уже подбегаем к церковным воротам, и я говорю: — А двенадцати еще нет! — бросаюсь к входу, а там уже и вправду стоит человек — высокий, черный, сейчас, думаю, брошу этого Полдурака прямо ему под ноги, только бы не ушибить беднягу. Сбросил я его, а тут и двенадцать пробило. И лежит мой Полдурак перед мельником и с полным правом протягивает к нему руку за деньгами.

Мельник, конечно, растерялся, но, когда я назвал себя, да еще гаркнул на него как следует, он, этот толстый черный мельник, вытащил свой толстый черный бумажник — видно, просто сдрейфил, а не то чтобы признал, что пари-то он проиграл, — и тут же отсчитал прямо в руку лежащему перед ним Виктору Полдураку ровно восемьсот шиллингов.

— Что ж, пари так пари, — сказал мельник, хоть он никак не рассчитывал, что кто-то подберет этого Полдурака да еще побежит с ним до Фединга. Мельник, по его словам, гроша медного не дал бы за его

жизнь. Сказал, что его просто ошарашило, когда тот сам предложил заключить пари.

— Вот не думал, что я этого Поддурака живым увижу! — сказал мельник и уже на ходу добавил: — Ох уж эти мне доктора... Вечно лезут не в свое дело! — И скрылся.

Я снова взвалил Поддурака на плечи, зашел с ним вместе к своему больному — пришли мы как раз вовремя, — потом отнес его в соседнюю гостиницу, попросил, чтобы его там пристроили переночевать, заплатил за него вперед.

На этом наше знакомство и кончилось. Но на прощание Поддурак, к моему удивлению, стал меня горячо благодарить. «За что?» — спрашиваю себя, по дороге домой я совершенно забыл, что решил о нем не думать, и вдруг стал соображать: «Ну ладно, пари он выиграл, получил восемьсот шиллингов, то есть цену самых лучших сапог у самого лучшего нашего мастера. Но протезы-то свои он загубил. А ведь они обойдутся ему тысячи в две с половиной. Ну что он за человек, Поддурак этот, — думаю я, пробираясь домой по той же чащобе, а идти стало до того трудно, что казалось, пропаду. — Сумасшедший он, что ли?»

Ежи Пильх
КОШАЧЬЯ МУЗЫКА²³

С некоторым опозданием я заметил, что Хануля в конце концов привезла кота из Франции. Само появление кота, сам момент его прибытия ускользнули от моего внимания — слаб я тогда был и в упадке.

Я лежал, притихший и исполненный скорби, и изумлялся умеренности ожиданий, какие в отношении меня питают мои ближние. Я покоился, утопанный в черное одеяло страдания, и поражаюсь скромности предъявляемых мне требований. О тяжкая повинность, вздыхал я сугубо риторически, о тяжкая повинность, о священный долг, постановывал я театрально, я же знаю: моя жена, например, ждет от меня немногого, чтобы временами я проявлял сердечное тепло, мать моя всего лишь ждет, чтобы я приезжал к ней хоть раз в полгода, мой ребенок ждет, чтобы я прилюдно позора на него не навлекал. В «Тыгоднике Повшехном» ждут, чтобы я худо-бедно раз в неделю какой-нибудь текстик состряпал, Мариан Сталя ждет с неудовольствием, чтобы я на какую-нибудь глобальную тему высказался, Кася Морстин в редакционном секретариате ждет французскую сигарету, братья протестанты ждут, чтобы я оставил их в покое, короче говоря, ближние мои почти ничего от меня не хотят.

Если бы не то, что внутри я весь испепелен и утратил способность чувствовать, это было бы прямо-таки унижительно, у других-то ведь все по-другому, другие — это да, другим не только предъявляют требования,

²³ Из книги «Безвозвратно утраченная леворукость» (Новое литературное обозрение, 2008). Перевод с польского К. Старосельской.

от других не только того и сего ждут, но другие прямо-таки эти ожидания реализуют и возложенные на них надежды оправдывают. От них ждут, например, что они будут руководить большими коллективами, и они делают это, руководят большими коллективами, от них ждут, что они будут возводить сложные конструкции, и они возводят сложные конструкции, от них ждут, что они починят телевизор, и они чинят телевизор. А вот от меня ожидается самая малость чего-то, но принести в дар кому-то самую малость чего-то у меня не слишком выходит. Даже кота поприветствовать мне не удалось. Знаю, что не стоит впадать в инфантильный энтузиазм антропоморфизации, знаю, что кот не ожидал хлеба с солью, триумфальных врат и приветственных комиссий, я все это знаю, у меня зрелое, онтологическое осознание, что кот есть кот, но ведь осознание не приносит отрады, а наоборот, углубляет чувство поражения, ведь чтобы вот так совершенно прибития кота не заметить...

Тоскливо мне было и стыдно. И лишь когда мгла рассеялась, когда кот из тумана моего отчаяния показался целиком, мои угрызения совести как рукой сняло. Хорошо я сделал, что кота этого не сразу заметил, это сэкономило мне хоть нескольких дней чудовищного шока, инстинкт, наверное, или Господь Бог мною руководил. Что за кошачья морда! Что за рыло! Сколько фальши! Какое вырождение! *Quel monstre!* Я поднимаюсь, я возвращаюсь к миру, а тут надо мной колышется кошачья голова, словно фальшивый фонарь. Колышется и улыбается лицемерно.

Коты — что общеизвестно — по природе своей фальшивы, и кошачьи морды, все без исключения, полны фальши. И этот такой же, его морду прикрывает гримаса лицемерия. Но есть в нем еще что-то в дополнительной степени дегенеративное, какой-то дополнительный цинизм, какой-то криминальный налет, более ярко выраженный по сравнению с заурядной кошачьей криминальностью. Раболепно ластится, потягивается, зевает, и с этим зевком долетает до меня

тошнотворное облако классического запаха. Господи Иисусе, да ведь от этой скотины разит Шанелью! Волосы у меня дыбом встали, руки опять начали трястись, и если бы не то, что был это не кот, а кошка, я бы этого кота грубым словом к эротическому меньшинству причислил. Да я тебя, бестия, — подумал я, — я тебя, бестия, в «Тыгоднике Повшехном» припечатаю, я прямо сейчас ядовитый текст напишу под заголовком «Кот на наклонной плоскости» и сухого места на тебе не оставлю! Я удержался от этой единственно известной мне формы человеческой активности, удержался, но уже все знал, до меня наконец дошло.

Ведь этот кот — француз, всеми силами старался я осознать, этот кот из Франции приехал, и, кроме естественного кошачьего разбоя, в нем есть еще и дополнительное французское вырождение. Я смотрел на этого пижона, смотрел на это парижское создание, смотрел на этого несчастного зверя, уже по самому своему географическому происхождению падшего, я взирал на него упорно, словно бы самой его порочностью замороженный, взирал, и постепенно, постепенно омерзение начинало перерождаться в восхищение.

Я видел в его глазах бездну столь же черную, как Варфоломеевская ночь, из его искрящейся шерсти выскакивали языки пламени костра Жанны Д'Арк, а может быть, костра Великого Мастера Тамплиеров, кот мяукал, и слышен был гром Великой Революции, волосы на кошачьем хребте были радикальными, как террор якобинцев, он ступал с чрезвычайной осторожностью, и шаг его был шагом коллаборационистов из Виши, он скрывался в закоулках квартиры, словно все еще стыдясь дела Дрейфуса, на форточку взбирался с решительностью палача, ведущего на эшафот ни в чем не повинного монарха, объявлял предметам войну и тут же капитулировал, как маршал Петэн в тысяча девятьсот сороковом. Я не мог обуздать этого видения, а еще я видел, я видел, как в кошачьем нутре переливаются самые черные страницы истории его родины. Я понял, что кот отмечен Францией, так же как

мы, поляки, Польшей, и готовность к действию наполнила мое сердце.

Сезон отчетов о собственной невезучести канул безвозвратно, правда, от меня по-прежнему никто ничего не ждал, но появился падший французский кот, и я мог немного сентиментально и несколько наивно предположить, что этот кот — первый, кто чего-то более существенного от меня ждет. Даже по логике вещей все сходилось, ведь и мои ожидания в отношении этого кота были значительными, и если бы я сказал, что ждал его как спасения, то пусть это и было бы преувеличением, но я действительно ждал его, я считал, что это домашнее животное умиротворит мое отчаяние, стояло лето моего отчаяния, а тонущий в дожде Краков, город моего отчаяния, был как гипсовая отливка города на дне океана.

И, возжаждав утешения, я страстно захотел и коту дать утешение, и молчал беспомощно, и стоял на хрупкой, как линия Мажино, границе нелепости. Ведь абсолютной нелепостью было бы объяснять этому даже столь трагически заклеяменному историей коту, что он теперь в Польше, нелепостью было бы рассказывать ему про Польшу, нелепостью было бы утешать его Польшей. Коту не Польша нужна, а *whiskas*. Кот, ты прибыл в Польшу, — если бы я сказал так, — кот, ты прибыл в страну реформ, в страну, которая освободилась от московского ярма, видишь, *mon cher chat*, ты сейчас в краях, где родилось самое прекрасное со времен Спартака общественное движение, — если бы я сказал так, то даже если бы в построенном таким образом монологе я затронул суть вещей, то все равно, кот, я знаю, что тебе не Польша независимая нужна, а *whiskas*, по поводу чего, однако, не могу не заметить, что *whiskas* доступен в магазинах именно благодаря независимости Польши, но даже если бы я этот интересный парадокс отметил (*whiskas* независимый и *whiskas* западный) и даже если бы мне удалось во всех высказываниях сохранить стилистическое равновесие, то ведь осрамился бы я и выставил себя на посмеши-

ще. Кот как литературный персонаж — ради бога, но кот как медиум, как адресат публицистических метафор — решение неудачное, ложный путь, художественное фиаско.

И тогда я уразумел, что ничего не нужно коту говорить, он и так все слышит. Сидит во всем своем небывалом изяществе посреди комнаты и напрягает уши, бархатные, как обивка кресел в Версале. Сидит и слушает. Каждый шорох слышит, капли дождя, стучащие о парпет, скрип двери, шаги на ступеньках, грохот трамвая, едущего из Домбья, чей-то голос за стеной. Слушает, и есть в нем хорошо мне знакомая паническая реакция слуха, которая заставляет вскочить на ноги при звуке внезапно трогающегося лифта или велит оцепенеть придребезжании неожиданного звонка. Кот слушает комнату, слушает дом и слушает город. Дождь перестал, слышно шуршание шин, вращающихся на мокром асфальте, кот слышит хлопки складываемых зонтов, слышит разговор двух медсестер, идущих по улице Коперника, слышит колокола, звонящие на день Ангела Господня, слышит музыкантов, раскладывающих ноты на Славковской, слышит шум воды, летящей по замурованным водопроводам. Город курится, как гора Арарат. Кот слышит музыку, как если бы сидел на моем плече. Улицы сейчас словно большие концертные залы, и я иду напрямик через поля музыки. На Сенной петербургские оркестранты играют увертюру к «Вильгельму Теллю», в конце Гродской трио в болоньевых куртках (кларнет, альт, аккордеон) играет *Kegelstatt* Моцарта, кот слышит доносящееся с Висльной «Адажио» из концерта для гобоя Альбиниони, музыканты Львовской филармонии, а может, всего лишь пара учителей музыки из Киева (флейта и аккордеон) играют на Шпитальной сонату для флейты и клавесина соль минор Иоганна Себастьяна Баха, а откуда доносится «Ариодант» Генделя? А кто играет сейчас Лакателли, Корелли, Зеленку? Кот знает. Я иду по переполненному чужеземными музыкантами Кракову, чужеземный кот их слушает, флейта, гобой,

скрипка, кларнет, виолончель, все уличные инструменты играют. Я иду и изумляюсь ничтожности ожиданий, предъявляемых мне музыкой, совершенной, как кошачий череп.

samuel beckett

Сэмюэль Беккет **ДАНТЕ И ЛАНГУСТ²⁴**

Было утро, и Белаква застрял на одной из первых песен о Луне²⁵. Так увяз, что не мог двинуться ни назад, ни вперед. Там была блаженная Беатриче, а также Данте, которому она объясняла происхождение пятен на Луне. Сначала она показала ему, в чем его ошибка, затем предложила собственное толкование. Получила она его от Бога, так что на его точность можно было положиться во всех отношениях. Оставалось лишь следовать за ней по пятам. Часть первая, ниспровержение, была легким плаванием. Свои соображения она излагала ясно, сообщая все, что нужно, без шума и проволочек. Зато часть вторая, наглядные доказательства, была так насыщена, что Белаква, как ни силился, ничего не мог понять. Отрицание, опровержение — тут все было ясно. Однако затем следовала аргументация — стремительный, точно в скорописи, каскад реальных фактов, тут Белаква и впрямь увяз. К тому же все это ему надоело, ему не терпелось отправиться в «Пиккарду». Однако он бился и бился над загадкой, ни за что не желая признать себя побежденным, — он уразумеет хотя бы значения слов, порядок, в котором они произносятся, и природу удовле-

²⁴ Dante and the Lobster, 1932. Перевод с английского Майи Кореновой.

²⁵ Имеется в виду Вторая Песнь «Рая» третьей части «Божественной комедии» Данте; из «Божественной комедии» заимствовано также имя героя рассказа. (См. «Чистилище», Песнь Четвертая.)

творения, дарованного ими заблудшему поэту, поэтому, когда слова подошли к концу, он почувствовал прилив сил и поднял отяжелевшую голову, намереваясь принести ответные благодарности и произвести по всей форме отречение от прежних своих суждений.

Он все еще ломал голову над непостижимым пассажем, когда услышал, что пробило полдень. Моментально погасив деятельность мозга, он освободил его от этой обязанности. Подсунув пальцы под книгу, он подтолкнул ее на себя, так что вся она целиком лежала у него на ладонях. Раскрытая «Божественная комедия» на пюпитре его ладоней. В таком положении он поднес книгу к носу и тут захлопнул. Подержал ее какое-то время высоко в воздухе, сердито скосив на нее глаза и сдавив корки переплета, налегая на них ладонями. Потом отложил книгу в сторону.

Он откинулся на спинку кресла, желая почувствовать, как утомонится его ум и стихнет зуд жалкого схоластического спора. Покуда не придет в себя и не успокоится ум, ничего нельзя было делать; постепенно тот успокоился.

Тогда лишь дерзнул помыслить Белаква о том, чем заняться дальше. Вечно человек вынужден чем-то заниматься дальше. Ему предстояло три больших дела. Сначала — ленч, потом — лангуст, потом — урок итальянского. Пока что с него хватит. Что будет после урока итальянского, он не имел ясного представления. Весь день до вечера был несомненно кем-то дотошно расписан, но что содержалось в этом расписании, было ему неизвестно. Так или иначе, это было не важно. Важно было вот что: первое — ленч, второе — лангуст, третье — урок итальянского. Покуда более чем достаточно.

Ленч, ежели он вообще получится, — дело весьма приятное. Чтобы ленч доставил ему удовольствие — а он может доставить поистине огромное удовольствие, — необходимо, чтобы на время приготовления ленча его оставили совершенно в покое. Если его сейчас потревожат, прискачет, скажем, вприпрыжку ка-

кой-нибудь неугомонный болтун со своей великой идеей или петицией, тогда он с таким же успехом мог бы и вообще не есть. Ибо пища у него на языке будет горька на вкус или еще того хуже — вовсе безвкусна. Чтобы приготовить ленч, он должен остаться совершенно один, в полной тишине и спокойствии.

Первое, что нужно было сделать, — это запереть дверь. Теперь никто не захватит его врасплох. Он развернул старую «Геральд» и разгладил ее на столе. На него воззрилось довольно привлекательное лицо Маккейба, убийцы. Затем он зажег газовую конфорку, снял с гвоздя плотный квадратный тостер — асбестовую решетку — и поставил его прямо на огонь. Огонь оказалось необходимо убавить. Недопустимо, чтобы тост жарился чересчур быстро, нужно жарить его на слабом, медленном огне. Иначе он только обуглится снаружи, а внутри мякиш останется таким же клеклым, как и был. Если существовало нечто самое для него отвратительное, так это ощущать, как зубы, сомкнувшись, вязнут в трясине мякиша или теста. А ведь сделать все как следует так легко. Итак, размышляя он, отрегулировав напор газа и приладив решетку, к тому времени, как я нарежу хлеб, все будет в самый раз. Теперь из банки из-под галет был извлечен похожий на ружейный ствол батон и его конец разглажен на физиономии Маккейба. Дважды прошла неумолимая хлебная пила, и перед Белаквой, предвкушавшим будущее наслаждение, легла пара аккуратных круглых ломтиков хлеба, главных компонентов блюда. Остаток батона был препровожден назад, в тюрьму, крошки лихорадочно сметены на пол, словно на белом свете не существует такой вещи, как воробы, а ломти доставлены к решетке. Все эти предварительные меры осуществлялись чрезвычайно быстро и бесстрастно.

Теперь наступил такой момент, когда требовалось настоящее искусство, такой, когда человек обыкновенный загубил бы все дело. Он прижался щекой к хлебному мякишу, теплomu и ноздреватому, живому. Но он быстрехонько избежит от этого ощущения

пышности, видит бог, он мигом сведет с его поверхности эту тупую белизну. Он чуть-чуть притушил огонь и с размаху плюхнул на раскаленный асбест один из дряблых ломтей, с превеликой, однако, точностью и аккуратностью, так что все в целом напоминало японский флаг. Затем, ввиду отсутствия пространства, достаточного для того, чтобы они ровно прожарились рядом — а если не прожарить ровно, и вовсе нечего браться за дело, — сверху на него положил второй кружок, греться. Как только первый кандидат был готов, что произошло тогда лишь, когда он почернел насквозь, он поменялся местами со своим собратом, и теперь уже сам возлежал наверху, безнадежно прожженный, черный и дымящийся, дожидаясь, покуда то же можно будет сказать о втором.

Для труженика полей это была легкая вещь, доставшаяся ему от матери. Пятна — это Каин со своей вязанкой хвороста, все потерявший, проклятый, изгнанный с земли, беглец и скиталец. Луна — это его унылое и отмеченное печатью лицо с первым выжженным клеймом позора — божьей жалости в знак того, что отверженный не мог быстро умереть. В голове земледельца все смешалось, но это было не важно. Это устраивало его мать, устраивало и его.

Склонившись над решеткой, Белаква, стоя перед огнем на коленях, в напряженном раздумье наблюдал за каждой стадией поджаривания. Это требовало времени, но делать это нужно было как подобает, если за это вообще стоило браться, как справедливо утверждает пословица. Задолго до окончания комната наполнилась чадом, пахло гарью. Исполнив все, на что способны человеческие старания и искусство, он выключил газ, вновь водрузил решетку на гвоздь. Этим актом он нанес ущерб имуществу, поскольку прожег в обоях огромную прямоугольную дыру. Чистое, отъявленное хулиганство. Но ему-то что, черт возьми? Разве это его стена? Все те же безнадежно испорченные обои красовались здесь вот уже пятьдесят лет. Дочерна за-

мызгались от старости. Их невозможно было испортить.

Далее в каждый ломтик, разопревший от жара, хорошенько втирался соус «савора», соль и кайенский перец. Упаси боже, никакого масла — только добрая приправа из горчицы, соли и перца на каждый кружок. Масло было бы ошибкой — тост от него мокнет. С маслом тосты хороши для старших членов университетских советов да членов Армии спасения, для тех, у кого в голове нет ничего, кроме искусственных зубов. И абсолютно не годятся весьма крепкому юному розану вроде Белаквы. С чувством восторга и торжества будет он поглощать блюдо, на приготовление которого положил столько сил; все равно что разгромить на льду поляков на санках. Закрыв глаза, он вопьется в тост, будет с хрустом жевать, перемалывая его в кашицу, изничтожит вконец своими зубами. Потом обжигающая боль, жжение пряностей по мере кончины каждого откушенного куска, обжигающего нёбо, исторгающего слезы.

Но он был далек от полной боевой готовности: оставалась еще уйма дел. Выжарить свое угощение он выжарил, однако не вполне оснастил. Поистине впряг лошадь позади телеги.

Он хлопком соединил поджаренные кружки, точно в тарелки ударил; они прилепились друг к другу, скрепленные густым бальзамом «савора». Затем временно завернул их в старый обрывок газеты. Затем приготовился к выходу.

Самое главное теперь — избежать приставаний. Ежели его остановят на этой стадии, и он допустит словесное надругательство над собой, это будет сущая катастрофа. Всем существом он рвался навстречу уготованной ему радости. И если бы к нему сейчас пристали, он мог бы с равным успехом вышвырнуть свой ланч в канаву и прямиком отправляться домой. Временами его вождение, его жажда этой пищи — нет нужды говорить, более духовного, нежели телесного свойства — доходила до такого неистовства, что он, не

колеблясь, ударил бы любого, кто неосмотрительно преградил бы ему путь, приставая с докучными расспросами, он скинул бы его с дороги безо всяких церемоний. Горе несчастному, который разозлит его, встав на его пути, когда дух его поистине устремлен к своему ленчу.

Склонив голову, он быстро пробирался знакомым лабиринтом переулков и неожиданно нырнул в маленькую семейную бакалейную лавку. Никто в лавке не удивился. Примерно в этот час он чуть не ежедневно влетал в лавку с улицы таким манером.

Кусок сыра был уже приготовлен. Отделенный с утра от головки, он только и дожидался, когда за ним придет Белаква. Горгонцольский сыр. Он знал человека из Горгонцолы, звали Анджело. Родился он в Ницце, но вся его юность прошла в Горгонцоле. Он знал, где искать такой сыр. Каждый день сыр лежал так, на одном и том же углу, дожидаясь, когда за ним придут. Это были очень достойные, обязательные люди.

Белаква скептически оглядел срез. Перевернул сыр на другую сторону — посмотреть, не будет ли та лучше. Другая сторона оказалась еще хуже. Они пошли на маленькую хитрость, выложили его лучшей стороной вверх. Кто упрекнет их? Он потер сыр — на нем выступили слезы. Это уже кое-что. Наклонился, понюхал. Слабый аромат гнили. Что проку? Не нужен ему аромат, он не какой-то жалкий гурман, ему нужна крепкая вонь. Что ему нужно, это добрый зеленый, вонючий кусок горгонцольского сыра, и, ей-богу, он его получит.

Он свирепо посмотрел на бакалейщика.

— Это что такое? — спросил он.

Тело бакалейщика содрогнулось.

— Ну, — спросил Белаква; если его раззадорить, он был неустрашим, — это лучшее, на что вы способны?

— В долготу и широту всего Дублина, — отвечивал бакалейщик, — не сыскать в сей час более тухлого куска.

Белаква был в ярости. Наглый пес. Удавится за грош.

— Не пойдет, — вскричал он, — слышите меня, всем не подойдет. Этого я не возьму. — Он проскрежетал зубами.

Вместо того чтобы, подобно Пилату, просто умыть руки, бакалейщик всплеснул ими в неистовой мольбе, раскинув руки, как на распятии. Белаква мрачно развернул свой сверток и сунул бледный, как труп, кусок сыра меж твердых, холодных, черных дощечек тостов. Он заковылял к двери, достигнув которой, однако, обернулся.

— Вы меня слышали? — крикнул он.

— Сэр, — отвечал бакалейщик. То не был ни вопрос, ни, однако же, выражение молчаливого согласия. Тон, которым это было брошено, абсолютно не позволял узнать, что на уме у этого человека. То был хитроумнейший выпад.

— Говорю вам, — с жаром бросил Белаква, — этот мне совсем не подходит. Если ни на что лучшее вы не способны, — он поднял руку со свертком, — я буду вынужден брать сыр в другом месте. Попомните мои слова.

— Сэр, — произнес бакалейщик.

Он подошел к порогу лавки и стал смотреть вслед ковылявшему прочь возмущенному покупателю. Тот шел прихрамывающей походкой — ноги у него были в самом плачевном состоянии и почти непрерывно причиняли ему страдания. Даже ночью они горели от мозолей и вывернутых суставов, боль от которых распространялась по всей ноге. Поэтому он имел обыкновение прижимать наружные края ступней к спинке кровати (или того лучше — протянув руки, подтягивать ноги), стараясь как бы переместить мозоли на внутреннюю сторону ступней. Искусством и терпением можно было облегчить боль, но она все же существовала, отравляя ему ночной отдых.

Не закрывая глаз и не спуская их с удаляющейся фигуры, бакалейщик высморкался в подол фартука.

Будучи человеком участливым и человечным, он сочувствовал этому странному покупателю, у которого неизменно был больной и удрученный вид. Но в то же время он был, не забывая, мелким торговцем с присущим мелким торговцам чувством личного достоинства и пониманием того, что к чему. Три пенса — ежедневно он выбрасывал на три пенса сыру, шиллинг и шесть пенсов в неделю. Нет, из-за этого он не станет ни перед кем лебезить, нет, ни за что, ни за что на свете. У него своя гордость.

Спотыкаясь, брел Белаква окольными путями к тому захудалому пабу, где его ожидали, — в том смысле, что появление его гротескной персоны не вызвало бы ни комментариев, ни смеха; постепенно он одолел свой гнев. Теперь, когда ленч был почти *fait accompli*²⁶, поскольку в этот убогий квартал редко заносило страдавших недержанием речи олухов из одного с ним класса, сгоравших от нетерпения изложить тебе великую идею или навязать встречу, он мог на свободе всесторонне обмозговать пункт второй и пункт третий — лангуста и свой урок.

В школе ему надлежало быть без четверти три. Скажем, без пяти. Паб закрывается, а рыбная лавка открывается после перерыва в полтретью. Допустим затем, что его паршивая сука тетка вовремя сделала утром заказ, строго-настрого наказав, чтобы он в готовом виде дожидался ее оболтуса племянника, и что, когда он зайдет за лангустом вскоре пополудни, ему не придется задерживаться, тогда, если уйти из паба с закрытием, у него будет достаточно времени — можно посидеть до последнего. *Benissimo*²⁷. Денег у него было полкроны. Во всяком случае, это значит две пинты бочкового, а то и бутылочка на закуску. Пиво в бутылках у них преотменное, прекрасно пенится к тому же. И еще останется несколько медяков — хватит и на «Геральд», и на трамвай, ежели он устанет или сочтет, что

²⁶ Свершившимся фактом (*фр.*).

²⁷ Превосходно (*ит.*).

времени в обрез. Все это, разумеется, при том непременном условии, что лангуст будет готов ко вручению. Черт бы побрал этих торговцев, думал он, никогда на них нельзя положиться. Упражнения он не приготовил, но это не важно. Профессоресса была такая очаровательная и замечательная. Signorina²⁸ Адриана Оттоленги! Он был уверен, что никакой женщине было бы невозможно превзойти маленькую Оттоленги умом и ученостью. Так что он мысленно возвел ее на пьедестал, в отдалении от других женщин. В прошлый раз она сказала, что они будут вместе читать *Il Cinque Maggio*²⁹. Но она не станет возражать, если он по-итальянски, как и намеревался, скажет ей, что — по дороге из паба он сочинит блистательную фразу, — что предпочел бы отложить *Cinque Maggio* до другого случая. Мандзони — это старая баба. Наполеон — тоже. *Napoleone di mezza calza fa l'amore a Giacomina*³⁰. Почему Мандзони представлялся ему старой бабой? Откуда такая несправедливость? Пеллико³¹ — еще одна старая баба. Все они старые девы, суффражистки. Надо спросить у signorina, откуда у него такое впечатление, будто в девятнадцатом веке Италия была наводнена старыми клушами, пытавшимися вкочтаться под Пиндара³². Кардуччи³³ — и этот тоже. А

²⁸ Синьорина (*ит.*).

²⁹ «Пятое мая» — одно из известнейших стихотворений Алессандро Мандзони (1795–1873), итальянского поэта, драматурга и романиста, главы итальянского романтизма.

³⁰ Наполеон в коротких штанишках занимается любовью с Джакоминеттой (*ит.*).

³¹ Сильвио Пеллико (1789–1854) — итальянский поэт, за участие в движении карбонариев приговоренный к смертной казни, замененной тюремным заключением. В его творчестве патриотические мотивы соединялись с проповедью христианского смирения.

³² Пиндар (522–442 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт, почитавшийся древними величайшим из лириков, автор од, отмеченных величавостью тона.

³³ Джозуэ Кардуччи (1835–1907) — итальянский поэт и критик, лауреат Нобелевской премии.

еще о пятнах на Луне. Если она не сможет ответить ему тут же, она охотно выяснит к следующему разу. Теперь все было в полной боевой готовности и порядке. Разумеется, за вычетом лангуста, который поневоле оставался непредсказуемым фактором. Он должен просто надеяться на лучшее. А ожидать худшего, весело подумал он, ныряя по своему обыкновению в паб.

Белаква приближался к школе вполне довольный, поскольку все прошло как по маслу. Ленч окончился с завидным успехом и будет жить в его душе как образцовый. Он воистину был не в силах даже вообразить, чтобы этот ленч можно было превзойти. Такой бледный, смахивающий на мыло сыр — и оказался на поверку таким духовитым! Остается лишь заключить, что все эти годы он обрекал себя на лишения, прямолинейно связывая духовитость сыра с зеленым цветом. Век живи, век учись, как справедливо говорит пословица. К тому же его зубы и челюсти побывали в настоящем раю: в то время как он жевал, истребляемый тост брызгал мелкими осколками. Точно ешь стекло. Рот его горел и пылал от этого сражения. Переданное тихим, трагическим голосом через стойку Оливером, практикантом, сообщение о том, что прошение убийцы о помиловании, подписанное половиной страны, отклонено — болтаться ему на рассвете в Маунтджое³⁴, его уж ничто не может спасти, — лишь сдобрило утешение. Эллис, палач, уже направился туда. Поглощая сэндвич и глуша драгоценное пиво, Белаква размышлял о сидящем в камере Маккейбе.

Лангуст все-таки был приготовлен заранее, продавец *instanter*³⁵ протянул его Белакве, к тому же с приятнейшей улыбкой. Немножко учтивости и доброго расположения поистине немало значат на этом свете. Улыбка, приветливое слово от простого труженика — и лик мира просветлел. А ведь так легко — дело просто в управлении мышцами.

³⁴ Тюрьма в Дублине.

³⁵ Мгновенно, тотчас же (*лат.*).

— Трепыхается, — приветливо сказал продавец, протягивая лангуста.

— Трепыхается, — сказал Белаква. Что бы это такое значило?

— Трепыхается, сэр; свежий, — сказал тот, — свежий, утрешний.

Тогда, по аналогии с макрелью и прочей рыбой, о которой, он сам слышал, говорили «трепыхается, свежая», когда ее выловили час-другой назад, Белаква заключил, что продавец хотел сказать, что лангуста забили совсем недавно.

Signorina Адриана Оттоленги ждала его в небольшой аудитории рядом с входной дверью в холл, который Белаква был, естественно, склонен рассматривать скорее как вестибюль. Это была его аудитория, аудитория итальянского. На той же стороне, но подальше располагалась аудитория французского. Бог знает, где находилась аудитория немецкого. Да и кому какое дело до аудитории немецкого.

Он повесил пальто и шляпу, положил на стол в холле свой продолговатый шишковатый сверток в коричневой бумаге и с готовностью прошел к Оттоленги.

Они с полчаса порассуждали о том о сем, и она с похвалой отозвалась о его овладении языком.

— Вы делаете заметные успехи, — сказала она своим убитым голосом.

Существовало ровно столько этой Оттоленги, сколько можно было ожидать в даме определенного возраста, которая в свое время сочла, что быть молодой, красивой и чистой — самая скучная вещь.

Удовольствие было велико, но, прервав его, Белаква изложил загадку Луны.

— Да, — сказала она. — Я знаю это место. Знаменитая головоломка. С ходу я вам не скажу, но я выясню, когда приду домой.

Дивное создание! Она выяснит, когда придет домой, по своему толстому Данте. Что за женщина!

— Мне пришло в голову, — сказала она, — а *propos*³⁶ не знаю с чем, что вы могли бы придумать что-то позаковыристей редких у Данте жестов сострадания в «Аде». Это бывал, — прошедшее время неизменно являло у нее печальное зрелище, — излюбленный вопрос.

Он принял глубокомысленный вид.

— В связи с этим, — сказал он, — я припоминаю одну великолепную шутку: «*Qui vive la piete quando e ben morta...*»³⁷

Она не сказала ничего.

— Разве не великолепная фраза? — разглагольствовал он.

Она не сказала ничего.

— Так вот, — сказал он, как дурак, — интересно, как бы вы это перевели?

Она по-прежнему не сказала ничего. Потом:

— Вы думаете, — прошептала она, — что это абсолютно необходимо переводить?

Из холла донеслись звуки словно бы какой-то возни. Затем тишина. В дверь, как в бубен, постучали костяшкой пальца, она распахнулась, и — ах! — на пороге, сжимая своего кота, стояла Mile³⁸ Глэн, преподавательница французского, с выпученными глазами, в состоянии крайнего возбуждения.

— О, — произнесла она задыхаясь, — извините меня за вторжение, но что было в этом свертке?

— В свертке? — спросила Оттоленги.

Mile Глэн сделала по-французски шагжок в сторону.

— Пакет, — она зарылась лицом в кота, — тот пакет в холле.

— Мой, — сказал он, — рыба.

³⁶ В связи (*фр.*).

³⁷ «Здесь жив к добру тот, в ком оно мертво...» (Данте. Божественная комедия. «Ад», Песнь Двадцатая. Перевод М. Лозинского.)

³⁸ Мадемуазель (*фр.*).

Он не знал, как по-французски «лангуст». Вполне сойдет и «рыба». «Рыба» стодилась для Иисуса Христа, Сына Божьего и Спасителя. Сгодится и для Mile Глэн.

— О, — сказала Mile Глэн с невыразимым облегчением, — я поймала его в самый последний миг. — Она пошлепала кота. — Он бы его раздирал в пух и прах.

Белаква почувствовал некоторую тревогу.

— Он действительно до нее не добрался? — сказал он.

— Нет-нет, — сказала Mile Глэн, — я схватила его как раз вовремя. Но я не знала, — синечулочный смешок, — что там может быть, и подумала, что лучше зайти и спросить.

Подлая любопытная сука.

Оттоленги это слегка забавляло.

— Puisqu'il n'y a pas de mal...³⁹ — сказала она в великом изнеможении и очень элегантно.

— Neuresement, — было сразу ясно, что Mile Глэн — особа набожная. — Neuresement⁴⁰.

Слегка отшлепав кота в наказание, она удалилась. Седые волосы ее девичества резали Белакве глаза. Набожный, девственный синий чулок, умирающий по грошовому скандалу.

— Ну и где мы? — сказал Белаква.

Но неаполитанское терпение небеспрдельно.

— А где мы всегда? — воскликнула Оттоленги. — Где и были, если были.

Белаква приближался к дому тетки. Давайте скажем, что была зима, чтобы сейчас могли стуситься сумерки и взойти луна. На углу улицы лежала лошадь, на ее голове сидел человек. Я знаю, подумал Белаква, что так принято делать. Но почему? Проехал на велосипеде фонарщик со своей палкой наперевес, набросившись на столб, он высекал в поединке искорку желтого света для освещения вечера. Плохо одетая пара стояла в претенциозного вида воротах, она — при-

³⁹ Значит, ничего плохого (*фр.*).

⁴⁰ К счастью (*фр.*).

валясь спиной к решетке, с опущенной головой, он — лицом к ней. Он отпрянул, но не отошел от нее, опустив руки по бокам. Где и были, подумал Белаква, если были. Он пошел дальше, сжимая свой сверток. Отчего не благочестие и жалость одновременно, даже внизу? Отчего не милосердие и божественность вместе? Чутьочку милосердия в муках жертвенности, чутьочку милосердия, чтобы возрадоваться вопреки обреченности. Он думал об Ионе и растении и о жалости гневного Бога к Ниневии⁴¹. И о бедном Маккейбе, дадут ему на рассвете по шее. Что-то он сейчас делает, как себя чувствует. Вот кто порадовался бы лишнему обеду, лишнему дню.

Тетка была в саду, где она ухаживала за цветами, которые там умирают в это время года. Она обняла его, и они вместе спустились в чрево земли — кухня помещалась в подвале. Она взяла сверток, развернула его, и вот уже на столе, на клеенке разом очутился лангуст.

— Уверяли, что свежий, — сказал Белаква.

Вдруг он заметил, что это создание, это бесполое существо пошевелилось. Оно определенно изменило свое положение. Рука Белаквы взметнулась к губам.

— Иисусе! — сказал он. — Он живой.

Тетка посмотрела на лангуста. Тот снова пошевелился. Подал на клеенке слабый, нервный признак жизни. Они стояли над ним, глядя на него сверху вниз, на отчетливую форму креста на клеенке. Тот снова дернулся. Белаква почувствовал, что ему станет дурно.

— Боже мой, — проскулил он, — живой, что же нам делать?

Тетка просто расхохоталась. Она помчалась в кладовку за своим нарядным фартуком, оставив его со-

⁴¹ См.: Библия, Книга пророка Ионы. 4: 10, 11. Иона, печаловавшийся о засохшем растении, недоумевал, отчего Бог не разрушил Ниневии, где много грешников.

зерцать лангуста; вернулась в фартуке, с закатанными рукавами, вся деловая.

— Ну, — сказала она, — надо надеяться, так оно и есть.

— Все это время, — пробормотал Белаква. Потом, внезапно осознав, что значит ее чудовищное облачение, воскликнул: — Что вы собираетесь с ним делать?

— Сварить животину, — сказала она, — что же еще?

— Но он же живой, — воспротивился Белаква, — нельзя его так варить.

Она удивленно посмотрела на него. Он что, рехнулся?

— Будь разумен, — резко сказала она. — Лангустов всегда варят живыми. Так положено. — Она внезапно схватила лангуста и положила его на спину. Лангуст дрожал. — Они ничего не чувствуют, — сказала она.

Ползая в морской пучине, лангуст угодил в безжалостный котел. На протяжении многих часов он тайно дышал среди своих врагов. Спасся от кота преподавательницы французского и его дурацких объятий. А теперь отправлялся в крутой кипяток. Так надо. Ввысь вознести мое дыханье⁴².

Белаква посмотрел на древний пергамент ее лица, серого в полумраке кухни.

— Суетишься, — сердито сказала она, — меня из себя выводешь, а потом влетаешь и требуешь обеда.

Она подняла лангуста так, чтобы он совсем не касался стола. Жить ему оставалось секунд тридцать.

Что ж, подумал Белаква, это быстрая смерть. Господи, помоги нам всем.

Нет, не быстрая.

⁴² Строка из «Оды соловью» Джона Китса.

Сэмюэль Беккет
ГОЛОВЕШҚИ⁴³

радиопьеса

Едва слышный шум моря.

Шум гальки под башмаками Генри. Он останавливается.

Шум моря делается чуть громче.

ГЕНРИ: Вперед. (*Шум моря. Более громким голосом.*) Вперед! (*Он идет дальше. Шум гальки под башмаками. На ходу.*) Стоп. (*Шум гальки под башмаками. На ходу, громче.*) Стоп! (*Он останавливается. Шум моря делается все громче.*) Сесть. (*Шум моря. Более громким голосом.*) Сесть! (*Дробный звук гальки — он садится. Шум моря, по-прежнему слабый, слышен на протяжении всего действия, несмотря на обозначенные паузы.*) Кто теперь со мной рядом? (*Пауза.*) Старик, слепой и неумный (*Пауза.*) Мой отец, восставший из праха, чтобы быть со мной рядом. (*Пауза.*) Как будто и не умирал. (*Пауза.*) Да, просто воскрес из мертвых, чтобы быть со мной рядом в этом чужом краю. (*Пауза.*) Хорошо ли он меня слышит? (*Пауза.*) Да, должен слышать. (*Пауза.*) Чтобы отвечать? (*Пауза.*) Нет, он не отвечает. (*Пауза.*) Просто чтобы быть со мной рядом. (*Пауза.*) Тот шум, что ты слышишь, — море. (*Пауза. Громче.*) Я говорю: тот шум, что ты слышишь, — море, мы сидим на берегу. (*Пауза.*) Я говорю об этом, потому что шум так странен, так непохож на шум моря, что, если не видеть, что это, нипочем бы не

⁴³ «Митин журнал» #18 (ноябрь/декабрь 1987). Перев. с англ. Ярослава Зимакова.

догадаться. *(Пауза.)* Лошадь! *(Пауза. Громче.)* лошадь! *(Стук копыт по дороге с твердым покрытием. Быстро умолкает. Пауза.)* Опять! *(Стук копыт, как в прошлый раз. Пауза. Возбужденно.)* Научить бы ее отступивать время! Подковать железом, да привязать во дворе, пусть себе цокает день-деньской. *(Пауза.)* Восставший из праха десятитонный мамонт, подковать его железом, пусть он растопчет мир! *(Пауза.)* Прислушайся-ка к нему! *(Пауза.)* А теперь прислушайся к свету, ты ведь любил свет, время чуть за полдень, а весь берег в тени, и море тоже до самого острова. *(Пауза.)* Ты бы никогда не стал жить на этой стороне залива, ты хотел, чтобы на воде во время вечернего омовения, которое ты совершал столь часто, было солнце. Но я, получив твои деньги, переехал на другую сторону; тебе, вероятно, это известно. *(Пауза.)* Знаешь, ведь твоего тела мы так и не нашли — это обстоятельство надолго задержало утверждение завещания, нам говорили, что нет де никаких доказательств, что ты не сбежал от нас и не живешь преспокойно под вымышленным именем где-нибудь, скажем, в Аргентине, это очень печалило мать. *(Пауза.)* Тут мы с тобой похожи, не могу жить без него, но я в него никогда не захожу, нет, в последний раз, кажется, это случилось вместе с тобой. *(Пауза.)* Просто находиться поблизости. *(Пауза.)* Сегодня оно спокойно, но я часто слышу его наверху, в домике, и когда гуляю по дорогам. Тогда я начинаю говорить, о, достаточно громко, чтобы заглушить его, никому нет дела. *(Пауза.)* Я сейчас я говорю и говорю, где бы ни был, как-то раз я ездил в Швейцарию, хотел избавиться от этого проклятия, и все то время, что пробыл там, не умолк ни на секунду. *(Пауза.)* Раньше я ни в ком не нуждался, просто для себя — истории, была среди них одна очень хорошая про одного старика по имени Болтон, я ее так и не закончил, я вообще никогда ничего не заканчивал, все всегда продолжалось вечно. *(Пауза.)* Болтон. *(Пауза. Громче.)* Болтон! *(Пауза.)* Вон там, перед камином. *(Пауза.)* Перед камином, и все ставни... нет, шторы, шторы, все шторы опущен-

ны и свет, света нет, лишь ответ камина, сидит в... нет, стоит, стоит на коврике перед камином в темноте, положив руки на каминную полку и опустив на них голову, стоит в темноте перед камином в старом красном халате и ждет, и в доме ни единого звука, лишь треск огня. (Пауза.) Стоит в старом красном халате, который в любую минуту готов вспыхнуть, как когда-то в детстве, нет, пижама была тогда, стоит в темноте и ждет, света нет, лишь ответ огня, и ни единого звука, лишь огонь, старый человек тяжкий больной. (Пауза.) Потом звонок в дверь, и он подходит к окну и выглядывает из-за штор, симпатичный старикан, очень большой и сильный, ясная зимняя ночь, кругом снег, дикий холод, белое царство, сучья кедра гнутся от тяжести, и тут, когда рука поднимается, чтобы позвонить еще раз, узнает... Холлоуэй... (долгая пауза)... да, Холлоуэй, узнает Холлоуэя, спускается вниз и открывает. (Пауза.) На улице все тихо, ни единого звука, разве что собачья цепь, или сук скрипнет, если долго стоять и прислушиваться, белое царство, Холлоуэй со своим маленьким черным саквояжем, ни единого звука, дикий холод, полная луна — маленькая и бледная, кривой след от калош Холлоуэя. В созвездии Лиры зеленая-презеленая Вега. (Пауза.) В созвездии Лиры зеленая-презеленая Вега. (Пауза.) Потом на ступеньке следующий разговор, нет, в комнате, снова в комнате, следующий разговор, Холлоуэй: «Мой дорогой Болтон, теперь уж за полночь, и не будете ли вы столь любезны», — дальше не говорит, Болтон: «Умоляю! УМОЛЯЮ!» Затем гробовая тишина, ни единого звука, лишь камин, одни угли, нынче почти прогоревшие. На коврике Холлоуэй пытается отогреть свой зад, Болтон, где же Болтон, света-то нет, лишь камин, Болтон возле окна, спиной к шторам, рукой придерживает их немного в стороны, выглядывает, белое царство, даже шпиль до самого флюгера белый, в высшей степени необыкновенно, в доме безмолвие, ни единого звука, лишь камин, уж и пламени нет, головешки. (Пауза.) Головешки. (Пауза.) Холлоуэй на коврике, симпатичный

старикан, шесть футов, здоровяк, расставив ноги, руки за спиной, придерживает полы своего старого макфарлейна, Болтон у окна, величественная фигура старца в старом красном халате, спиной к шторам, рука тянется, чтобы расширить щель, выглядывает, белое царство, тяжкий недуг, ни единого звука, лишь головешки, звук умирания, умирания пламени, Холлоуэй, Болтон, Болтон, Холлоуэй, старики, тяжкий недуг, белое царство, ни единого звука. *(Пауза.)* Прислушайся-ка! *(Пауза.)* Закрой глаза и прислушайся, как ты думаешь, что это было? *(Пауза. Страстно.)* Капля! Капля! *(Звук капли быстро нарастающий и внезапно обрывающийся.)* Опять! *(Снова звук капли. Начинается нарастание.)* Нет! *(Звук обрывается. Пауза.)* Отец! *(Пауза. Возбужденно.)* Истории, истории, годы и годы историй, пока не пришла нужда, чтобы был рядом со мной кто-то, все равно кто, посторонний, чтобы поговорить, представить только, что он меня слышит, годы этого, потом, теперь, чтобы кто-то, кто... знал меня, в прежние дни, все равно кто, чтоб был рядом со мной, представить только, что он меня слышит, таким, каков я есмь, теперь. *(Пауза.)* Опять нехорошо. *(Пауза.)* Опять не то. *(Пауза.)* Попробуй-ка еще разок. *(Пауза.)* Белое царство, ни единого звука. *(Пауза.)* Холлоуэй *(Пауза.)* Холлоуэй говорит, что уйдет, черта с два он будет сидеть всю ночь перед остывшим камином, он не понимает, вызвать человека на улицу, старого друга, в холод и мрак, старый друг, неотложная помощь, захватить саквояж, и потом ни слова, никаких объяснений, ни тепла, ни света, Болтон: «Умоляю! УМОЛЯЮ!», Холлоуэй, ни угощения, ни привета, продрог до костей, искать смерти, он не понимает, странное обращение, старый друг, говорит, что уйдет, не двигается, ни единого звука, огонь гаснет, из окна бледный луч, жуткая сцена, честное слово, лучше бы он вообще не приходил, ничего хорошего, огонь погас, дикий холод, тяжкий недуг, белое царство, ни единого звука, ничего хорошего. *(Пауза.)* Ничего хорошего *(Пауза.)* Никак не выходит. *(Пауза.)* Прислушайся-ка! *(Пауза.)*

Отец! *(Пауза.)* Нынче бы ты меня не узнал, ты пожалел бы, что вообще родил меня, да ты уж тогда жалел, «недоделок» — это последнее, что я от тебя слышал, «недоделок». *(Пауза. Имитируя голос отца.)* «Ты идешь окунуться?» «Нет». «Идем-идем». «Нет». Свиристый взгляд, шаг к двери, поворот, взгляд. «Недоделок — вот ты кто, недоделок!» *(Резкий хлопок дверью. Пауза.)* Еще разок! *(Удар. Пауза.)* Вот так захлопнуть и жизнь! *(Пауза.)* Недоделок. *(Пауза.)* Как бы я желал, чтобы она так поступила. *(Пауза.)* Ты ведь никогда не встречал Аду, правда, я не помню, но неважно, теперь бы ее никто не узнал. *(Пауза.)* Как ты думаешь, что ее восстановило против меня, наверное, ребенок, мелкое от-вратительное существо, лучше бы его никогда у нас не было, случилось, я гулял с ней по луку. Боже, это было ужасно, она не отпускала моей руки, и я как безумец твердил: «Эдди, беги, погляди на ягнят». *(Имитируя голос Эдди.)* «Нет, дэдди». «Ступай, сейчас же ступай» *(Жалобно.)* «Нет, дэдди». *(Резко.)* «Ступай, тебе говорят, и погляди на ягнят!» *(Громкий вой Эдди. Пауза.)* И Ада тоже, с ней разговоры, это было что-то, сущий ад, приятная беседа под журчание Леты о добрых старых временах, когда нам и жить-то не хотелось. *(Пауза.)* Цены на маргарин пятидесятилетней давности. *(Пауза.)* А сейчас. *(Пауза. С мрачным негодованием.)* Цены на Блю-бэнд⁴⁴ сейчас! *(Пауза.)* Отец! *(Пауза.)* Устал говорить с тобой. *(Пауза.)* Так ведь всегда бывало, гуляю с тобой по горам и говорю и говорю и вдруг — молчок, и уничтоженный иду домой, и неделями ни одной живой душе ни слова, маленький утрюмый болван, уж лучше бы околеть, лучше бы околеть. *(Долгая пауза.)* Ада. *(Пауза. Громче.)* Ада!

АДА *(тихий далекий голос на протяжении всего действия):* Да.

ГЕНРИ: Ты давно здесь?

⁴⁴ Марка маргарина *(прим. перев.)*.

АДА: Не очень. *(Пауза.)* Почему ты замолчал, не обращай на меня внимания. *(Пауза.)* Хочешь, уйду? *(Пауза.)* Где Эдди?

Пауза.

ГЕНРИ: С учителем музыки. *(Пауза.)* Ты станешь сегодня мне отвечать?

АДА: Не сидел бы ты на холодных камнях, это тебе вредно. Приподымись-ка, я подстелю шаль. *(Пауза.)* Так лучше?

ГЕНРИ: И не сравнить, не сравнить. *(Пауза.)* Хочешь сесть рядом?

АДА: Да. *(Она беззвучно садится.)* Так? *(Пауза.)* Или лучше так? *(Пауза.)* Тебе все равно. *(Пауза.)* Кажется, довольно зябко, надеюсь, ты надел трикотажное белье? *(Пауза.)* Ты пододел трикотаж, Генри?

ГЕНРИ: Произошло вот что: я надел его, но потом снял, потом опять надел, потом опять снял, потом еще раз надел, потом —

АДА: А теперь оно на тебе?

ГЕНРИ: Не знаю. *(Пауза.)* Лошади! *(Пауза. Громче.)* Лошади! *(Стук копыт по дороге с твердым покрытием. Быстро умолкает.)* Опять!

Стук копыт как и в прошлый раз. Пауза.

АДА: Ты ее слышал?

ГЕНРИ: Так себе.

АДА: Мчалась галопом?

ГЕНРИ: Нет. *(Пауза.)* Может лошадь отстукивать время?

Пауза.

АДА: Не уверена, что вполне тебя поняла.

ГЕНРИ *(с раздражением).* Можно ли так выдрессировать лошадь, чтобы она стояла на месте и всеми четырьмя ногами отстукивала время?

АДА: О. *(Пауза.)* Если бы я за них взялась, у меня бы все отстукивали. *(Она смеется. Пауза.)* Смейся же, Генри, не каждый день я отпускаю шутки. *(Пауза.)* Смейся, Генри, сделай это ради меня.

ГЕНРИ: Тебе хочется, чтобы я рассмеялся?

АДА: Когда-то ты смеялся так задорно, это и привлекло меня к тебе поначалу. Это и твоя улыбка. *(Пауза.)* Давай же, как в доброе старое время.

Пауза. Он пытается смеяться, но безуспешно.

ГЕНРИ: Может, лучше начать с улыбки. *(Пауза для улыбки.)* Тебя привлекло это? *(Пауза.)* Сейчас попробую снова. *(Долгий ужасающий смех.)* Осталось ли что от прежнего задора.

АДА: О, Генри!

Пауза.

ГЕНРИ: Прислушайся! *(Пауза.)* Черт возьми! *(Пауза.)* Убраться отсюда подальше! Туда, где оно меня не достанет! В пампасы! Что?

АДА: Успокойся.

ГЕНРИ: А я живу на самом его берегу! Что за причина? Профессиональные обязательства? *(Короткий смех.)* Соображения здоровья? *(Короткий смех.)* Семейные узы? *(Короткий смех.)* Женщина? *(Смех, к которому присоединяется и она.)* Некий древний могильник, от которого я не могу оторваться? *(Пауза.)* Прислушайся! На что похоже?

АДА: Похоже на тот звук, что слыхивала я встарь. *(Пауза.)* Как будто опять на том же месте. *(Пауза.)* Оно бурлило, до нас долетали брызги *(Пауза.)* Странно, тогда оно бурлило. *(Пауза.)* А теперь молчит.

Пауза.

ГЕНРИ: Давай встанем и пойдем.

АДА: Пойдем? Куда? А Эдди? Он очень огорчится, если придет и увидит, что ты ушел без нее. *(Пауза.)* Как ты думаешь, почему она задерживается?

Сильный удар указкой по крышке рояля. Сбивчиво Эдди играет гамму ля бемоль мажор вверх и вниз, сперва обеими руками в одном направлении, потом в противоположном. Пауза.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ (с итальянским акцентом):
Santa Cecilia!

Пауза.

ЭДДИ: Можно мне теперь сыграть пьесу?

Пауза. Учитель музыки отстукивает указкой по крышке рояля два такта в ритме вальса. Эдди играет начальные такты 5-го вальса Шопена ля бемоль мажор. Во время ее игры учитель тихо отстукивает указкой ритм. В первом аккорде пятого такта аккомпанемента она играет вместо «фа» «ми». Оглушительный удар указкой по крышке рояля. Эдди останавливается.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ (яростно): Fa!

ЭДДИ (в слезах) Как?

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ (яростно) Eff! Eff!

ЭДДИ (в слезах). Где?

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ (яростно) Qua! (Он ударяет по клавише.) Fa!

Пауза. Эдди начинает заново, учитель музыки легонько постукивает указкой ей в такт. Дойдя до пятого такта, она совершает прежнюю ошибку. Неимоверный удар указкой по крышке рояля. Эдди кончает играть, начинает реветь.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ (в бешенстве) Eff! Eff! Eff! (*Молотит по клавише.*) Eff! (*Молотит по клавише.*) Eff!

Гром инструмента, крик «eff» и рев Эдди достигают пароксизма, внезапно обрываются. Пауза.

АДА: Ты сегодня молчалив.

ГЕНРИ: Мало было произвести ее на свет, так она должна еще играть на рояле.

АДА: Она должна учиться. Она будет учиться. Этому — и верховой езде.

Слышна идущая шагом лошадь.

ТРЕНЕР ПО ВЕРХОВОЙ ЕЗДЕ: Прекрасно, мисс! Локти внутрь, мисс! Кисти рук опустили, мисс! (*Лошадь переходит на рысь.*) Прекрасно, мисс! Спина прямая, мисс! Коленочки внутрь, мисс! (*Лошадь переходит на легкий галоп.*) Прекрасно, мисс! Животик подобрали, мисс! Подбородочек выше, мисс! (*Лошадь переходит на галоп.*) Прекрасно, мисс! Смотрим прямо, мисс! (*Эдди начинает реветь.*) Прекрасно, мисс! Прекрасно, мисс!

Лошадиный галоп, слова «прекрасно, мисс!» и рев Эдди достигают пароксизма, внезапно обрываются. Пауза.

АДА: Ты о чем задумался? (*Пауза.*) Меня ничему не учили, пока не стало слишком поздно. Всю жизнь я об этом жалела.

ГЕНРИ: Я забыл, в чем ты была сильна.

АДА: О... вроде бы в геометрии, плоскостей и тел. (*Пауза.*) Сперва плоскостей, потом тел. (*Шум гальки — он встает.*) Чего ты встаешь?

ГЕНРИ: Мне показалось, что я мог бы попытаться дойти до воды. (*Пауза. Со вздохом.*) И вернуться. (*Пауза.*) Размять старые свои кости.

Пауза.

АДА: Чего же ты не идешь? (*Пауза.*) Нечего стоять тут и раздумывать. (*Пауза.*) Нечего стоять тут и пляться. (*Пауза. Он идет к морю. Шум гальки под башмаками, скажем, шагов десять. Он останавливается у края воды. Пауза. Море делается чуть громче. С отдаления.*) Не замочи-ка хорошие башмаки.

Пауза.

ГЕНРИ: То не так, это не так...

Вдруг море делается бурным.

АДА (*голосом двенадцатилетней давности, умоляюще*): Нет! Нет!

ГЕНРИ (*таким же голосом, настойчиво*): Любимая!

АДА (*голос тот же, еще более трепетно*): Нет!

ГЕНРИ (*голос тот же, с ликованием*): Любимая!

113

Море штормит. Ада рыдает. Плач и море успокаиваются, обрываются. Воспоминаниям конец. Пауза. Море успокаивается. Он возвращается по весьма пологому берегу. Размеренный шум гальки под башмаками. Он останавливается. Пауза. Идет дальше. Останавливается. Море спокойно и едва слышно.

АДА: Нечего сидеть тут и зевать. Сядь (*Пауза. Шум гальки — он садится.*) На шаль. (*Пауза.*) Боишься, что мы можем соприкоснуться? (*Пауза.*) Генри.

ГЕНРИ: Да.

АДА: Тебе бы следовало повидаться с доктором на предмет твоих разговоров, стало хуже, каково от этого Эдди? (*Пауза.*) Знаешь, что она сказала мне однажды, когда была еще совсем малышкой? Мамми, почему дэдди все время разговаривает? Она услышала тебя из уборной. Я не знала, что и ответить.

ГЕНРИ: Дэдди! Эдди! *(Пауза.)* Ведь я же велел тебе говорить ей, что я молюсь. *(Пауза.)* Рычу, мол, молитвы Господу и его Святым.

АДА: Это очень вредно для ребенка *(Пауза.)* Глупо говорить, будто это помогает тебе не слышать его, это вовсе не помогает тебе не слышать его, а если даже и помогает, то ты все равно вряд ли его слышишь, у тебя, видно, что-то с головой не в порядке.

Пауза.

ГЕНРИ: Его! Я вряд ли слышу его!

АДА: Мне кажется, что ты его не слышишь. Ну а коль-таки слышишь, что ж тут плохого, тихий, нежный, чудесный, успокаивающий звук, почему ты его не переносишь? *(Пауза.)* А раз ты его не переносишь, почему не держишься от него подальше? Зачем всегда приходишь сюда? *(Пауза.)* Что-то у тебя не в порядке с головой, ты обязан повидать Холлоуэя, ведь он еще жив, а?

Пауза.

ГЕНРИ *(в исступлении):* Стук! Мне нужен стук! Вот такой! *(Он роемся в гальке, выхватывает два больших камня и начинает колотить их друг о друга.)* Камень! *(Удар.)* Камень! *(Удар. Крик «камень» и звук ударов нарастают, обрываются. Пауза. Он отбрасывает один камень. Звук его падения.)* Вот жизнь! *(Отбрасывает второй камень. Звук его падения.)* Не то что... *(пауза)* эта размазня!

АДА: Почему жизнь? *(Пауза.)* Почему жизнь, Генри? *(Пауза.)* Здесь кто-нибудь есть поблизости?

ГЕНРИ: Ни души.

АДА: И я так думала. *(Пауза.)* Когда мы жаждали уединения, всегда кто-то оказывался. Теперь, когда это потеряло всякий смысл, место обезлюдело.

ГЕНРИ: Да, ты всегда была чересчур целомудренна, не дай Бог, чтобы тебя увидели за вежливой бесе-

дой с мужчиной. Стоило появиться на горизонте перышку дыма, ты тут же оправляла платье и погружалась в «Манчестер Гардиан» *(Пауза.)* Яма-то по-прежнему там, после всех этих лет. *(Пауза. Громче.)* Яма по-прежнему там.

АДА: Какая яма? В земле полно ям.

ГЕНРИ: Та, где мы сделали это наконец в первый раз.

АДА: Ах, да, я, кажется, помню. *(Пауза.)* Место совсем не изменилось.

ГЕНРИ: Да нет, изменилось, мне это видно прекрасно. *(Доверительно.)* Происходит сглаживание! *(Пауза.)* Сколько теперь ей лет?

АДА: Я потеряла счет времени.

ГЕНРИ: Двенадцать? Тринадцать? *(Пауза.)* Четырнадцать?

АДА: Я правда не могу ничего тебе сказать, Генри.

ГЕНРИ: Много времени ушло у нас, чтобы обзавестись ею. *(Пауза.)* Мы бились над этим долгие годы. *(Пауза.)* Но в конце концов обзавелись. *(Пауза.)* Прислушайся-ка! *(Пауза.)* В него не так уж и плохо входить. *(Пауза.)* Наверное, мне нужно было поступить на торговый флот.

АДА: Знаешь, это ведь только на поверхности. На глубине тихо как в могиле. Ни единого звука. И день и ночь ни единого звука.

Пауза.

ГЕНРИ: Теперь я гуляю с граммофоном. Но сегодня я его забыл.

АДА: В этом нет никакого смысла. *(Пауза.)* Нет никакого смысла пытаться заглушить его *(Пауза.)* Сходи к Холлоуэю.

Пауза.

ГЕНРИ: Давай покатаемся на лодке.

АДА: На лодке? А как же Эдди? Она очень огорчится, если придет и увидит, что ты ушел кататься на лодке без нее. *(Пауза.)* С кем ты сейчас был? *(Пауза.)* До того как заговорил со мной.

ГЕНРИ: Пытался быть с отцом.

АДА: О. *(Пауза.)* Так это несложно.

ГЕНРИ: То есть я пытался заставить его побыть со мной. *(Пауза.)* Ты кажешься сегодня более грубой, чем обычно, Ада. *(Пауза.)* Я хотел узнать, встречается ли он с тобой, я не помню.

АДА: И что же?

ГЕНРИ: Он больше не отвечает.

АДА: Наверное, ты ему надоел. *(Пауза.)* Живого ты его изводил, теперь изводишь мертвого. *(Пауза.)* Придет время, с тобой вообще невозможно будет разговаривать. *(Пауза.)* Придет время, с тобой вообще никто не заговорит, даже совершенно незнакомые люди. *(Пауза.)* Ты будешь один на один со своим голосом, в мире не останется других голосов, только твой. *(Пауза.)* Ты меня слышишь?

Пауза.

ГЕНРИ: Не могу вспомнить, встречал ли он тебя.

АДА: Ты же знаешь, что встречал.

ГЕНРИ: Нет, Ада, не знаю, извини, почти все, что связано с тобой, я забыл.

АДА: Тебя тогда не было. Только твоя мать и сестра. Я зашла за тобой, как было условлено. Мы должны были вместе пойти купаться.

Пауза.

ГЕНРИ *(с раздражением):* Дальше, дальше! Почему люди всегда останавливаются посередине того, что они собираются рассказать?

АДА: Ни та, ни другая не знали, где ты. Кровать твоя была не смята. Они все кричали друг на дружку. Твоя сестра говорила, что бросится со скалы. Отец

твой встал и вышел, хлопнув дверью. Я тоже вскоре ушла и дорогой прошла мимо него. Меня он не видел. Он сидел на камне и смотрел в море. Никогда не забуду его позу. Хотя она была обычна. Иногда и ты так сидишь. Наверное, просто неподвижность, словно он обратился в камень. Не могу решить.

Пауза.

ГЕНРИ: Дальше, дальше! (*Умоляюще.*) Продолжай, Ада, каждый слог это выигранная секунда.

АДА: Боюсь, это все. (*Пауза.*) Теперь можешь заниматься отцом, историями, не обращай на меня больше внимания.

ГЕНРИ: Не могу! (*Пауза.*) Не могу больше этим заниматься!

АДА: Минуту назад, до того как заговорил со мной, мог.

ГЕНРИ (*гневно*): А теперь больше не могу! (*Пауза.*) Боже!

Пауза.

АДА: Да, ты знаешь, что я имею в виду, существуют позы, которые откладываются в сознании по вполне понятным причинам, к примеру, посадка головы, опущенной, когда, кажется, она должна быть поднятой, и наоборот, или висящая в воздухе рука, точно не своя. Такого рода вещи. Но с твоим отцом, сидящим на камне, ничего подобного не было, ни одной детали, на которую можно было бы указать пальцем и сказать: На удивление необычно! Нет, я никогда не могла понять. Наверное, как я сказала, просто совершенная неподвижность всего тела, точно и дыхание оставило его. (*Пауза.*) Тебе помогает вся эта ерунда, Генри? (*Пауза.*) Если хочешь, я могу попытаться продолжить рассказ еще немного. (*Пауза.*) Не надо? (*Пауза.*) Тогда я, наверное, буду собираться.

ГЕНРИ: Погоди! Тебе не нужно говорить. Просто слушай. Даже нет. Побудь со мной. *(Пауза.)* Ада! *(Пауза. Громче.)* Ада! *(Пауза.)* Боже! *(Пауза.)* Лошадь! *(Пауза. Громче.)* Лошадь! *(Пауза.)* Боже! *(Долгая пауза.)* Вскоре ушла, дорогой прошла мимо тебя, ее не видел, смотрел в море... *(Пауза.)* Не мог ты смотреть в море. *(Пауза.)* Разве что подошел с другой стороны *(Пауза.)* Ты обходил скалу? *(Пауза.)* Отец! *(Пауза.)* Должно быть, обошел. *(Пауза.)* Стоит, мгновение наблюдая за тобой, затем спускается по тропинке к трамваю, взбирается на открытый империал и садится спереди. *(Пауза.)* Садится спереди. *(Пауза.)* Вдруг ощущает тревогу и снова спускается. Кондуктор: «Передумали, мисс?», возвращается по тропинке, тебя и след простыл. *(Пауза.)* Очень грустная и в тревоге, бродит окрест, вокруг ни души, студёный ветер, дующий с моря, спускается по тропинке и садится на трамвай в сторону дома. *(Пауза.)* Садится на трамвай в сторону дома. *(Пауза.)* Боже! *(Пауза.)* «Мой дорогой Болтон...» *(Пауза.)* «Если только инъекция вам нужна, Болтон, спускайте брюки, я сделаю ее, в девять у меня пангистеректония», речь, конечно, идет об анестезирующем средстве. *(Пауза.)* Огонь потух, дикий холод, белое царство, тяжкий недуг, ни единого звука. *(Пауза.)* Болтон начинает играть занавеской, нет, второй, трудно описать, отдергивает ее, нет, скорее оттягивает к себе, и внутрь вливается луна, затем отпускает ее, тяжелая бархатная штукавина, в комнате темно, хоть глаз выколи, потом снова оттягивает, светло, темно, светло, темно, Холлоуэй: «Ради бога, Болтон, прекратите, вы хотите меня прикончить?» *(Пауза.)* Бело, темно, бело, темно, дьявольская штука. *(Пауза.)* Потом он внезапно чиркает спичкой, Болтон, зажигает свечу, поднимает ее над головой, подходит и смотрит Холлоуэю прямо в глаза. *(Пауза.)* Ни единого слова, только взгляд, старые голубые глаза, очень тусклые, истончившиеся веки, ресниц уже нет, весь в слезах, и свеча колеблется над его головой. *(Пауза.)* Слезы? *(Пауза. Долгий смех.)* Слава Богу, нет! *(Пауза.)* Ни единого сло-

ва, только взгляд, старые голубые глаза, Холлоуэй: «Если вам нужен укол, так и скажите, и позвольте мне убраться ко всем чертям» *(Пауза.)* «Все это у нас уже было, Болтон, не просите меня испытывать это заново». *(Пауза.)* Болтон: «Умоляю!» *(Пауза.)* «Умоляю!» *(Пауза.)* «Умоляю, Холлоуэй!» *(Пауза.)* Свеча, колеблющаяся и оплывающая повсеместно, теперь опустилась, приоткрылась старая рука, перехватывает в другую руку и снова держит ее высоко, да-да, так было всегда, ночь, и головешки остыли, и огонек, мерцающий в дряхлом кулаке, со словами, Умоляю! Умоляю! *(Пауза.)* Мольба. *(Пауза.)* Нищего. *(Пауза.)* Ада! *(Пауза.)* Отец! *(Пауза.)* Боже! *(Пауза.)* Снова приподнимает ее, ничтожный мир, определяет местонахождение Холлоуэя, глаза опущены, больше просить не станет, только взгляд, Холлоуэй закрывает лицо, ни единого звука, белое царство, дикий холод, жуткая сцена, старые люди, тяжкий недуг, ничего хорошего. *(Пауза.)* Ничего хорошего. *(Пауза.)* Боже! *(Пауза.)* *Шум гальки — он встает. Идет в сторону моря. Шум гальки под башмаками. Он останавливается. У самой воды. Пауза. Море делается чуть громче.)* Маленькая книжечка. *(Пауза.)* Сегодня вечером... *(Пауза.)* Сегодня вечером ничего. *(Пауза.)* Завтра... завтра... в девять водопроводчик, потом ничего. *(Пауза. Озадаченно.)* В девять водопроводчик? *(Пауза.)* Ах, да, течет. *(Пауза.)* Снова. *(Пауза.)* Суббота... ничего. Воскресенье... воскресенье... весь день ничего. *(Пауза.)* Ничего, весь день ничего. *(Пауза.)* Ничего, весь день и всю ночь. *(Пауза.)* Ни единого звука.

Слышен шум моря

к о н е ц

СЭМЮЭЛЬ БЕККЕТ КАК ЛЕКАРСТВО ОТ ЖИЗНИ⁴⁵

ИНТЕРВЬЮ С ВАЛЕРИЕМ МОЛОТОМ

Александр Генис: Подводя итоги театрального лета Нью-Йорка, можно твердо сказать, что гвоздем гастрольного сезона стал — уже в который раз — Беккет. На этот раз в интерпретации хорошо знакомого нью-йоркцам дублинского театра «Гэйт», который специализируется на драматургии Беккета. Однажды они привезли спектакли по всем без исключения пьесам великого ирландца. На меня эти представления произвели неизгладимое — думаю, на всю жизнь — впечатление. Но этим летом режиссер Колм О. Брайан показал Нью-Йорку моноспектакль «Я продолжаю», созданный для актера Барри Мак-Говерна по выдержкам из трех знаменитых романов Беккета.

Русские читатели знают эту трилогию — «Моллой», «Мэлон умирает», «Безымянный» — в переводе сегоднешнего гостя «Американского часа» Валерия Молота. Хотя Молот живет в Нью-Йорке уже треть века, я познакомился с Валерием совсем недавно, но кажется, что знаю его очень давно. Дело в том, что я годами изучал его перевод, сравнивал — страница за страницей — с оригиналом, спорил и соглашался с переводчиком, но всегда был преисполнен к нему благодарностью. И вот теперь Валерий Молот сидит в нашей студии и обещает ответить на мои вопросы. Давайте начнем с самого начала. Как вы пришли к Беккету?

⁴⁵ Радио «Свобода», 01.09.2008.

Валерий Молот: В 1963 году я поступил в Ленинградский университет и, параллельно с этим уча английский язык, наткнулся в книге Бояджиева, театроведа, который был в Нью-Йорке и смотрел пьесу Беккета «Последняя лента Крэппа», на содержание этой пьесы. Я пошел в Публичную библиотеку, взял эту книгу, переписал ее своим почерком в тетрадку, и потом я ее стал переводить. Это было одновременно и упражнение в английском языке, и мое первое прикосновение к слову, которое мне показалось похожим на мое, поскольку я уже с 21 года тоже пишу тексты, напоминающие по радости безысходности...

А. Г.: Хорошая формула для Беккета!

В. М.: У него один из романов начинается так: «Скоро, вопреки всему, я умру наконец совсем».

А. Г.: Вы стали переводить сначала прозу или драму?

В. М.: Сначала это была «Лента Крэппа», одноактная пьеса.

А. Г.: Где впервые человек разговаривает с магнитофоном.

В. М.: Я этого еще не знал. Я, правда, был в свое время участником театральной жизни, в Союзе у меня были знакомые театроведы и студенты Театрального института. Я даже помню, что в Театре Ленинского комсомола мы вели семинар, читали тексты и вели на эту тему разговоры с будущими критиками и актерами. Это такая молодежная секция. И вот Беккет — это было первое. И через два-три года я случайно наткнулся на книжку «Моллой», первую часть трилогии. Я ее перевел для себя, потом я перевел вторую часть — «Мэлон умирает», потом я перевел книжку «Безымянный», и перед самым отъездом из Советского Союза, где-то к середине 70-х, я наткнулся на книжку под названием «Как есть». Я ее перевел с английского языка, как мог. Для первых трех романов мне языка хватало, поскольку, во-первых, я все время сверялся с педагогами Университета, какие-то словари доставал, были американцы приезжающие. А вот «Как есть» — книж-

ка безумно сложная, поскольку она не имеет ни одного знака препинания, ни одной точки, ни одного смыслового разбега, начала и конца. Я просто был заморожен этой книжкой. Я ее перевел и оставил. И вот прошло много лет, и буквально месяца 4 тому назад я открыл ту книжку, которую я когда-то переводил, понял, что язык знаю на 30 лет лучше, и я понял, что мне не хватает понимания, поскольку по-английски можно безумно загадочно писать, как по-русски «казнить нельзя помиловать». Я достал эту книжку на французском языке. Кстати, он написал сначала по-французски. После этого я уже сверялся с английским, поскольку все упало на место. Понимаете, для тех, кто знает английский язык, например, написано слово «read», и непонятно, без подлежащего, что это: «читай», «прочитал», «прочитано»... А по-французски этого быть не может, по-немецки — тем более. В 64-м году он ее перевел сам на английский. Это был третий вариант. И совсем недавно я достал ее на испанском. Это уже вариант неавторизованный. Это оказалось самое простое изложение Беккета, и мне для перевода на русский язык это пригодились больше всего. Это все равно, как «я помню чудное мгновенье» перевести как «однажды я тебя увидел».

А. Г.: А в чем разница, что отличает английского Беккета от французского? Я помню, что сам Беккет сказал, что по-английски слишком поэтично выходит. Вот вы переводили с французского и с английского Беккета. В чем разница между двумя этими писателями?

В. М.: У него, например блестящая есть фраза, когда человек пребывает в кошмаре, и он говорит, что приходят мысли, которые «держатся на кончиках пальцев тех людей, которые любят посмеяться». По-английски написано «которые смеются слишком быстро». Для меня это загадка. У французов написано «которые смеются по пятницам». Я позвонил французам, спросил, что значит «смеяться по пятницам». Он говорит: «Ну как, пятница у нас день, который не предпо-

лагает неуправляемого веселья, он такой торжественный день». А у немцев по-третьему сказано — «невыпадение», «не вовремя», «как дурак на похоронах».

Я прочел много отдельных замечаний Беккета. В первых, он был исключительно добрый человек. То есть у него любовь к человеку доходила до крика отчаяния, что я тебе не могу помочь и всем в отдельности. И однажды у меня брали интервью и спросили, как бы я оценил Беккета, и я сказал, что это лекарство от жизни. Поскольку жизнь все равно скорбная, она может быть счастливая, но, в итоге, она кончается. И Беккет постоянно чувствовал вот эту эфемерность. И мне кажется, что по-французски тексты его яснее, понятнее, он не так разбегался. Он бы мог найти в английском не сомнительные построения предложений. Я сейчас хочу их напечатать в России, я хочу сейчас связаться с реал эстейтом Беккета, по поводу прав на эту книгу.

А. Г.: Какова судьба ваших переводов в России?

В. М.: Я перевел Беккета и Роб-Грийе, которые были опубликованы в России. Беккета были опубликованы вот эта трилогия и диалогия, «Амфора» издала. Я перевел Роб-Грийе «Дом свиданий». Это удивительно красивая вещь. После этого я уехал в США, в 1979 году, жил другой жизнью. И вот когда я в прошлом году опубликовал в России свою книжку, потому что я писал 40 лет тексты, и вдруг у меня осталась уйма времени, и я чувствую, что я хочу почистить мои переводы. Я в Союзе много переводил. Я Мрожека переводил, Кортасара, Грабала переводил, перевел пьесу с чешского «Младенец и 40 разбойников» словака Онджея Данеки. Кончилось тем, что я уже за последние полтора года собрал свои все тексты. И еще недавно я перевел Стриндберга «Исторические миниатюры». Я переводил их с немецкого, одобренного Стриндбергом издания.

А. Г.: Валерий, ваш личный опыт перевода. Много лет вы занимаетесь этим делом. На кого из русских писателей Беккет хотя бы отдаленно походит?

В. М.: Мне кажется, такого отношения нет смиренного к жизни, не поучительного. Он иронизирует над возможностью выразить словами невыразимое. Он как бы шел на одиночество, которое, по-моему, греет гораздо больше. Когда человеку плохо, можно его отпугнуть, сказав: ты посмотри на хорошую сторону жизни. А Беккет понимал, когда человеку плохо, что это не страшно. Во-первых, так должно быть, во-вторых, ты не один.

А. Г.: Это моя любимая фраза из Беккета:

«— Я так больше не могу.

— Это ты так думаешь».

Еще одна моя любимая фраза из Беккета: «Я чувствовал себя, как больной раком в приемной у дантиста». Вот это страшный черный юмор, который вызывает веселье в зале. Я много раз смотрел беккетовские спектакли, и всегда смешно. Он действительно обладает потрясающим чувством юмора, потрясающим чувствам трагизма. Я не могу представить себе, кто еще в литературе мог такое сделать.

В. М.: Мне кажется, он не созвучен нормальному русскому писателю. Нормальный русский писатель сразу ищет аудиторию, а он — человек, который это перешел. У него, например, описан в его биографии такой эпизод. Беккет был изгнан из семьи пуританкой мамой, которая нашла на полях его манускриптов студенческого времени силуэт женщины. Этого не должно было быть в ее доме. И Беккет тогда уехал в Париж, жил своей жизнью, а потом он вернулся, было примирение. Одним из его самых больших удовольствий в жизни были прогулки с папой, пешие прогулки. Эта тема у него возникает все время. Восторг общаться с тенью и со своим прошлым. Это тень отца, который рядом, только не по Гамлету, вышагивает с ним, и он когда-то вышагивал, а сейчас вышагивает не меньше, только мысленно. И вот он вернулся, произошло примирение с мамой. Папа собрался погулять. А у папы проблемы с сердцем, постельный режим. И вот суббота или воскресенье, пришел врач, дал папе добро идти

гулять. Дом суетится, папа надел свою лучшую походную амуницию — специальные ботинки на толстой подошве, какую-то кацавейку. Беккет уже собрался идти, и в это время папа упал в последний раз и умер через некоторое время. Но успел сказать: «Ну и утречко! Вся эта суета кончается избавлением — никто больше меня не будет лечить».

А. Г.: Ваш любимый текст Беккета?

В. М.: Который я сейчас перевожу. Это книга в 150 страниц «How it is». Я ее постоянно пытаюсь проверить: написал с вечера — прочитай себя утром, потом неожиданно открой. Я просто открываю любые страницы и проверяю — то против немецкого, то против французского, то против испанского легкого или английского. Это его родной язык. Он под себя и выбрал французский язык. Я учился на английском отделении, и у нас была такая тема, что в XVII—XVIII веке все британские парламентские тексты переводились сначала на французский язык, чтобы увидеть, ничего ли не опущено.

А. Г.: Я слышал от одного английского дипломата, чрезвычайно образованного человека, который сказал мне, что он читает Шекспира по-немецки, потому что, наконец, можно понять, что он хотел сказать.

В. М.: Прекрасная фраза. Моя мечта — передать его адекватно. Есть книжка, которую я хочу купить. Она стоит 900 долларов. Французы ее издали. Там есть на двух языках тексты, где французский и английский они сравнивают, и профессора годами изучают, почему он так построил фразу или так. Действительно, сначала было слово. А я бы еще сказал, что и потом было слово, и слово есть всегда, и слово есть оно.

а р х и в

ПЕРЕПИСКА С ЮЛИЕЙ КИСИНОЙ

18.01.2020

Здравствуйте, Вадим.

Вот высылаю вам шесть рассказов для журнала с просьбой выбрать из них три или четыре, которые вам больше понравятся. А потом соберу книжку рассказов.

Всего доброго и привет из Берлина,
Юля Кисина

25.01.2020

Выбрали четыре рассказа:

Проклятие японского императора

Красота без амбиций

Шизофрения и дао

Золотые ворота

Как назвать этот квартет?

27.01.2020

Это рассказы из книги «Призраки живых»

27.01.2020

Тогда так и назовем подборку. Номер запланирован на апрель.

27.01.2020

Хорошо. Спасибо за информацию. Будем ждать с нетерпением. Всего хорошего,
Юля

24.04.2020

Вышел номер «Опустошителя» с вашими рассказами.

Как вам передать экземпляр? Отправить куда-то?

24.04.2020

Спасибо. Да, было бы здорово отправить по почте в Берлин.

Пришлите мне, пожалуйста, экземпляров десять, чтобы я могла раздать их в университеты. Когда будете посылать, ни в коем случае не указывайте стоимость посылки больше 10-15 евро, иначе просто или не дойдет, или таможня решит, что это что-то стратегически важное.

Большое спасибо.

Юля К.

21.07.2020

Здравствуйте, Юлия.

На сайте Почты России говорится, что посылка вам «подготовлена к отправке из России». Этот статус не меняется с 6 мая. Я так понимаю, вы посылку не получили?

21.07.2020

Большое спасибо. Я все получила. Я просто была в бесконечных разъездах. Спасибо еще раз.

21.07.2020

Прекрасно, а мы уж подумали, что экземпляры журнала приняли за долгожданную вакцину от всех болезней и переправили в ведущие лаборатории.

30.07.2020

Вообще-то, если честно, я была вне себя от Проханова. Если бы он был где-то поблизости, я бы оторвала ему его седые яйца. И была в шоке оттого, что вы не побрезговали такую хуйню напечатать. И так далее...

30.07.2020

Уверен, вы не раз сталкивались с подобной оценкой и ваших работ, и работ авторов, которыми вы интересуетесь. В любом случае, мы задумывали журнал «Опустошитель» как неожиданный, и уже в силу этого он не всегда будет радовать читателей.

30.07.2020

Я нарушала нормы и буду их нарушать, но это не является моей целью. Это — побочка. Зато антисемитизм, который стал смыслом чьей-то короткой жизни — это то, за что я однозначно посылаю на хуй. В лучшем случае. Члены моей семьи достаточно от этого пострадали. В том числе, были убиты в Бабьем Яру выстрелами в затылок. Моим родителям пришлось уехать в ебенья, чтобы получить образование, а я не проходила ни в один ВУЗ, потому что в совке были квоты на евреев. Мне есть, что об этом рассказать, и читать сиплые потуги незрелого старого мудака, на которого я никогда не обращала внимания, противно. Да и не мне одной. И я не могу себе представить, писать, говорить или даже думать мерзости о русских, татарах, немцах как таковых и т.д. А провокация ради одной провокации — это неизлечимая глупость. Так что вы теряете электорат. Во всяком случае, меня вы уж точно потеряли.

30.07.2020

Если вы считаете, что заметка Проханова, нами опубликованная, о евреях, разубеждать вас не буду. Но если вы так болезненно воспринимаете этот вопрос, то могли обратить внимание еще раньше на того же Селина, которого мы тоже публикуем, причем в большем объеме.

30.07.2020

Селин, который в отличие от дурака проханова был писателем, жил в другую эпоху. Сейчас это еще и ко всему вопрос вкуса.

['intevju:]

СТЭНЛИ КУБРИК: ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ PLAYBOY⁴⁶

На протяжении всей своей 17-летней карьеры в качестве кинорежиссера Стэнли Кубрик посвятил себя расширению границ кино в новые и часто спорные области — несмотря на проблемы с кассовыми сборами и цензурные баталии, которые неизменно влекут за собой такое обязательство. Никогда не следуя безопасной, хорошо проторенной дорогой к голливудскому успеху, он последовательно шел своим путем, разрушая условности и предрассудки кино на своем пути. Во многих отношениях его последний фильм, эпическая «Космическая одиссея 2001 года» является метафорой самого Кубрика. Технически безупречная постановка, на создание которой ушло три года и 10,5 миллионов долларов, «2001 год» мог бы стать просто суперспектаклем экзотических гаджетов и роскошных спецэффектов. Но в сотрудничестве с Артуром Кларком, астрофизиком и старейшиной писателей-фантастов, Кубрик поднял научно-фантастическое приключение до уровня аллегории, создав ошеломляющую и тревожную метафизическую спекуляцию о судьбе человека, которая вызвала большой критический спор и стала темой коктейльных вечеринок по всей стране. Бескомпромиссный фильм «2001 год» возлагает на зрителей тяжелую интеллектуальную нагрузку, заставляя каждого самостоятельно разгадывать его более глубокий смысл и значение. Его сообщение передается не через сюжет или стандартный описательный диалог, а

⁴⁶ 1968 год. Фрагменты.

через метафизические намеки и визуальные символы, которые требуют конфронтации и интерпретации.

Критическая реакция на «2001 год» была яростно разделена между теми, кто объявил его либо безоговорочным шедевром, либо абсолютной катастрофой. «Технически и с точки зрения воображения, — писала Пенелопа Джиллиатт из *The New Yorker*, — это ошеломляет». *Washington Evening Star* назвала его «великолепным, волнующим и захватывающим зрелищем», а Кью заметил, что оно «ослепляет глаза и терзает разум». Но другие рецензенты согласились с кинокритиком из *Women's Wear Daily*, который назвал его «не худшим фильмом, который я когда-либо видел, просто самым скучным», и с Джоном Саймоном из *The New Leader*, который высокомерно отклонил эпос как «своего рода космический Спартак и, что еще более претенциозно, лохматую историю о Боге». Но Эндрю Каррис из *The Village Voice* был самым страстным из всех критиков в своем осуждении: «Это антигуманно, антинаучно и антипрогрессивно... совершенно бесполо, бездушно: погребальная песнь по будущему».

Стремительная карьера Кубрика, запущенная на еще более высокую орбиту его амбициозной «Космической одиссеей», сделала его почти легендой в Голливуде, где он завоевал преданное восхищение своих коллег и уважение коллег-режиссеров и актеров; немалый подвиг в Голливуде. Марлон Брандо, который работал с Кубриком (хотя и не всегда гармонично), сообщает: «Стэнли необычайно проницателен и тонко настроен на людей. У него ловкий интеллект, он творческий мыслитель, а не повторяющийся, не собиратель фактов. Он усваивает то, что узнает, и привносит в новый проект оригинальную точку зрения и сдержанную страсть». Кирк Дуглас более прямолинеен: «Успех не может повредить этому парню. Стэнли всегда знал, что он хорош».

Чтобы узнать, что сделало Кубрика таким уважаемым — и противоречивым — режиссером, и чтобы проникнуть как в его собственные сложности, так и в

сложности «2001 года», Playboy взял интервью у Кубрика в его элегантном особняке за пределами Лондона, в нескольких минутах езды от студии MGM в Борхэм-Вуд, где он работает над своим последним фильмом — биографией Наполеона. Интервьюер Эрик Норден нашел Кубрика — «стройного, расслабленного мужчину с редкими волосами, темной бородой и пронзительным взглядом» — развалившимся в кресле на просторном газоне с видом на его элегантно ухоженные сады. «Когда Кубрик перекинул один потертый ботинок через мятую штанину», — пишет Норден, — «я начал с того, что попросил его расшифровать метафизическое послание «2001 года». Хотя его ответ был загадочно уклончивым, Кубрик был гораздо более многословен о своей космической одиссее и судьбе, которую она предсказывает человеческой расе, чем о себе как о человеке или кинорежиссере. Возможно, он считает, что его личная жизнь слишком скучна, чтобы о ней говорить, или, возможно, слишком интересна, или просто никого, кроме него самого, не касается. Но я думаю, что более вероятно, что он один из тех редких людей, чья забота о себе множественна и безлична, для которых настоящее менее реально, чем возможное, которые живут не столько в мире осязаемой реальности, сколько в неизведанной стране разума». Но не совсем неизведанной, мог бы добавить Норден, поскольку многие из творческих экстраполяций Кубрика основаны на теориях и формулировках, с которыми поклонники научной фантастики хорошо знакомы. Прогнозы Кубрика выходят за рамки большинства традиционных научно-фантастических предположений благодаря его сосредоточенности не на внешних механистических аспектах, а на философских последствиях будущего человека.

PLAYBOY: Большая часть споров вокруг «2001» касается смысла метафизических символов, которыми изобилует фильм, — полированные черные монолиты, орбитальное соединение Земли, Луны и Солнца на ка-

ждом этапе вмешательства монолитов в судьбу человека, ошеломляющий финальный калейдоскопический водоворот времени и пространства, который поглощает выжившего астронавта и подготавливает сцену для его возрождения в качестве «звездного ребенка», дрейфующего к Земле в полупрозрачной плаценте. Один критик даже назвал «2001» «первым ницшеанским фильмом», утверждая, что его основная тема — концепция Ницше об эволюции человека от обезьяны к человеку и сверхчеловеку. В чем заключалось метафизическое послание «2001»?

СТЭНЛИ КУБРИК: Это не то послание, которое я когда-либо намеревался передать словами. «2001» — это невербальный опыт; из двух часов и 19 минут фильма диалоги занимают всего лишь чуть меньше 40 минут. Я пытался создать визуальный опыт, который обходит вербализованные ярлыки и напрямую проникает в подсознание с эмоциональным и философским содержанием. Если перефразировать Маклюэна, в «2001 году» сообщение — это средство. Я хотел, чтобы фильм стал чрезвычайно субъективным опытом, который достигает зрителя на внутреннем уровне сознания, как это делает музыка; «объяснить» симфонию Бетховена означало бы выхолостить ее, воздвигнув искусственный барьер между пониманием и оценкой. Вы можете рассуждать сколько угодно о философском и аллегорическом смысле фильма — и такие рассуждения являются одним из показателей того, что фильму удалось захватить аудиторию на глубоком уровне — но я не хочу излагать словесную дорожную карту на «2001 год», которую каждый зритель будет чувствовать себя обязанным выполнить, иначе он будет бояться, что упустил суть. Я думаю, что если «2001 год» вообще будет успешным, то это будет в достижении широкого круга людей, которые не часто задумываются о судьбе человека, его роли в космосе и его связи с высшими формами жизни. Но даже в случае с человеком, который очень умен, некоторые идеи, найденные в «2001 году», если их представить как абстракции, упадут до-

вольно безжизненно и будут автоматически отнесены к стандартным интеллектуальным категориям; однако, переживаемые в движущемся визуальном и эмоциональном контексте, они могут резонировать в самых глубоких фибрах человеческого существа.

PLAYBOY: Не выкладывая философскую дорожную карту для зрителя, можете ли вы рассказать нам о своей собственной интерпретации смысла фильма?

СТЭНЛИ КУБРИК: Нет, по причинам, которые я уже назвал. Насколько мы бы ценили «Джоконду» сегодня, если бы Леонардо написал внизу холста: «Эта дама слегка улыбается, потому что у нее гнилые зубы» — или «потому что она скрывает секрет от своего возлюбленного»? Это бы отключило зрительское восприятие и приковало бы его к «реальности», отличной от его собственной. Я не хочу, чтобы это произошло с «2001».

PLAYBOY: Некоторые известные критики, включая Ренату Адлер из The New York Times, Джона Саймона из The New Leader. Джудит Крист из New York Interviews и Эндрю Карриса из The Village Voice, по видимому, считали, что «2001» должен быть среди тех фильмов, которые все еще исключены из категории искусства; все четверо критиковали его как скучный, претенциозный и слишком длинный. Как вы объясните их враждебность?

СТЭНЛИ КУБРИК: Все четыре критика, которых вы упомянули, работают в нью-йоркских изданиях. Обзоры по всей Америке и по всему миру на 95 процентов были восторженными. Некоторые были более проникательными, чем другие, конечно, но даже те, кто хвалил фильм на относительно поверхностных основаниях, смогли уловить часть его послания. Нью-Йорк был единственным действительно враждебным городом. Возможно, есть определенный элемент люмпен-литераторов, который настолько догматически атеистичен, материалистичен и привязан к Земле, что считает величие космоса и бесчисленные тайны космического разума проклятием. Но кинокритики, к счастью, редко оказывают какое-либо влияние на ши-

рокую публику; кинотеатры везде переполнены, и фильм уверенно движется к тому, чтобы стать самым прибыльным фильмом в истории MGM. Возможно, это звучит как грубый способ оценки чьей-то работы, но я думаю, что, особенно с фильмом, который так очевидно отличается, рекордная посещаемость зрителей означает, что люди говорят друг другу правильные вещи после того, как посмотрят его, — и разве не в этом на самом деле все дело?

PLAYBOY: Говоря о сути фильма, если вы позволите нам вернуться к философской интерпретации «2001 года», согласитесь ли вы с теми критиками, которые называют его глубоко религиозным фильмом?

СТЭНЛИ КУБРИК: Я скажу, что в основе «2001 года» лежит концепция Бога, но не какой-либо традиционный, антропоморфный образ Бога. Я не верю ни в одну из монотеистических религий Земли, но я верю, что можно сконструировать интригующее научное определение Бога, как только вы примете тот факт, что в одной только нашей галактике приблизительно 100 миллиардов звезд, что каждая звезда является дающим жизнь солнцем и что только в видимой вселенной приблизительно 100 миллиардов галактик. Если учесть планету на стабильной орбите, не слишком горячую и не слишком холодную, и если учесть несколько миллиардов лет случайных химических реакций, созданных взаимодействием энергии солнца с химическими веществами планеты, то вполне вероятно, что жизнь в той или иной форме в конечном итоге возникнет. Разумно предположить, что на самом деле их должно быть бесчисленное множество миллиардов таких планет, где возникла биологическая жизнь, и шансы на то, что некоторая часть такой жизни разовьет разум, высоки. Солнце ни в коем случае не является старой звездой, а его планеты — всего лишь дети в космическом возрасте, поэтому кажется вероятным, что во вселенной есть миллиарды планет не только там, где разумная жизнь находится на более низком уровне, чем человек, но и миллиарды других, где она пример-

но равна, и еще другие, где она опережает нас на сотни тысяч миллионов лет. Когда вы думаете о гигантских технологических шагах, которые человек сделал за несколько тысячелетий — менее чем микросекунда в хронологии вселенной — можете ли вы представить себе эволюционное развитие, которое прошли гораздо более древние формы жизни? Они могли бы прогрессировать от биологических видов, которые являются хрупкими оболочками для разума в лучшем случае, до бессмертных машинных существ — и затем, за бесчисленные эпохи, они могли бы выйти из куколки материи, преобразованной в существа чистой энергии и духа. Их потенциальные возможности были бы безграничны, а их интеллект непостижим для людей.

PLAYBOY: В этой космической филогении, которую вы описали, разве не возможно, что могут существовать формы разумной жизни даже более высокого масштаба, чем эти существа чистой энергии — возможно, столь же далекие от них, как они от нас?

СТЭНЛИ КУБРИК: Конечно, могут быть; в бесконечной, вечной вселенной, суть в том, что все возможно, и маловероятно, что мы можем даже начать царапать поверхность полного спектра возможностей. Но в то время, когда астронавты готовятся ступить на Луну, я думаю, что необходимо открыть наши земные умы для таких предположений. Никто не знает, что ждет нас во Вселенной. Я думаю, что это был известный астроном, который недавно написал: «Иногда я думаю, что мы одиноки, а иногда я думаю, что мы не одиноки. В любом случае, обе идеи довольно ошеломляющие».

PLAYBOY: Какое влияние, по вашему мнению, окажут такие драматические научные прорывы на образ жизни общества на рубеже веков?

СТЭНЛИ КУБРИК: Это почти невозможно сказать. Кто мог предсказать в 1900 году, какой будет жизнь в 1968 году? Технологии во многих отношениях более предсказуемы, чем человеческое поведение. Политика и мировые события меняются так быстро, что трудно

предсказать будущее социальных институтов даже на 10 лет с некоторой точностью. К 2001 году мы могли бы жить в раю Ганди, где все люди — братья, или в неофашистской диктатуре, или просто кое-как прозябать в том же духе, что и сегодня. Однако по мере развития технологий нет никаких сомнений в том, что вся концепция досуга будет как количественно, так и качественно улучшена.

PLAYBOY: А как насчет сферы развлечений?

СТЭНЛИ КУБРИК: Я уверен, что у нас будет сложное 3D голографическое телевидение и фильмы, и возможно, что будут разработаны совершенно новые формы развлечений и образования. У вас может быть машина, которая подключается к мозгу и вводит вас в яркий сон, в котором вы являетесь главным героем романа или приключения. На более серьезном уровне подобная машина могла бы напрямую программировать вас знаниями; таким образом, вы могли бы, например, легко выучить беглый немецкий язык за 20 минут. В настоящее время процессы обучения настолько трудоемки и требуют много времени, что действительно необходим прорыв.

С другой стороны, в такого рода вещах есть некоторые риски; я знаю, что в Йельском университете они занимались экспериментами, в которых центр удовольствия мозга мыши был локализован и стимулирован электродами; в результате мышь испытывала восьмичасовой оргазм. Если бы удовольствие такой интенсивности было доступно всем нам, мы вполне могли бы стать расой чувственно тупых зомби, подключенных к стимуляторам удовольствия, пока машины выполняют нашу работу, а наши тела и умы атрофируются. У нас также могла бы быть та же проблема с психоделическими препаратами; они дают многообещающие возможности высвобождения восприятия, но они также несут в себе соразмерную опасность вызывать отстранение от жизни в полностью направленный внутрь мир Сомы. В настоящее время идеальных препаратов не существует; но я верю, что к 2001 году

мы изобретем химические вещества без неблагоприятных физических, умственных или генетических последствий, которые могут дать крылья разуму и расширить восприятие за пределы его нынешних эволюционных возможностей.

На самом деле, до сих пор восприятие на глубинном уровне, с эволюционной точки зрения, было пагубным для выживания; если бы первобытный человек довольствовался тем, что сидел на уступе у своей пещеры, поглощенный прекрасным закатом или сложной конфигурацией облаков, он, возможно, никогда не истребил бы свой конкурирующий вид, но и не достиг бы господства над планетой. Теперь, однако, человек столкнулся с беспрецедентной ситуацией потенциально неограниченных материальных и технологических ресурсов в его распоряжении и огромного количества свободного времени. Наконец, у него есть возможность взглянуть как внутрь себя, так и за пределы себя с новой точки зрения — не подвергая опасности или не препятствуя прогрессу вида. Наркотики, используемые разумно, могут быть ценным проводником к этому новому расширению нашего сознания. Но если их использовать просто ради удовольствия или для притупления, а не для расширения восприятия, они могут оказать крайне негативное влияние. К 2001 году должны появиться увлекательные наркотики; как мы их используем, будет решающим вопросом.

PLAYBOY: Вы когда-нибудь употребляли ЛСД или другие так называемые наркотики, расширяющие сознание?

СТЭНЛИ КУБРИК: Нет. Я считаю, что наркотики в основном более полезны для зрителей, чем для художника. Я думаю, что иллюзия единства со вселенной, и поглощенность значимостью каждого объекта в вашем окружении, и всепроникающая аура мира и удовлетворенности — не идеальное состояние для художника. Это успокаивает творческую личность, которая процветает на конфликте, столкновении и брожении идей. Трансцендентность художника должна быть

внутри его собственной работы; он не должен возводить никаких искусственных барьеров между собой и движущей силой своего подсознания. Одна из вещей, которая настроила меня против ЛСД, заключается в том, что все люди, которых я знаю, которые его употребляют, имеют особую неспособность различать вещи, которые действительно интересны и стимулируют, и вещи, которые кажутся такими в состоянии всеобщего блаженства, которое наркотик вызывает в «хорошем» трипе. Они, кажется, полностью теряют свои критические способности и отстраняются от некоторых из самых стимулирующих областей жизни. Возможно, когда все прекрасно, ничто не прекрасно.

PLAYBOY: Как вы думаете, какой стадии достигнет сегодняшняя сексуальная революция к 2001 году?

СТЭНЛИ КУБРИК: И снова, это чистая спекуляция. Возможно, будет реакция против нынешних тенденций, и маятник качнется обратно к своего рода неопуританству. Но более вероятно, что так называемая сексуальная революция, повивальная таблетка, будет расширена. С помощью наркотиков или, возможно, посредством обострения или даже механического усиления латентных функций экстрасенсорного восприятия, возможно, каждый партнер сможет одновременно испытывать ощущения другого; или мы можем в конечном итоге превратиться в полиморфные сексуальные существа, в которых мужские и женские компоненты будут размываться, сливаться и меняться местами. Потенциал для исследования новых областей сексуального опыта практически безграничен.

PLAYBOY: Ввиду этих тенденций, как вы думаете, может ли романтическая любовь стать немодной к 2001 году?

СТЭНЛИ КУБРИК: Очевидно, что людям становится все легче иметь близкие и приносящие удовлетворение отношения вне концепции романтической любви, которая в ее нынешнем виде является относительно недавним приобретением, разработанным при дворе Элеоноры Аквитанской в XII веке, но базовые лю-

бовные отношения, даже самые навязчивые, слишком глубоко укоренились в психике человека, чтобы не выдерживать в той или иной форме. Нелегко будет обойти наше примитивное эмоциональное программирование. У человека по сути все тот же набор инстинктов, связывающих пары — любовь, ревность, собственничество — запечатленный для индивидуального и племенного выживания миллионы лет назад, и они все еще лежат довольно близко к поверхности, даже в эти якобы просвещенные и освобожденные времена.

PLAYBOY: Как вы думаете, к 2001 году институт семьи, который некоторые социологи характеризуют как умирающий, может превратиться во что-то совершенно отличное от того, чем он является сегодня?

СТЭНЛИ КУБРИК: Можно привести всевозможные впечатляющие интеллектуальные аргументы против семьи как института — ее неотъемлемого авторитаризма и т.д.; но если разобраться, то семья — самая примитивная, инстинктивная и жизненно важная ячейка общества. Вы можете стоять у больничной палаты своей жены во время родов, бормоча: «Боже мой, какая ответственность! Правильно ли брать на себя это ужасное обязательство? Что я на самом деле здесь делаю?»; а затем вы входите и смотрите на лицо своего ребенка, и — бац! — древнее программирование берет верх, и ваша реакция — удивление, радость и гордость. Это классический случай генетически заложенных социальных моделей. В этом мире очень мало вещей, которые имеют неоспоримую важность сами по себе и не поддаются обсуждению или рациональному аргументу, но семья — одна из них. Возможно, человек был слишком «освобожден» наукой и эволюционными социальными тенденциями. Он был отстранен от религии и приветствовал смерть своих богов; императивная лояльность старого национального государства растворяется, и все старые социальные и этические ценности, какими бы реакционными и узкими они ни были, исчезают. Человек в 20 веке оказался брошенным на произвол судьбы в лодке без руля в неизведан-

ном море; если он собирается оставаться в здравом уме на протяжении всего путешествия, у него должен быть кто-то, о ком он заботится, что-то более важное, чем он сам.

PLAYBOY: Некоторые критики обнаружили не только глубокий пессимизм, но и своего рода мизантропию во многих ваших работах. Например, в «Докторе Стрейнджлаве» один рецензент заметил, что ваше режиссерское отношение, несмотря на антивоенное послание фильма, казалось странно отчужденным, отстраненным и равнодушным к уничтожению человечества, почти как если бы Земля очищалась от инфекции. Есть ли в этом хоть доля правды?

СТЭНЛИ КУБРИК: Боже мой, нет. Вы не перестаете беспокоиться о человеке, потому что осознаете его существенные нелепости, слабости и претензии. Для меня единственная настоящая безнравственность — это то, что подвергает опасности вид; и единственное абсолютное зло — то, что угрожает его уничтожению. В самом глубоком смысле я верю в потенциал человека и в его способность к прогрессу. В «Стрейнджлаве» я имел дело с присущей человеку иррациональностью, которая грозит его уничтожить; эта иррациональность так же сильна с нами сегодня, и ее нужно победить. Но признание безумия не подразумевает его празднования — или чувства отчаяния и тщетности относительно возможности его излечения.

PLAYBOY: За пять лет с момента выхода «Доктора Стрейнджлава» две основные ядерные державы, США и СССР, достигли существенного соглашения друг с другом. Как вы думаете, это уменьшило опасность ядерной войны?

СТЭНЛИ КУБРИК: Нет. Если что, усиливается угроза случайной войны из-за неосторожности; это всегда было величайшей угрозой и самой трудной для преодоления. Опасность того, что ядерное оружие может быть использовано — возможно, второстепенной державой — так же велика, если не больше, чем когда-либо, и действительно удивительно, что мир смог пси-

хологически приспособиться к этому с таким небольшим видимым нарушением.

Особенно острой является возможность начала войны в результате внезапной непредвиденной вспышки в какой-то части мира, вызывающей паническую реакцию и подталкивающей сбитых с толку и напуганных людей к решениям, которые они не способны принять рационально. Кроме того, остается серьезной угроза того, что психотическая фигура где-то в современной командной структуре может начать войну или, по крайней мере, ограниченный обмен ядерным оружием, который может опустошить большие территории и вызвать бесчисленные жертвы. Это, конечно, было темой «Доктора Стрейнджлава»; и я не совсем уверен, что где-то в Пентагоне или в высших эшелонах Красной армии не существует реального прототипа генерала Джека Д. Потрошителя.

PLAYBOY: Вы пацифист?

СТЭНЛИ КУБРИК: Я не уверен, что на самом деле означает пацифизм. Было ли это актом высшей морали — подчиниться Гитлеру, чтобы избежать войны? Я так не думаю. Но были также трагически бессмысленные войны, такие как Первая мировая война и нынешний беспорядок во Вьетнаме, и множество религиозных войн, которые омрачают историю. Однако то, что делает сегодняшнюю ситуацию столь радикально отличной от всего, что было раньше, заключается в том, что впервые в истории у человека есть средства уничтожить весь вид — и, возможно, также и планету. Проблема драматизации этого для общественности заключается в том, что все это кажется таким абстрактным и нереальным; это скорее похоже на то, как если бы вы сказали: «Солнце умрет через миллиард лет». В качестве минимального первого корректирующего шага требуется конкретная альтернатива нынешнему балансу ужаса — та, которую люди смогут понять и поддерживать.

PLAYBOY: Верите ли вы, что некая форма всемогущего мирового правительства или некая радикально

новая социальная, политическая и экономическая система могли бы разумно и дальновидно решать такие проблемы, как ядерная война?

СТЭНЛИ КУБРИК: Что ж, ни одна из нынешних систем не работала достаточно хорошо, но я не знаю, чем бы мы их заменили. Идея группы философских королей, управляющих всем с благосклонным и всезнающим патернализмом, всегда привлекательна, но где мы найдем философских королей? И если мы их найдем, как мы обеспечим их преемников? Нет, следует признать, что демократическое общество со всеми присущими ему напряжениями и противоречиями, несомненно, является лучшей системой, которую кто-либо когда-либо создавал. Я думаю, именно Черчилль однажды заметил, что демократия — худшая социальная система в мире, за исключением всех остальных.

PLAYBOY: Вас обвиняли в том, что в ваших фильмах вы демонстрируете сильную враждебность к современному индустриальному обществу демократического Запада и особую враждебность — противоречиво смешанную с неким болезненным очарованием — к автоматизации. Ваши критики утверждают, что это было особенно очевидно в «2001 году», когда главный злодей фильма, компьютер Hal 9000, был в некотором смысле единственным человеком. Считаете ли вы, что машины становятся все более похожими на людей, а люди — на машины, и замечаете ли вы возможную борьбу за господство между ними?

СТЭНЛИ КУБРИК: Прежде всего, я вовсе не враждебен к машинам; на самом деле, как раз наоборот. Однако нет сомнений, что мы вступаем в механархию, и что наши и без того сложные отношения с нашими машинами станут еще сложнее по мере того, как машины будут становиться все более и более разумными. В конце концов, нам придется делить эту планету с машинами, чей интеллект и способности намного превосходят наши собственные. Но взаимосвязь — если ею разумно управляет человек — может оказать неизмеримо обогащающее воздействие на общество.

Заглядывая в далекое будущее, я полагаю, не исключено, что полуразумная субкультура роботов-компьютеров может развиться, и однажды она решит, что человек ей больше не нужен. Вы, вероятно, слышали историю о совершенном компьютере будущего: месяцами ученые думали над первым вопросом, который нужно ему задать, и, наконец, они наткнулись на правильный: «Есть ли Бог?» После мгновения жужжания и мигания огней появляется карточка с пробитыми словами: *There Is Now*. Но эта проблема далека, и я не собираюсь не спать ночами, беспокоясь о ней: я убежден, что наши тостеры и телевизоры полностью одомашнены, хотя я не так уверен насчет интегральных телефонных схем, которые иногда кажутся мне обладающими собственной зловредной жизнью.

PLAYBOY: Сможем ли мы найти какой-либо глубокий смысл или удовлетворение, как личности или как вид, пока мы продолжаем жить со знанием того, что вся человеческая жизнь может быть уничтожена в любой момент ядерной катастрофой?

СТЭНЛИ КУБРИК: Мы должны, поскольку в конечном счете, может не быть разумного способа устранить угрозу самовымирания, не изменив человеческую природу; даже если вам удастся разоружить каждую страну вплоть до лука и стрел, вы все равно не сможете лоботомировать ни знание того, как создавать ядерные боеголовки, ни извращенность, которая позволяет нам рационализировать их использование. Учитывая эти два категорических императива в разоруженном мире, первая страна, которая накопит хотя бы немного оружия, будет иметь большой стимул использовать его быстро. Таким образом, можно утверждать, что существует большая вероятность некоторого использования ядерного оружия в полностью разоруженном мире, хотя и меньшая вероятность глобального вымирания; в то время как в мире, вооруженном до зубов, у вас меньше шансов на некоторое использование — но большая вероятность вымирания, если оно будет использовано.

Если вы попытаетесь отстраниться от земной перспективы и посмотреть на этот трагический парадокс с отстраненностью инопланетянина, все это будет совершенно иррационально. Теперь человек обладает силой в один безумный, пламенный момент, как вы указываете, истребить весь вид; наше собственное поколение может оказаться последним на Земле. Один просчет, и все достижения истории могут исчезнуть в ядерном грибе; один неверный шаг, и все стремления и стремления человека на протяжении тысячелетий могут быть прекращены. Одно короткое замыкание в компьютере, один безумец в командной структуре, и мы можем свести на нет наследие миллиардов, которые умерли с момента зарождения человечества, и прервать обещание миллиардов еще не родившихся — окончательный геноцид. Какая ирония, что открытие ядерной энергии с ее потенциалом уничтожения также представляет собой первый шаткий шаг во вселенную, который должны сделать все разумные миры. К сожалению, уровень детской смертности среди зарождающихся цивилизаций в космосе может быть очень высоким. Не то чтобы это имело значение, кроме как для нас; разрушение этой планеты не имело бы никакого значения в космическом масштабе; Для наблюдателя в туманности Андромеды значение нашего вымирания будет не более, чем спичка, вспыхнувшая на секунду в небесах; и если эта спичка вспыхнет во тьме, некому будет оплакивать расу, которая использовала силу, способную зажечь маяк среди звезд, чтобы зажечь свой погребальный костер. Выбор за нами.

камушек в ботинке

Вадим Климов
ЛАРС ФОН ТРИЕР
И ОБНАЖЕНИЕ МЕТОДА

О Ларсе фон Триере написано много, слишком много, чтобы новая порция могла внести существенный вклад. Фильмы датского кинорежиссера разбиты на миллиарды фрагментов и каждый досконально изучен, жизнь Триера уже давно является достоянием масс.

Каждый его шаг притягивает пристальное внимание. Триера интерпретируют самыми экзотическими способами, на чем режиссер мастерски играет, включая в свой кинематограф не только участников съемочного процесса, но вообще всех, кто проявляет интерес, дирижируя аудиторией, словно скрипками в оркестре.

Вероятно, самое притягательное в Ларсе фон Триере то, что ставит его в центр современного кинематографа, как бы ни оценивали его зрители, это потрясающее авторское обнажение. В первую очередь, разумеется, обнажение метода.

Кинокритика появилась одновременно с кинематографом, однако первое время, будучи скромной, она не претендовала на замещение кино. С появлением киношкол, где студентов обучают делать фильмы на примере разбора уже имеющихся, критика превратилась в основной метод познания. Критик попытался занять — и в конечном счете у него это получилось — место художника.

За редким исключением режиссеры, что выпускники киношкол, что самоучки, начинают как синефилы, просматривая по пятнадцать картин в сутки, чтобы хоть что-то понять в режиссуре. Спустя пару десятков лет они приходят к тому, что перестают смотреть кино вообще.

Случай профессионалов очевиден. Забавно, что под воздействием добравшейся до популярных изданий критики совсем далекие от кино люди тоже почувствовали себя аналитиками, искусствоведами, а то и вовсе режиссерами.

Забыв о своем месте, где-то между художником и зрителем, критик запутал всех остальных. Уровни сдвинулись. Теперь уже не критик пытается занять место режиссера, вскрывая его замысел и объясняя ошибки, а зритель вытесняет профессионального критика, почувствовавшего себя еще и режиссером.

Всёобщее распространение социальных сетей подарило буквально каждому возможность объединить сразу три ипостаси в одной. Теперь вы не только смотрите фильм, но одновременно, посредством критики, вмешиваетесь в съемочный процесс, чтобы в итоге вынести приговор. Вы и зритель, и критик, и вся съемочная группа одновременно. К счастью, таких, как вы, еще несколько сот миллионов.

Здесь как нельзя кстати возникает фигура Ларса фон Триера. Сложно найти режиссера, вызывающего больше полемики. В условиях полного и, кажется, окончательного смешения, когда художник пытается максимально отгородиться, закамуфлировать свои намерения, сделать творения герметичными, Триер — наоборот — обнажается.

Любой старшеклассник, посмотрев картину датского провокатора, с легкостью объяснит, как она сделана. А если снабдить этого подростка еще парой психологических статей из популярных журналов, то есть сделать домохозяйкой или секретаршей, то у него получится культурологическое исследование.

Каждым своим фильмом Ларс фон Триер убеждает, что никакая деконструкция над ним не властна. Миллионы зрителей, от блогеров до профессиональных критиков и режиссеров, с пеной у рта доказывают, что раскусили датского манипулятора и теперь любой ребенок сможет снять не хуже него, даже они сами.

И где же эти фильмы, которые не хуже оригинала?

Потрясти видеокамерой и сделать рваный монтаж, в самом деле, несложно. Сложно приблизиться к режиссеру, прячущемуся совсем в иных деталях.

Ларс фон Триер обнажается, не обнажаясь. Каждый его фильм как руководство пользователя, подробная инструкция, вдобавок разжеванная тысячами интерпретаторов. На практике же выясняется, что оригинал недостижим, каким бы простым он ни казался. Лживый датчанин долго снимал с себя одежду, но так и не разоблачился.

Удивительно, что это непонятно не только завистливым противникам режиссера, но, ровно в той же мере, и его почитателям. До сих пор распространено мнение, что манифестом Догмы 95 Триер оплодотворил дряблую плоть столетнего кинематографа новыми выдающимися режиссерами, снявшими фильмы по правилам манифеста.

Но из 254 картин (именно столько получили сертификат Догмы 95 на данный момент, на официальном сайте значится 35 фильмов) триеровскому или около-триеровскому уровню удовлетворяют всего две: Томаса Винтерберга и самого фон Триера. Все остальное — в лучшем случае неплохое кино, а в большинстве случаев полное барахло.

Основоположники акции спасения современного кинематографа указали направление, в котором многие проследовали. Но, увы, этого оказалось мало! Триер, Винтерберг, Краг-Якобсен и Левринг, подписавшие манифест, угодили в ту же лужу, что и деконструкторы чужого таланта. Обнажившись, они так и остались одетыми.

asmust i etchens

Асмус Титченс
**ПОЧЕМУ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ
ШУМОВАЯ МУЗЫКА?⁴⁷**

(некоторые предположения о протагонистах столь
далекого жанра)

«Musique concrete — это дорожно-
транспортное происшествие, которое я с удо-
вольствием прокрутил бы в обратную сторону».

Пьер Шеффер
в интервью французскому радио (1984)

148

Воодушевление, разбросанные повсюду кольца из магнитной ленты, бесконечные сомнения, что лучше — то или это, что-то среднее или нечто совсем иное, так или эдак — стимулирующие механизмы создателей шумовой музыки столь же расплывчаты и многозначны, как и она сама. Мотивы, в которые трудно поверить, рождают произведения, которые трудно понять.

С другой стороны, простейшие приемы дают убедительные и сразу ощутимые результаты. В этой статье я попытался составить типологию шумовых музыкантов без указания конкретных примеров — надеюсь, читатель сам проследит их.

Конечно, любителям и знатокам эта попытка покажется чересчур смелой, ведь шумовая музыка прошла достаточно длительную эволюцию, измеряемую несколькими поколениями последователей, и насчитыв-

⁴⁷ Из альманаха «Независимая электронная музыка» №3 (1999). Главный редактор Дмитрий Васильев.

вает огромное количество артистов, энтузиастов, движений и школ. Согласен, тема щекотливая и затрагивает интересы многих людей, поэтому опасность грубого приближения неизбежна, и никаких категорий не будет достаточно для того, чтобы учесть хотя бы их большую часть. Но все же...

Идеалисты

Когда люди, состоящие из плоти и крови, попадают в мета-реальность, они зачастую растворяются в ней, теряют свои индивидуальные черты, отдаваясь во власть главной мысли, которая ими движет. В конце концов, может оказаться так, что музыкант превращается в схематическое изображение этой идеи. Манифесты, звучащие из мета-реальности, не находят соответствующего материального воплощения (в силу своей беспочвенности). Бестелесные, они все больше вызывают к философским, чем к музыкальным корням, и без того лишенным смысла. С точки зрения всеобщего хаоса, наступающего по мере приближения конца света, их стремление к чистоте идеи кажется трогательным, но на самом деле утешение только одно — в том, что зверь еще не одержал безоговорочную победу над духом, и что последний способен искупить вину первого, защищая своего владельца.

Слабовольные бездари

Для них самым болезненным моментом является само желание быть музыкантами, хотя они сами того не замечают. Действительно, столько музыкантов во круг, и все что-то сочиняют, записывают... Единственная проблема — отсутствие умения играть на музыкальных инструментах. Но это не беда — можно отказать от них вообще или играть, как бог на душу положит, в конце концов, и это может оказаться оригинальным (взять, к примеру, Паскаля Комелада). Это убеждение крепнет всякий раз, когда они слышат

чью-то очередную пластинку: по их собственной оценке, никаких особенных усилий для ее записи не потребовалось. К тому же им кажется эксцентричным заниматься подобной музыкой, которую они любят называть «звуковыми извращениями». Все, к чему они в лучшем случае приходят — вялое выражение своей точки зрения, которому недостает изобретательности и организованности, чтобы быть доведенным до конца. Бессильные нажимают на клавиши, крутят ручки пульта, забивают память компьютера и очень обижаются, когда через полчаса масса оборудования под управлением их неумелых рук так и не сотворила гениального произведения. Поражает их вера в фантастические возможности техники на фоне их наивного обращения с ней. Чтобы хотя бы что-то предъявить в качестве результата, они довольствуются полуготовыми банальностями, на что в ответ даже самый снисходительный слушатель может лишь пожалть плечами. Принцип «все преходяще», будучи примененным к шумовой музыке, находит в таких примерах свое живейшее подтверждение.

Странные существа

Они тоже бездарны, но слабовольными их никак не назовешь — наоборот, они всегда находят силы для поддержки своего трагического имиджа, который чаще всего базируется на завышенной самооценке. Свое узкое мировоззрение они расширяют до огромных размеров сценического пространства, населенного шумовыми конструкциями, словно неслышанными мыслями. Они чувствуют себя исследователями в собственной лаборатории, но со стороны выглядят пустозвонами, выдавливающими из себя одни и те же звуки, не задумываясь о странном противоречии между бесспорным усердием и убожеством результата. Однако им необходимо время от времени поощрять свои труды, например, покупать суперсовременную аппаратуру, иначе их мысли о самоубийстве и прочие деструк-

тивные комплексы могут перерасти в беспросветное безумие. Справедливости ради следует заметить, что среди странных существ встречаются редкие исключения, сияющие словно бриллианты в золе.

Свастиконосцы и клизмофилы

Неужели действительно так приятно заниматься сексом с разваливающимся трупом или с набитым соломой чучелом? А играть с наполненной водой клизмой? Что ж, это часть нашего чувственного мира, и никто не вправе клеймить позором подобные развлечения. Но совсем другое дело, когда их пытаются перенести в музыкальную область. Народная мудрость гласит: всяк сверчок знай свой шесток! Когда на концерте вместо привычного противогаса надеваешь на голову свиной мочевого пузыря с вытатуированной свастикой и драматизируешь свой нечеловеческий рев со сцены мощной шумовой атакой, возгласы типа «Открой рот пошире — будешь моим туалетом!» или «Очистить рейх!» покажутся детским лепетом... Сила и могущество музыки снова используются не по назначению, причем чаще всего безрезультатно: опыт показывает, что девять из десяти музицирующих некрофилов очень быстро разочаровываются в своих эстетических идеалах. Но, несмотря на это, сегодня чаще чем когда бы то ни было, доносятся голоса из урогенитальной области. Что ими движет? Музыкальное вдохновение? Вряд ли. Тогда может быть, пробудившееся призвание? Или жажда общения? Ответ остается тайной.

Криптоманы

Криптоманы — это не просто люди, любящие из всего делать тайну. В детстве их любимой игрой были прятки, и они продолжают играть в нее всю жизнь, считая притом, что только за это их уже можно полюбить. Их жизненная стратегия располагает огромным числом уловок («иллюзорных механизмов» в терминологии

гии доктора Курта Эйлера), которые позволяют им переселить себя и свое окружение в мифический мир. Романтическая склонность криптоманов к камуфляжу рождает большое количество слухов и интриг. Повышенное значение придается таинственным псевдонимам, которыми они подписывают мрачные тексты, шепчущие о смерти, виртуальности, цифровых технологиях, прошлом и будущем. Все эти фантазмагии и утопические сценарии становятся неперенными атрибутами их альбомов, а сами альбомы появляются словно из обители чародея или из сплетения электрических сетей — музыка темная, с ритуальным оттенком, наводящая смертную тоску или погружающая в мистический экстаз. Но такой результат можно считать удачей, достигающей немногим. И к тому же вся эта фонограмма для кукольного спектакля не годится даже для терапии душевнобольного подростка: весь грандиозный замысел рушится, стоит только приподнять завесу над тайной. К сведению интересующихся: «Резидентов» зовут Джек Фуллер, Джонатан Патчен и Кристофер Минтон. Да, их всего трое. Немецкая группа Werkbund состоит из четырех музыкантов: Клауса Райхерта, Ханса-Юргена Савицки, Барбары Вульфес (она же Мехтильд фон Лейш) и Кая Меллера.

Серьезные молодые люди

Когда они берутся за дело, всех прошибает пот. Из самых лучших побуждений, с глазами, светящимися радостью первооткрывателя, и с серьезностью добро-совестного бухгалтера они готовы в сотый раз изобрести велосипед. Напрочь устаревшая техника вырезок и склеек способна заморозить их с такой силой, что и не снилась математикам, безуспешно пытающимся доказать теорему Ферма. Вооруженные наследием Пьера Шеффера — миниатюрной книжицей, торчащей из заднего кармана брюк, они готовы неустанно экспериментировать. Как сияют их розовые щечки! Их действия всегда сосредоточены, порой даже напряжены,

но в их собственном отношении к музыке заложен аристократизм, к которому примешиваются заносчивость и тщеславие. Продолжая обременять себя и слушателей, они, в конце концов, понимают, что нельзя дважды изобрести велосипед, и, счастливые, принимают за другие, не менее работоспособные изделия. Им нужно спешить, иначе к тридцати годам они станут похожими на стариков.

Идиаллики

Целиком поглощенные своей моделью действительности, любители безмятежного существования сидят в герметически запертых студиях, задушенные блаженной добродетелью и не ожидающие помощи ни от бога, ни от сотрудников из отдела социального обеспечения. Словно дети богатых родителей или избалованные милостью меценатов, они самозабвенно проводят время в поиске наивысшей гармонии. Они производят впечатление чувствующих, рассудительных людей, избегающих резких звуков и движений. Их любимый музыкальный прием — глубокий низкочастотный гул, который они называют «drone» или мистическим ландшафтом. На самом деле их пример показывает, что даже на таком сомнительном поприще можно прекрасно устроиться, да еще и положить себе в карман немного денег, заработанных на собственном лицемерии и продажности. Закрепившись в образе отшельников, они создают свои «звуковые миры» и «шумовые вселенные», больше, правда, похожие на навязчивые сновидения. Вся эта электроакустическая дрянь вытекает из их студий наружу, освобождая их от необходимости самим слушать ее, и все становится как прежде: уровень помех — ноль, динамика движений герметически уравновешена, никаких болевых порогов на горизонте. Единственное место, где всегда рады идиалликам — это фестиваль «Новая музыка», недавно проведенный в Восточном Вандсбеке в рамках благотворительной деятельности местной христианской общи-

ны. Но для тех, кто не страдает от старческого слабоумия и от наивного инфантилизма, должно быть ясно: идиллия с ее бессмысленным отрицанием реального мира — прибежище дряхлых и обреченных людей.

Друзья техники

Два принципа, служащих категорическим императивом друзей техники: «техника подчиняется нам». И: «делать все, что только можно уже только потому, что это можно сделать». Это настоящие ходячие энциклопедии по информатике, электронике, психоакустике. Им ничего не стоит модифицировать или самостоятельно изготовить соответствующее их музыкальным притязаниям аппаратное или программное обеспечение. При помощи своих причудливых экспериментальных установок, которым трудно даже подобрать название, они создают бесконечно похожие на музыку структуры, главным образом шумовые. Впечатляет теоретическая основа этих упражнений — от нелинейных модуляций белого шума в многоформантных импульсных цепях до гармонического анализа Фурье — одно только перечисление методов генерации шумов звучит как манифест. Но излишняя страсть к конструированию иногда приводит к таким несуразицам, придти к которым трудно, даже задавшись такой целью. Плачевные результаты еще больше удивляют слушателя, восхищенного технической подготовкой музыкантов. Почему их инновационный потенциал распространяется только на компьютерную базу и ни на что более? А если друзьям техники и удастся сделать что-то достойное, то их произведения приобретают ярко-выраженное академическое звучание и комплексность, из-за которой путаются в собственной структуре. Пусть это прозвучит не слишком уместно, но я бы посоветовал им посетить бордель — это им поможет.

Заключение

Конечно, многим вышеизложенная классификация покажется слишком категоричной. И это действительно так, потому что отчетливых границ между индивидуальными стилями музыкантов не существует. Пересечения и заимствования встречаются у всех. Теперь о тех, кто не попал в обзор: это эпигоны, убежденные консерваторы и плагиаторы всех мастей (поскольку это не музыканты, а в лучшем случае исполнители], а также женщины (в их музыке трудно найти черты, по которым ее можно было бы идентифицировать как «женскую»). И еще одно: классификация отражает субъективное мнение автора и не должна восприниматься как справочное пособие для дотошных меломанов.

Публикация журнала **Odradek #3**, февраль 1998,
Перевод: **Дмитрий Васильев**, сентябрь 1998

Асмус Титченс
**КОММЕРЧЕСКИЙ ПРОВАЛ
КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ
ИЗЯЩНОГО ИСКУССТВА⁴⁸**

Три этапа круговорота музыки,
не пользующейся популярностью

«Товар — деньги, деньги — товар.
Все должно происходить быстро... и приятно пахнуть».

д-р Курт Эйлер

156

Три причины стихающего смеха

«Громкий смех купюр», французский лозунг покупателя, в макроэкономическом смысле можно интерпретировать как соревнование наличной оплаты и кредитной системы: звонкие монеты или бесшумные вычислительные операции в банковских сетях? Но вот где можно действительно услышать по-настоящему громкий смех, в последнее время уже просто превратившийся в гомерический хохот, так это на рынке музыкальной мелочевки. Искусное облапошивание процветает во всех трех направлениях — музыкант/издатель, продавец/продавец и продавец/конечный потребитель. Само собой, путем комбинаций можно получить связи, объединяющие несколько экономических ролей, музыкант может быть про-

⁴⁸ Из альманаха «Независимая электронная музыка» №4 (2003). Главный редактор Дмитрий Васильев.

давцом, продавец — производителем и т.д. Многоуровневая схема провалов, действующая на глазах у достопочтенной публики, настолько хорошо отработана, что возникает невольный вопрос, какое страшное проклятие тронуло этот сегмент рынка, что при всем старании сделать золото из свинца не получается даже фарфора?

Музыкант и издатель: редкий пример мешающей взаимопомощи

Провал начинается уже тогда, когда музыкант начинает шевелить окружающих, предлагая озаботиться выпуском его альбома. Самостоятельное издание осуществить мало кому под силу, даже скромным тиражом в 500 штук. Ожидание сдвига с мертвой точки может затянуться года на два (а то и более), чего уже достаточно для ослабления взаимной симпатии и желания продолжать начатое дело. Отсутствие обязательств также способствует нетерпению, сомнениям в целесообразности и финансовым затруднениям. Приходится постоянно улаживать разногласия, ведь оба находятся в одной лодке с протекающим дном. Когда же наконец продукт готов, музыкант может вздохнуть спокойно: поскольку коммерческий успех предприятия не предусмотрен, остается удовлетвориться 25 копиями альбома в качестве гонорара и исчезнуть из поля зрения. А перед издателем открывается мрачная перспектива: куда деть остальные 475 копий? О том, чтобы продать их менее чем за три года, нечего и думать. Срок этот может и удвоиться, если в привычной погоне за амбициями и культовым статусом замалчивать факт выпуска альбома, поставив в известность лишь избранных. Если целью выбрана противоположность успеха, то хороши любые средства конспирации — от геройского оппозиционерства и эстетического самоистязания до методичного аутотренинга, переводящего неудачи в разряд положительного опыта. Пребывание в гордом одиночестве оборачивается эскапизмом с яв-

ными патологическими признаками, такими как выпуск умышленно непригодных для воспроизведения альбомов («антизаписей») или упаковка, затрудняющая доступ к диску (запаянная, заваренная, заполненная субстанцией неизвестной природы). Конечно, между музыкантом/издателем денежные вопросы возникают редко. Иногда для расчетов используется т.н. схема «minus-habens»: музыкант, становящийся конечным потребителем, получает от издателя оплату в виде части тиража ранее изданных чужих альбомов до полного согласования доли прибыли. А также другие виды безналичного расчета, выравнивающие крен лодки и спасающие от катастрофы.

Продавец/продавец: перевод денег на почтовые расходы, никому не нужные раритеты и прочую ерунду

С попаданием очередного злополучного релиза в этот замкнутый круг взаимное надувательство начинает гордо именоваться дистрибьюцией. Дистрибьюторами чаще всего становятся не от хорошей жизни — обычно это или мелкие лейблы, для которых меновая торговля — единственный способ выжить, или более крупные, но от этого не более рентабельные. Конечно же, вдобавок к этому много и дистрибьюторов-альтруистов, бывших коллекционеров, спекулянтов и просто бездельников. Чем же они все занимаются? Допустим, торговец А посылает торговцу В 10 экземпляров совершенно безнадёжной продукции в обмен на 10 экземпляров другой, не менее безнадёжной. Во-первых, задержка может обернуться большими неприятностями, особенно если партия не застрахована и может повредиться во время пути, или же таможенный сбор превысит все разумные пределы. В любом случае, почтовые расходы неизбежно повлияют на цену, которая отпугнет последних, и без того маловероятных покупателей. И что делать в данном случае? Некоторые дистрибьюторы уже предлагают схемы компенсации — по

пять блоков сигарет за десяток неликвидов. Несколько удивляет возрождение архаичной формы товарооборота применительно к высокотехнологичным товарам, коими являются CD и видеокассеты, вы не находите? И вся эта мышинная возня, основывающаяся не то на энтузиазме, не то на идиотизме... да, безумно напоминает роман Экхарда Геншейда «Полные идиоты».

Конечный потребитель и продавец: ежедневный театр абсурда

Примерный распорядок дня: в 11 часов утра угрюмые и неприветливые владельцы открывают двери своих магазинов, которые все без исключения почему-то расположены ниже уровня моря и поэтому отличаются постоянной сыростью — идеальными условиями для насекомых и мышей. Отрава на них почти не действует, зато основательно портит состояние и внешний вид виниловых пластинок и роскошных букетов, словно рассчитанных на один просмотр. Ежедневная ревизия, ставшая уже чем-то вроде святой обязанности, занимает не менее двух часов, в течение которых обычно все равно ничего не происходит. Заодно можно подмести полы, очистить пепельницы, получить очередную посылку от почтальона, почитать утреннюю газету... И вот, наконец, первый покупатель. Впрочем, правильнее было бы назвать его посетителем, потому что у него и в мыслях не было что-то покупать, а хотелось всего лишь обсудить, стоит ли Саддаму Хусейну применять газовые гранаты против Кувейта. Зато второй посетитель пришел с твердым намерением что-нибудь купить, и тут же отбирает 8 компактв из новых поступлений, изъявляя желание их прежде послушать. Хозяин просит его подождать, т. к. он еще не закончил обсуждение темы газовых гранат, что тот и делает. Наконец долготерпение вознаграждено, и все 8 дисков прослушаны, ни один не понравился. Но вдруг замечен девятый диск — тот, который уже давно разыскивается и может быть куплен без предварительно-

го прослушивания. И как назло, коробка пуста — сам диск исчез, потерялся, найти его не представляется возможным! Расстроенный покупатель вынужден покинуть магазин с пустыми руками, а продавец снова остается один. Вдруг резко открывшаяся дверь прерывает невеселые размышления. В проеме появляется взъерошенная голова, спрашивающая конкретную семидюймовку известной панк-группы. Разумеется, она имеется в продаже и стоит всего 11 марок. Дверь сразу закрывается, и снова воцаряется тишина. Дело идет к вечеру, и перед самым закрытием в магазине появляется странного вида «юноша бледный со взором горящим». Слабым и невыразительным голосом он спрашивает CD «Вагинальная ультрапытка» группы «Дисциплина Пениса», изданный в Японии ограниченным тиражом в 93 копии и упакованный в свиной мочево-вой пузырь. Разумеется, магазин заказывал 3 копии, но они были конфискованы таможней. Расстроенный юноша предлагает купить у него пять фэнзинов «Анальная культура» собственного изготовления или поменяться на CD. Хозяин соглашается только на две штуки, больше взять не позволяют возможности. Что ж, теперь можно и отдохнуть. Хозяин насыпает еще немного отравы по углам, после чего с угрюмым и неприветливым видом закрывает магазин. Пепельницу вынести можно и завтра (тем более что большинство окурков все равно на полу).

Заключение

Рассмотренные звенья рынка непопулярной музыки типичны в сложившейся потребительской системе. Мы не стали вдаваться в детали (иначе потребовался бы объем средней библиотеки), нашей целью было показать, что его функционирование скорее напоминает неправдоподобное выздоровление после кровопускания, чем вялотекущую борьбу хронически безнадежно-го предложения с традиционно заниженным спросом. На самом деле не так уж это и парадоксально, как

могло прозвучать. Изящное искусство облапошивания может привести к плачевному положению, благо, тому способствует аутичность его протагонистов и инертность всех прочих свидетелей происходящего. Пожелаем им успехов!

Ш У М

Миша Вербицкий
**ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА,
МЕТАФИЗИКА
И КОНТЕМПОРАРИ АРТ⁴⁹**

...Нас занимает не музыка как таковая, но доступ к информации, и ее распространению. И мы думаем, что война, ведущаяся в человечестве, если можно говорить о такой войне — это война за информацию.

(Дж. Пи-Орридж)

162

Ни для кого не секрет, что в индустриальной музыке музыки самой по себе почти нет. Если кто-то говорит, что его в индустриале интересует только музыка, а не сопряженные ей политические, метафизические и футурологические идеи — этот человек безнадежный идиот. Из этого будем исходить.

Общепринятое определение индустриала принадлежит Джону Сэведжу. Из пяти основополагающих принципов (автономия, доступ к информации, анти-музыка, внешние по отношению к музыке элементы, тактика шока) к сфере собственно музыкальной относится только третий.

Корни столь пренебрежительного отношения к музыке лежат в «Современном Искусстве» (более правильно, как предложил Мирослав Немиров, пользоваться транскрипцией английского названия — контемпорари арт). Уже в начале 1960-х, контемпорари

⁴⁹ Текст был подготовлен для журнала :LENIN:.

арт плотно забыл про такие частности, как рисование и лепка, сосредоточившись на реди-мэйде, акционизме и прочих парадигмах, собственно и определяющих содержание contemporary art. «Современное искусство», таким образом, превратилось из декоративно-прикладного рисования украшений в диалог с музами и властями — во временами остроумный, временами парадоксальный комментарий к общественному порядку, коллективным предрассудкам, и самому контемпорари арту.

Ничего подобного в музыке не происходило. Несмотря на метафизически-окультиные устремления Штокхаузена и педантичные эксперименты Джона Кэйджа, академическая музыка упрямо держалась декоративно-прикладной функции. Чем дальше артист отказывался от традиционной (академической или поп-) музыки, тем абстрактнее и формальнее оказывался его продукт. Что неудивительно, первые шаги в направлении индустриала были совершены не собственно музыкантами, но перебежчиками от контемпорари арта.

По легенде, Йоко Оно обладала весьма скромными музыкальными способностями, и ехидный Кэйдж сочинил для нее композицию 4'33", состоящую из 4-х минут 33-х секунд молчания. Как бы то ни было, именно Йоко Оно принадлежит инициатива в привлечении Леннона к контемпорари-арту, что вылилось в композицию «Revolution #9» — первый, возможно, опыт в индустриале.

Сами индустриальные музыканты едва ли признают приоритет битлов, Йоко Оно или Кэйджа — на это есть серьезнейшие причины. Движение «Флюксус», откуда происходила Йоко Оно и на которое сильнейшим образом повлиял Кэйдж — отказывалось проводить разделение между «жизнью» и «искусством», предпочитая восхвалять жизнь в искусстве, что на практике приводило к тотальному празднику чудовищного позитива, бездарности и парада самовлюбленных убожеств. Флюксус, исторически, опирался на достиже-

ния дадаистов и сюрреалистов, но (будучи сугубо американским явлением) отбросил содержательную (социальную т.е.) сторону дадаизма и сюрреализма, заменив ее на поп-ориентализм и прочую модную тогда поп-философию в духе пислава и хиппизма.

Индустриал же отталкивался от хиппи жесточайшим образом; естественно, что он в первую очередь вернул антимузыке присущее ей содержание — содержание абсолютного негатива и отрицания самой социальной ткани. Там, где Флюксус в лучшем случае медитировал на мандалы, играл случайные ноты и демонстрировал за пислав в цветных балахонах — индустриал жрал железные гвозди, ставил клизмы из крови и занимался публичной мастурбацией под музыку Чарльза Мэнсона.

Мэнсон и оказался первым и наиболее влиятельным индустриальным музыкантом. Это совершенно неважно, что он не увлекался антимузыкой, предпочитая сочинять песни для Beach Boys и записывать акустические баллады, блюзы и рок-н-роллы. Его «творчество» оказалось настолько близко к принципам индустриала, что (по количеству цитирований, эпитафий и cover-версий в индустриале) Мэнсон дает сто очков вперед любому, кроме У.С.Барроуза — тоже гениального предтечи индустриальной культуры.

Роль Мэнсона состоит в разрушении мифа о пиславе и возвращении искусства в состояние тотального отчаяния и дадаизма. Роль Барроуза — восстановление этого мифа, через девиантное поведение, наркоманию и секс. Немало повлияла и барроузовская техника письма — монотонность, достигнутая разрезанием текста на мелкие куски и их произвольным перемешиванием, стала структурной основой индустриала.

Впоследствии в индустриальные артисты была записана и Абба, как наиболее совершенный разрушитель мифа об артисте и искусстве. Смысл самого названия «индустриальный» — в циничном взгляде на искусство как на оружие в информационной войне, а

на музыкальный коллектив — как на фабрику, скажем, патронов.

Как и в случае дадаистов, противостояние индустриала системе контроля не истощивалось социальным аспектом — граждане правильно просекли, что социальное это не более чем аспект метафизического: что вверху, то внизу.

Основным принципом индустриала была тотальная война, и естественно, что ближайшим к индустриалу метафизиком оказался Алистер Кроули — оккультист, призывавший к войне брата с братом и переустройству общества на основе технократического тоталитаристского нео-феодализма. Державшийся тех же взглядов Барроуз приобщился к учению Кроули еще в 1960-х; независимо от него, пропагандистом телемизма (учения Кроули) стал пост-ницшеанец Колин Уилсон, написавший несколько книг на материале Кроули и Лавкрафта.

В 1970-е, главным популяризатором идей Кроули был Роберт Антон Уилсон — человек, повлиявший на индустриал не меньше Барроуза или Мэнсона. Уилсон сочинил собственную версию Телемы, состоявшую из эволюционной биологии, гностицизма, квантовой физики и нумерологических мистерий. Кроули и сам настаивал на абсолютной научности своих исследований, но не будучи популяризатором, рассказать о тождестве современной науки и телемитской метафизики смог мало; за него эту задачу блестяще завершил Уилсон. Индустриальные деятели, с их интересом к научной фантастике и технологии, не могли пройти мимо работ Уилсона; ключевая идея индустриала о переносе фокуса тотальной войны в область информационную была заимствована из его текстов. Метафизика числа 23, впервые изложенная в книге Уилсона «Cosmic Trigger», легла в основу обрядности Temple of Psychic Youth и так или иначе повлияла на много сотен ведущих индустриальных групп.

Как известно, индустриал официально прекратил свое существование в 1981-м году с распадом

Throbbing Gristle. После этого доминирование оккульта и радикальной политики в сфере индустриальной культуры перешло из количественной фазы в качественную — с официальным прекращением индустриальной музыки, единственным содержанием понятия «индустриал» стала индустриальная метафизика. То есть оккультизм и радикальная (пользуясь удачным эвфемизмом Бойда Райса, «расиалистская») политика.

Конец эпохи индустриала был ознаменован созданием Дж. Пи-Орриджем религиозной организации Temple of Psychick Youth. Учение ТОРУ состояло в синтезе новаторской символики, основанной на Кроули, А.О. Спэ, Барроузе и Р.А.Уилсоне обрядности, и разработанных в Throbbing Gristle метафизических и политических идей и психосексуальных приемов. Задачей ТОРУ (равно как и уилсоновской психологии) было де-программирование и ре-программирование языковых и психических контуров.

Знаковой особенностью ТОРУ стало (помимо использования телемитской символики и числа 23) использование нетрадиционного английского правописания: многие слова получили совершенно иное правописание. Почти в каждом случае это имело подробное де-программистское обоснование. Основой подобной техники были идеи Барроуза о языке как структуре изначально чуждой и враждебной человеку и человечеству в целом.

Для пропаганды идей ТОРУ была основана также и музыкальная группа, Psychic TV, сконструированная из осколков панковской группы Alternative TV и основывшего (и закрывшего) индустриал коллектива Throbbing Gristle. Поначалу, РТВ более-менее совпадал по составу с молодежным крылом Temple of Psychick Youth; основу концертного репертуара составляли песни TG.

РТВ разработал огромное количество новаторских приемов в области музыкальной индустрии. Среди прочего, коллектив попал в Книгу Рекордов Гиннеса как группа, выпустившая максимум пластинок за два

года (23 пластинки 23 месяца подряд, выпущенные 23-го числа каждого месяца). У PTV было несколько хитовых синглов (вещь, в принципе, совершенно невероятная для группы, пропагандирующей сексуальные девиации и оккультизм), не говоря уж об индустриальной музыке.

До прекращения индустриальной музыки в 1982-м, индустриальные музыканты отталкивались от музыки и приходили к своему специфическому видению эстетики; начиная с PTV, музыкальные моменты стали целиком и полностью определяться метафизикой. Особенно в этом отношении характерна история группы Current 93, организованной молодежью из TOPY для пропаганды учения Кроули. Название группы есть одно из основных понятий Телемы: согласно гематрии, значение греческого слова *thelema* (Воля) равно значению слова *агаре* (любовь) и равно 93. Поначалу C93 играли достаточно ортодоксальный индустриал (начальник этой группы Дэвид Тибет какое-то время состоял также и в PTV и играл там практически то же самое). Довольно скоро эта ориентация сменилась на что-то вроде электропопа родственной группы *Death in June*, затем C93 записали несколько альбомов, стилизованных под фолк-музыку *Incredible String Band*, а сравнительно недавно вышел альбом *Soft Black Stars*, записанный почти целиком голосом под аккомпанемент одним пальцем на рояле. Любой другой группе подобный дилетантизм и эклектичность направления стоили бы всех поклонников, но Current 93 сохраняет постоянную аудиторию — метафизические идеи Тибета настолько сильно определяют продукт, что эклектичность и дилетантизм исполнения не отвлекает никого.

Пожалуй, основным достижением индустриала стало именно появление сообщества групп (к концу 1980-х объединенных вокруг лейбла «World Serpent Distribution»), которым, вполне в соответствии с учением Пи-Орриджа, «была не важна музыка как таковая, но информация». Помимо Current 93, следует на-

звать Nurse with Wound, Death in June, Sol Invictus, NON и Coil. Из перечисленных в рамки классического индустриала укладывается только NON, да и то начальник NON Бойд Райс выпускает акустические альбомы совместно с товарищами по лэйблу.

К началу 1990-х Тибет полностью отрекся от Телемы, что окончательно уничтожило какую-либо общность идеологическую между группами WSD; единственное, что их отныне объединяет — осознание первичности метафизики и яростное неприятие Современности. Но объединяет весьма и весьма крепко: до самого конца 1990-х все перечисленные выше группы активно участвовали друг у друга в записях, где одни и те же люди могли играть все что угодно от фолка до нойза, до коллажей, до нео-классики.

Мне кажется, что это и называется «индустриал».

Справочный материал

168

Пара слов об идеологических пристрастиях артистов WSD и родственных им. О PTV см. выше. За долгую карьеру его, Пи-Орридж несколько не изменил своих взглядов. Возглавляемые им оккультные организации несколько раз откалывались от него лично и продолжали существовать без Пи-Орриджа, но раскол был всякий раз не идеологическим, а личностным: с Пи-Орриджем не каждый может долго общаться. В середине 1990-х у Пи-Орриджа дома прошел обыск, сопровождавшийся газетной истерией на тему ритуальных абортов и жертвоприношений в ТОРУ. Пи-Орридж с семейством был в Гималаях, где работал в благотворительной кухне. После этого он долго не возвращался в Англию, опасаясь ареста, а весь архив был конфискован. В конце 1990-х Пи-Орридж восстановил сотрудничество с артистами WSD, прерванное в середине 1980-х.

Из PTV в середине 1980-х выделились Дж. Бэлэнс и П. Кристофферсон (последний был еще в Throbbing Gristle) и стали играть в Coil (которая раньше немного

называлась Zos Kia). Метафизика Койла состоит из учения Зос Кайа (A.O. Spare), магии хаоса (IOT) и гомосексуального полит-активизма; помимо участия в гомосексуальной благотворительности Койл также производит видео и делает ремиксы для NIN и других кассовых групп.

Орден IOT (Illuminates of Thanateros) в течение 9 лет возглавлял Ian Read, игравший на ранних альбомах Sol Invictus. Его сольный проект называется Fire+Ice, и это тоже одна из лучших пост-индустриальных групп.

Сол Инвиктус возглавляется Тони Уэйкфордом, эволаистом, язычником и паневропейским националистом. Какое-то время Уэйкфорд активно участвовал в политике английских Новых Правых, и до сих пор весьма близок к этим идеологемам.

Уэйкфорд начинал в группе Death in June, которая поддерживает двусмысленную видимость неонацистской идеологии. Поскольку двусмысленность возведена Death in June в принцип, из убеждений начальника ее Дугласа П. можно с точностью вычленить только паневропеизм и ненависть к Америке и варварам-сербам (он активно участвовал в антисербской пропаганде на всем протяжении балканской войны). Дуглас П. гомосексуалист и использует гомосексуально-нацистские образы; само название (Смерть в Июне) относится к уничтожению Гитлером гомосексуального крыла NSDAP в июне 1934-го.

Идеология Nurse with Wound была поначалу построена на Мальдороре, сюрреалистах и де Саде; после того как сотрудничество с Тибетом вошло в норму, многие тибетовские увлечения проникли и в NWW — наиболее важен здесь христианский гностицизм. Как и Бойд Райс, NWW активно использует имажерию трэша.

Творчество NON/Бойда Райса и Current 93 насыщено метафизикой до такой степени, что написать об этом кратко лучше не пытаться.

Дмитрий Васильев
MAEROR TRI:
АРХАИЧЕСКАЯ МУЗЫКА⁵⁰

Музыка перестает быть развлечением, когда от слушателя требуется некоторое усилие, чтобы понять ее смысл.

«Музыкой, превышающей свои полномочия можно назвать произведения многих современных композиторов — от Дьёрдя Лигети и Альфреда Шнитке до Орнетта Колмена и Майлса Дэвиса. В чем же особенность Drone Records, чем принципиально новым хочет поделиться с миром этот маленький бременский эйбл, чье название за несколько лет стало нарицательным для целого пласта музыки 90-х, чьи релизы пользуются неослабевающим вниманием и чья открытость, коммуникабельность и демократичность претендуют на роль символа новой музыкальной эстетики нашего времени? Интересно, прежде всего, освобождение от вечно-го противостояния, попыток создать новое на основе оппозиционного отношения ко всему, что было ранее. Шумовая музыка нового поколения предлагает слушателям вместо следования авторитарному принципу, управляющему индустриальным обществом, искать истину внутри себя, стимулируя воображение мягкой, тихой и созерцательной музыкой. Избегая чрезмерного увлечения радикальным концептуализмом, не давая повода для вымученной улыбки всезнающих эстетов, обходясь без впечатляющей студийной обработки, дрожащие, мерцающие кольца вибрирующего звука

⁵⁰ Из альманаха «Независимая электронная музыка» №4 (2003). Главный редактор Дмитрий Васильев.

рождаются из небытия и начинают свой отсчет безразмерного времени. Подобно «низшим формам музыки», одиннадцатичастной CD-антологии Лос-Анджелесского общества свободного музицирования (LAFMS), релизы Drone Records дают новую качественную оценку первородной энергии звука, лежащей в основе любого самого сложного произведения: «своеобразный неизменный фундамент, универсальность которого объясняется на уровне особенности человеческой психоакустики или, проще говоря, умения слушать. Сам Штефан Кнаппе, шеф Drone Records, называет такую музыку архаической. Вот что он пишет в своей статье «Archaic Music»...

«Самая лучшая музыка создается самой природой, которая также позаботилась и о том, чтобы слух человека мог распознать ее. Это часть нашего мироощущения, алфавит универсального языка, при помощи которого можно описать весь спектр эмоций. Преимущество натурального звука в том, что он позволяет получить доступ к секретным сторонам психики, открывающимся в подобном акте единения с природой. Мне не удалось найти документального подтверждения тому, что такая музыка в действительности когда-то существовала. К типу звука, состоящего из монотонного, сырого гула, из которого вырисовываются циклические структуры загадочного происхождения, не дающего четкого представления о своем содержании и струящегося, словно густая, вязкая, переливающаяся неяркими цветами жидкость, оказались ближе всего музыканты из шумового сектора. В рецензиях на их работы мелькают такие термины, как *death industrial*, *gothic industrial*, *harsh noise*, *industrial ambient*, но мне кажется, что излишнее нагромождение мешает адекватному восприятию, не говоря уж о том, что одновременное сочетание всех этих стилей вообще вряд ли возможно. Поэтому я предлагаю назвать этот доселе безымянный стиль архаической музыкой. Чтобы лучше понять, какую именно музыку я имею в виду, приведу

несколько наиболее ярких примеров: PGR, Illusion Of Safety, The Haters, Arcane Device, The Hafler Trio, а также менее известные, но не менее достойные группы Tam Quam Tabula Rasa, Mohr, Para-Noise— Terminal, Small Cruel Party, Abner Malaty, Big City Orchestra, S*Core, Aube и, конечно же, мои собственные релизы в составе Maeror Tri. Самое лучшее, что я слышал: альбом «The Moon» группы The Drowningbreathing (Audiofile Tapes), альбом «Nubessolitudi» группы Ectoplasmic Embryo Experience (EE Tapes) и первая безымянная кассета Yen Rox. Что же общего между ними? Проще ответить на вопрос о том, чем архаическая музыка отличается от любой другой.

Несмотря на клаустрофобическое, сферическое звучание, архаическая музыка не может являться разновидностью готики по причине отсутствия в ней депрессивных настроений. Страдание, пафос, амбициозность ей также совершенно чужды.

— Внешняя схожесть с индустриально-шумовой музыкой опровергается ее равнодушием к провокации и протесту против всех норм и правил. Шокирующий имидж и революционный запал лежат совсем в другой плоскости от нее.

— Было бы несправедливо называть архаическую музыку новой формой эмбиента, потому что она не подходит на роль фоновой музыки, не может привести в состояние релаксации, так как слишком тяжеловесна.

Архаическая музыка не ставит своей целью передачу определенного душевного состояния или открытую критику современного общества. Она всего лишь служит средством выражения архаической эстетики, скрытой в глубине подсознания. Каждый человек от рождения является носителем этой тонкой материи, но обычно она изначально неразвита и может выявиться только под воздействием внешних стимулов. Как и многие необъяснимые свойства человеческого поведения (интуиция, вдохновение, проницательность), архаическая эстетика является волеизъявлением некой

примордиальной сущности, которую я условно называю архаическим разумом. Мне кажется, что такое знакомое многим чувство, как влечение к природе и тоска по естественным жизненным условиям, может быть выражено в звуке, обладающем мистической красотой природного ландшафта. В нем чувствуется тайна, загадка, способная тронуть сердце любого, кто к нему прислушается. Воображение рисует нам разные картины — водопад, лесной ветер, шум морского прибоя... вечные процессы, сопровождавшие человечество на протяжении всей его эволюции. И в ней был период, когда люди не могли воспринимать никаких других звуков, кроме природных. Они не подчиняются законам классической гармонии, но несут в себе гармонию самой жизни! Если учесть еще и тот факт, что в бесконечном спектре белого шума есть гармоника, совпадающие с собственными частотами микроорганов или оказывающие психоактивное воздействие на подсознательном уровне, то становится ясно, почему так трудно подобрать правильные слова, чтобы объяснить феномен архаической эстетики. Единственный и самый верный способ понять его — стать активным слушателем, глубоко переживать, искать истину в глубине своей души, своего сознания. Для меня же самого этот стиль музыки — мистицизм, ведущий меня по этой жизни».

У человека непосвященного может сразу сложиться впечатление, что вся эта затея смахивает на демонстративное дилетантство. Профессиональный музыкант скажет, что простейший гудящий звук можно извлечь из дешевого гитарного усилителя. Парадоксальным образом имена музыкантов растворяются в их собственных работах, их в буквальном смысле иногда трудно рассмотреть и на обложках. Более-менее известным группам симпатизирует подобная деперсонализация, дающая возможность увидеть их творчество в новом контексте, но встречаются и такие, чьи названия ничего не говорят даже искушенным меломанам-

маньякам, и есть все основания полагать, что вы о них больше никогда не услышите. Штефан основал фирму, имея за плечами многолетний опыт работы с собственной группой Maeror Tri, относящейся к третьей волне индустриальной музыки, история которой уходит корнями в середину 80-х — время возникновения первых групп, расширивших палитру электронной музыки включением фрагментов естественного фона (Cranio-clast, Illusion Of Safety, Zoviet France). Эволюционирование MT было направлено, в первую очередь, на скрещивание шумовой эмбиентной музыки в области оккультных, мистических опытов, связанных с расширением сознания. По прошествии большого периода времени, давшего жизнь массе стилей электронной музыки, мы научились ориентироваться и теперь снова учимся слушать. Наше восприятие обострено многочисленными атональными элементами, которые присутствуют повсюду в виде декоративного оформления и существенно обогащают привычное представление о музыкальной выразительности. В андеграунде аналогичные процессы приобретали гипертрофированный характер, в результате чего появилось проекты, полностью отрицающие тональность. Я не буду здесь касаться преимуществ того или иного подхода к конструированию музыки, но важно понять, что для человека ищущего, творческого может быть ценной любая деталь, находящая отклик в его эмоциональном опыте. В шумовой музыке система критериев качества разрастается необозримым множеством координат и вариантов, что демонстрирует ее бесконечную гибкость и плюралистичность. Некоторые приходят к ней из джаза и чувствуют себя наравне с дилетантами, потому что виртуозное владение инструментом и количество событий в единицу времени здесь не так важно, как в академической музыке. Гораздо интереснее пробудить и развить в слушателе чувствительность к звуку как к таковому, попытаться синхронизировать вибрацию воздуха с волнами, излучаемыми мозгом. В свое время Джон Кейдж требовал от музыкантов

уравнять в правах сознательно воспроизводимые и случайно возникающие звуки, а от слушателя — проявлять к тишине такую же восприимчивость, как и к звуку. В 70-х годах канадский искусствовед Мюррэй Шефер писал, что стирание границ между музыкой и шумами из окружающей среды можно назвать величайшим достижением музыкального развития XX века. Идея не нова, но гигантский скачок в ее воплощении пришелся именно на последние годы. Из-за своего ассоциативного, визуального характера она может преподноситься в виде «кинематографа для ушей» (Жером Нотинжер/Metamkine), «звукового интерьера» (Эрик Сати) или целого исследования. Спектр продукции Drone Records находится где-то между медитативно-тихой, пульсирующе-статичной и шумно-хаотичной музыкой. Штефан подчеркивает, что темное, ритуалистичное звучание релизов означает вовсе не мрачность и депрессивность, как ошибочно полагают некоторые, а возвышенность.

Вращающийся венок из трех лучей, постоянно меняющий окраску и положение, символизирует творческий союз душ трех музыкантов в пространстве изменяющегося сознания.

— Сначала пару слов об истории образования группы.

— МТ появился в 1988 году. До этого наша группа называлась Screaming Corpses, состояла из 4 человек и существовала уже два года. Мы играли индустриально-шумовую музыку, но в какой-то момент поняли, что сильно изменились, и решили изменить стиль музыки. Название состоит из латинских слов и означает «печаль трех». В грамматическом отношении оно составлено неправильно, но звучит неплохо.

— Музыку Маегор Tri нельзя назвать технически сложной, но все же ее восприятие в концертных условиях требует от слушателя повышенного внимания. Как вам удается его достичь?

— Мы дали около сотни концертов, что для группы с экспериментальной сцены достаточно много. До 1990 года мы выступали только в окрестностях Бремена, причем с репертуаром, в котором еще чувствовалась увлеченность рок-музыкой, песнями. Потом характер выступлений стал более свободным, мы могли импровизировать по полчаса, играя что-то похожее на психоделический рок. С 1992 года стали ездить по другим городам Германии и Европы. Мы никогда не репетировали перед концертами, и каждый был волен играть то, что считал нужным, следуя общей атмосфере. Длительность нашего присутствия на сцене все увеличивалась, и в 1995 году в Арнхеме мы играли 12 часов — с полудня до полуночи! Испытание в большей мере для нас, чем для публики. Мы никогда не пытались воспроизвести на концертах материал студийных альбомов, так как его достаточно сложно было приспособить для живого исполнения. Возвращаясь к поставленному вопросу, скажу, что реакция слушателей на концертах бывает очень разной, и мне иногда даже кажется, что от нас зависит не так уж и много, как, например, от технического оснащения клуба. Лучшим был концерт в Турине, который прошел в рамках фестиваля «Altrove» (1996).

— Как вы записываете свои композиции — вместе или каждый работает самостоятельно? Какие инструменты используете, и насколько сложен процесс студийной обработки звука?

— Никакого разделения ролей в группе нет. Музыканты работают соло, объединяют свои усилия для достижения конкретной цели или просто импровизируют вместе. Мы перепробовали все возможные комбинации, и у каждого была возможность поиграть на любом инструменте из нашего арсенала. В последнее время Хельге нравятся перкуссия и флейты. Мартин играет на гитарах, а мне остаются гонг, металлические объекты и пленки. Но это лишь малая часть того, что мы используем. Большинство звуков, которые вы слышите на альбомах, взяты из бытовой техники, под-

ручными средствами. Мы никогда не использовали компьютерный синтез и сэмплеры.

— В чем состоит концепция альбома «Language Of Flame And Sound»?

— Материал альбома был записан еще за несколько лет до его появления (мы планировали выпустить его в 1995 году на другом лейбле, но из-за возникших сложностей задержали выпуск на целый год). Он базируется на разделении ролей полушарий мозга в жизнедеятельности человека. До сих пор этот вопрос остается предметом научных диспутов, но в целом уже все доказано. Мы задались целью записать музыку для стимуляции правого полушария мозга, погрузить его в звуковое поле позитивных волн. Структурированная музыка влияет только на левую половину мозга, которая ее полностью распознает и анализирует. Экспериментальная музыка, подобная нашей, не позволяет расшифровать себя на уровне рационального восприятия. Она должна слушаться интуитивно — только тогда эффект ее воздействия на сознание будет ощутимым. Наше собственное сознание всегда было отправной точкой для нашей музыки; мы считаем, что от сознания зависит все, а музыка способна модифицировать его.

— Кстати, по поводу названий альбомов и треков. Все их объединяет некий научный мистицизм, который подразумевает то, что они предназначены не для среднего ума. Откуда такая претенциозность? Какое отношение все это имеет к музыке? И что означают, к примеру, такие слова, как Myein, Phyein, Saltatrix, Venenum, Hypnobasia. Onoskelis, Desiderium?..

— Да, действительно, научный подход нам очень импонирует. Ведь мы стремимся создавать необычную звуковую биосферу, соответственно, и названия должны быть необычные. Сначала использовали английские слова, но вскоре мы поняли, что это не совсем то, что нужно. Мы обратились к латыни, а потом к греческому и прочим древним европейским языкам. Некоторые

слова имеют множество значений и не могут быть переведены однозначно. Тем не менее, они отражают атмосферу, идею пьесы. Все названия имеют значение, все они не случайны! Например, *Muein* в переводе с греческого означает «созерцание с закрытыми глазами», а также общее обозначение всего мистического. *Phyein* — тоже греческое слово, оно означает рождение и рост. *Saltatrix* — «танцовщица» на латыни. *Venenum* — магический напиток, зелье, а также руины и боль. И так далее...

— **Какая музыка тебе нравится самому?**

В юности я слушал много разной музыки и пытался выбрать из всех стилей лучшее, будь то хардкор, рок, EBM, death-metal или new wave. К тому времени, как я принял решение основать собственный лейбл, мои интересы прочно обосновались в области новой экспериментальной музыки, которая появилась в начале 80-х и обычно ассоциируется с терминами «эмбиент» или «пост-индастриал». В качестве примеров могу назвать The Hafler Trio или Zoviet France — группы, имеющие для меня огромное значение, хотя никогда и не причислявшие свою музыку к индустриальной. Из кассетной сети выделяются Big City Orchestra, мне очень нравится то, что они делали в 80-х. Также существует много групп, музыку которых я называю «архаической»...

— **Как ты относишься к политизированной музыке? Каковы твои политические убеждения?**

— Вообще я далек от политики, но уверен, что политизированной в каком-то смысле можно назвать любую музыку. Если ты слушаешь поп-музыку и покупаешь продукцию коммерческих фирм, значит, ты поддерживаешь капиталистическую промышленность, порабощающую волю миллионов людей. Сейчас реальное положение в политике определяется не столько расстановкой сил правого и левого крыла, сколько капиталистическими интересами и манипуляцией массовым сознанием. Все находится во власти денег, деньги — это бог. В таких условиях экспери-

ментальная музыка и лейблы типа Drone Records — это политический акт без поддержания политической идеи. Мне нравятся многие группы с политической окраской, например, на хардкор-сцене — Fugazi.

— А индустриальные группы, исповедующие откровенно фашистскую идеологию?

— Я не думаю, что их так много, как принято считать. Иногда группы нарочно эксплуатируют избитые индустриальные клише в своем стремлении шокировать, что приводит к непониманию — неясно, где эстетика экстремизма переходит в политические убеждения. Само собой разумеется, я не могу принять человека с фашистскими взглядами и искренне надеюсь, что среди моих знакомых таких людей нет. Фашизм и экспериментальная музыка — вещи несовместимые, потому что открытость, терпимость, расширение сознания, то есть те принципы, на которых строится все музыкальное развитие, вещи, непостижимые для фашистов с их узким кругозором. К слову, некоторые политические акции находят поддержку в моем сердце, например, выступление Фронта освобождения животных. Я знаю, что в числе его активных сторонников находится группа Grey Wolves — многие считают GW фашистами, но на самом деле они анархисты!

— В чем причина распада группы, и чем ее участники занимаются в настоящее время?

— О причинах распада мы не любим говорить, поскольку они затрагивают область личных взаимоотношений музыкантов. Даже в хорошей семье может возникнуть конфликт, и в случае с Maeror Tri получилось именно так. Мы решили, что настал подходящий момент разойтись, пока наши отношения между собой не начали сказываться на музыке.

— Твой нынешний проект, Troim, многими был воспринят как продолжение Maeror Tri, то есть более зрелая версия того, чем ты занимался раньше. Хотя иногда можно услышать и такое мнение, что между старым и новым проектом нет вообще ничего общего. А как на самом деле?

— Trout нам самим представляется более сфокусированным, обладающим более плотным и менее психоделическим звучанием, чем Maeror Tri. К тому же нас теперь только двое, нам стало легче работать. Во времена Maeror Tri мы часто работали сессионно, то есть играли все вместе одновременно и импровизировали. Сейчас мы используем более современную технику, и композиции получаются более структурированными. Я думаю, что все точки зрения, которые ты перечислил, верны в той или иной степени! Некоторые вещи Trout совсем не похожи на Maeror Tri, хотя бы потому, что мы используем другие инструменты (например, балаалайку, которую нам подарили московские друзья в 1998 году). А некоторые вещи действительно звучат как зрелое творчество Maeror Tri. Да, мы действительно изменились за последние годы. Maeror Tri интересовало сознание человека, в то время как Trout интересуется бессознательным. Мы хотим создавать музыку, соприкасающуюся с самыми сокровенными чувствами — не подверженным времени центром личности, который у каждого человека глубоко внутри.

— **Trout в переводе с древнегерманского означает «мечта» или «сон». Почему вы выбрали это название для нового проекта? Вы хотите ввести слушателя в стояние транса, показать ему какой-то призрачный мир? Ведь мечта — это не более чем пассивное состояние, человек словно плывет по течению своих нереализованных фантазий.**

— Да, мы хотим создать условия для транса, и мечта для нас — это символ бессознательного. Точно так же, как в полусонном состоянии, музыка может вплотную подвести нас к очень глубоким, не подвластным разуму областям эмоциональной сферы. Между мечтами и нашей музыкой очень много общего:

— символический, невербальный язык, выявляющий скрытый смысл феноменальных явлений,

— прямая связь с бессознательным,

— динамика и изменчивость, являющаяся эквивалентом качества,

— трансцендентность по отношению к реальности и расширение понятий «душа», «психика» и т.п.

Но мечта еще и сама по себе имеет много аспектов, ее можно рассматривать и как желание изменить реальность. Мы не можем отрицать и ее политическую подоплеку: мечты отражают внутренний мир, но без них невозможно изменить мир внешний. Наша музыка также обладает дуализмом — с одной стороны, в ней явная регрессия, томление по ранним этапам, примитивным началам жизни (океанический хаос, де-субъективизация), а с другой стороны, в ней есть и прогресс, желание превратить реальность во что-то более человеческое, в место, где нам хотелось бы жить. Это своего рода диалектика музыки, потому что она не укладывается в современные понятия о жизни.

— Известно, что вы не используете синтезаторы и компьютеры. Все звуки получаются и обрабатываются вручную — гитары, объекты, эффекты... Почему?

— Это получилось непреднамеренно — мы использовали то, что могли себе позволить. Но потом увидели в этом и другое объяснение: меняется сам процесс работы. В том, как ты обращаешься с инструментом, касаешься его руками, отражается гораздо большее разнообразие эмоций — это совсем не то же самое, что нажимать на кнопки. В этом, я думаю, и состоит особенность так называемого аналогового звука.

— Альбомы MT и Troim часто описываются как музыка древнего, потерянного мира, мрачная и меланхоличная. Куда она ведет? Есть ли у нее какая-то цель, скрытый смысл, философия?

— Никакой определенной философии нет. Архаика — символ тоски по безвозвратно ушедшему прошлому или далекому будущему. Для нас музыка — средство существования в повседневном мире, она пронизывает все наше существо. Troim отражает наш внутренний мир, и мы хотим подключить к нему слушателей, обострить их эмоции — особенно тех, чьи души мучаются и страдают в этой жизни.

— **Последнее творение Troum, трилогия «Tjukugra», обязано своим названием языку австралийских аборигенов. Это своеобразное возвращение к корням и есть ваша главная цель?**

— «Tjukugra» отражает связь между музыкой (песнями), людьми и средой обитания в культуре аборигенов, и одновременно оно обозначает время сна. Нас привлекло это забавное совпадение... Люди связаны между собой музыкой во время сна. Нельзя судить о реальности только по ее внешним проявлениям, которые видны всем, важно видеть структуру, объединяющую их, понимать их значение. «Tjukugra» не означает возврат к корням, мы просто хотели выявить основу звука, экстракт. Это хорошая идея для рефлексии и проявления фантазии. Она имеет мифологическую подоплеку, но в то же время говорит о том, что та реальность, которую мы знаем, не является истинной. Ее можно изменить (и нужно).

— **И все же, почему трилогия? Что означают названия частей?**

— Это части музыки, неотделимые друг от друга. Первая часть («Harmonies») близка к эстетике cold-wave: мелодична, наполнена светлой грустью и напоминает мне Cure, Eyeless In Gaza и даже некоторые группы с 4AD. Вторая часть («Drones») самая мрачная, абстрактная и отражает индустриальную эстетику. Последняя часть («Pulsations») открывает доселе неизвестную сторону Troum. Обычно эти основные элементы смешаны между собой, но мы поставили перед собой задачу сфокусироваться на одном из них. Они также имеют отношение и к пренатальному психоанализу — первому опыту, получаемому в утробе матери: сердцебиение (pulsations), движение внутриматочной жидкости (drones) и голос матери (harmonies).

— **Многие отмечают медитативное воздействие вашей музыки. Как известно, медитация позволяет изменить скорость течения времени, в то же время спиральный логотип Troum символизи-**

рует искажение его линейного развития. Интересно узнать ваше отношение ко времени.

— Музыка извлекает нас из реальности, одним из признаков которой является время. Это словно лекарство от ран, которые наносит кнут времени. Общество отбирает у нас жизнь, постоянно увеличивая ее темп. Иногда нет времени даже на то, чтобы просто подумать! Мы все хотим, чтобы жизнь была медленнее. Наша музыка может создать ощущение бесконечности и «бевремени», отсутствия границ и рамок, полной свободы. В этом состоянии исчезает и любой субъективизм, потому что не существуй никаких других субъектов: каждый равен всем, и все в одном. Мы знаем об этом, но знание спрятано глубоко в душе, в бессознательном. Поэтому это не просто желание замедлить время, но желание оказаться за его пределами! Бесконечность музыки — это подсознательное желание преодолеть конечность любого бытия и грусть о том, что все когда-нибудь кончается.

— Помимо MT и Troum, у тебя еще имеются сольные записи? По крайней мере, я слышал одну на CD-сборнике «Tulpas» (набор из 5 дисков, посвященный бессмертному творчеству Ральфа Веховского, для которого более 50 музыкантов записали свои интерпретации его классических вещей). Ты можешь работать один или обязательно в компании с другими музыкантами?

— Этот трек был записан как раз в тот момент, когда Maeror Tri уже распался, а Troum еще не появился, и он единственный! Если бы предложение поступило чуть позже или раньше, это был бы трек Troum или Maeror Tri. Иногда мы работаем поодиночке, но результат все равно принадлежит группе, потому что он должен быть утвержден другими музыкантами. Но лучше всего, конечно, работать вместе, мы чувствуем, что наш творческий потенциал возрастает, когда наши души сливаются воедино. Это не командная работа, просто мы ощущаем себя братьями, когда работаем вместе. Мы с Мартином просто не представляем, что

могли бы когда-нибудь перестать заниматься музыкой вместе, в этом вся наша жизнь и поэтому мы всегда очень лояльны друг к другу.

— **Можешь ли ты вообразить, что ваша музыка останется неслышанной, как будто бы вы сочиняете ее только для себя? Насколько важна для вас аудитория? Имеет ли значение мнение посторонних людей?**

— Да, было время, когда никто не слышал нашей музыки, потому что мы были никому не известными. Но для нас музыка — естественный процесс, сначала мы делаем ее для себя, а потом для других. Сейчас нашей музыкой интересуются, и нам всегда интересно узнать, что о нас думают другие люди. Это может быть хорошим стимулом, и кроме того, можно найти просто замечательных людей, новых друзей, как мы можем пренебрегать этим? Может быть, в этом и состоит смысл жизни, — найти своих духовных братьев и сестер и продолжать всем вместе творить, пусть хотя бы на этой маргинальной сцене. Английский психоаналитик У.Р. Бйон, говоря о первопричине любых эмоциональных переживаний, определял ее как абсолютную истину, познать которую не может ни один человек. Можно знать о ее существовании, чувствовать близость к ней, даже объединиться с ней, но нельзя быть ей. То, что она существует, — это научный факт, но наука не в состоянии ее открыть. Но ни одно открытие в психоанализе невозможно без нее, так же как и любая эволюция. Так вот я думаю, что музыка может быть носителем этой истины, и вся ее глубина состоит в том, чтобы почувствовать эту связь.

— **У человека, впервые увидевшего релизы Drone Records, возникает вполне естественный вопрос: чем твоя продукция отличается от сотен других лейблов? Ручное изготовление, необычное оформление, цветной винил, ограниченный тираж говорят о том, что для тебя это не просто музыка, а нечто большее. Как ты сам относишься к своей продукции? Можно ли ее отнести к искусству?**

— Мою музыку нельзя рассматривать в рамках формы искусства. Мне вообще не нравится это слово, которым сейчас принято называть все, что продается в Германии на каждом углу. Это просто нелепо: с таким же успехом можно говорить, что искусства вообще не существует. Я воспринимаю музыку как средство отражения мыслей и чувств, один из способов невербального общения, и в этом смысле Drone Records полностью отвечают поставленной задаче. Обложки, сделанные самими музыкантами, — это прямое обращение к тому, с кем они еще не знакомы. Слушатели как бы получают продукт из рук создателя. Мне и самому интересно, как он воспользуется предоставленной свободой. Что касается самой музыки, то для ее определения я предпочитаю термин «non-entertaining music», то есть неразвлекательная музыка.

— Теперь немного подробнее о политике фирмы. По какому принципу подбирается группа для очередного релиза?

— По-разному. Такие группы, как Hitlahabuth, Small Cruel Party и Tam Quam Tabula Rasa были мне знакомы еще по кассетной сети. Когда Drone Records приобрел известность, я стал получать демо-записи от новых групп. Сам я тоже продолжаю налаживать контакты и предлагаю сотрудничество интересным, на мой взгляд, артистам. Никакого четкого принципа отбора не существует, но несколько требований все же есть. Во-первых принимается только эксклюзивный материал (исключение было сделано для Contrastate, включивших материал EP «English Embers» в состав одноименного mCD, освободив меня от переиздания). Во-вторых, это должен быть основной проект музыкантов. И, конечно, не последнюю роль играет мое собственное мнение о качестве музыки, работе со звуком, философии и т.п. Например, для Merzbow или Muslimgauze, которые уже имеют тысячу альбомов и успели отметиться на каждом углу, выпуск еще одного сингла не имеет никакого значения. Гораздо интереснее работать с группами, которые вообще никто не знает, особенно если у

них есть отличительные черты, непохожесть на остальные группы. Noise Maker's Fifes исполняют музыку на самодельных инструментах и отлично смотрятся на концерте, что для групп такого склада — редкость. Vance Orchestra запоминаются очень необычным чувством юмора, с которым подобраны их зацикленные звуки. Франциско Лопес пытается отобразить в звуке подводный мир... Каждый из музыкантов, которые издавались на Drone, создает свое собственное измерение, и слушатель может тоже попасть в него, просто прислушиваясь, почувствовав ауру, исходящую от релиза.

— А почему на Drone выходят только семидюймовки?

— К началу 1993 года, когда я только основал Drone, в музыкальном андеграунде набралось довольно много групп, которые, несмотря на несомненное качество своих работ, были совершенно неизвестны на мировой сцене. Мне хотелось им помочь, но очень скоро я понял, что кассетный лейбл, которым поначалу мне мыслился Drone, совершенно не подходит для этой задачи. Кассетных лейблов было полно, но ни один из них не мог реализовать более сотни копий самого ходового альбома. Винил — это совсем другой уровень, но я постарался перенести на него все преимущества кассетной сети (некоммерческий характер музыки, никакой бизнес-структуры, минимальная дистанция между музыкантом и слушателем, полная независимость лейбла). Если добавить к этому достоинства семидюймовки (дешевизна, простор для оформительского творчества, репрезентативная форма и, самое главное, качество записи), то становится понятно, почему релизы Drone пользуются большим успехом у меломанов. Первые издания (200-250 шт.) расходятся за несколько месяцев, вторых изданий тоже не хватает на всех желающих... Конечно, есть опасения, что половина тиражей пылится в шкафах коллекционеров, собирающих синглы один за другим по инерции. Есть люди, которым не нравятся семидюймовки (один зна-

комый говорил, что он переписывает их на кассету, чтобы можно было слушать, не вставая с дивана), но я уверен, что для экспериментальной музыки это идеальный формат. Есть что-то ритуальное в том, как ты распаковываешь винил, берешь его в руки, смотришь, как он вращается... К тому же не всегда характер музыки позволяет сосредоточиться на ней более чем на 15 минут.

— А как же компакт-диски Maeror Tri? Самый короткий из них длится 55 минут.

— Это как раз тот случай, когда музыке требуется время, чтобы завладеть атмосферой вокруг слушателя. У Maeror Tri всего два сингла, потому что наши работы просто не помещаются в небольшой отрезок времени. Наша музыка требует длительной концентрации внимания, и если слушатель сидит тихо и вслушивается в каждый звук, она сама словно увлакивает его в черную дыру. Но далеко не всякая экспериментальная музыка призвана действовать таким же образом, и многие альбомы кажутся мне слишком затянутыми. Ни один слушатель не выдержит такого длительного напряжения.

— Ты ратуешь за качество звука и в то же время выпускаешь синглы на цветном виниле. Где логика?

— Потеря качества звука на цветном виниле по сравнению с черным настолько мала, что почти незаметна. Другое дело — picture-disc, у которого коэффициент шума на порядок выше.

— Ты говоришь, что не хочешь обслуживать элиту, не приемлешь коммерческий подход к музыке. Почему тогда издаешь синглы таким маленьким ограниченным тиражом?

— Да, действительно, мне бы не хотелось, чтобы Džope встал в один ряд с элитарными лейблами, которые предлагают свою продукцию по таким ценам, что только фанатично настроенные коллекционеры способны ее покупать. Я всеми силами стараюсь снизить стоимость, вплоть до того, что печатаю тираж в Чехии,

где расценки немного ниже, чем в Германии. Я также против подписки и прочих вещей, которые превращают лейбл в подобие закрытого клуба. Единственная причина, по которой я ограничиваю тираж, — предел возможностей музыкантов, которым приходится вручную изготавливать каждую обложку. Величина тиража планируется из предполагаемого количества людей, которых это может интересовать, — 150, 200, 300 человек. Если спрос на какие-то синглы особенно велик, я осуществляю второе издание и обложку для него делаю уже типографским способом. Музыка должна быть услышана! Я часто рассылаю промо-копии и бываю очень рад, когда ди-джеи используют их в своих миксах.

— **А почему тебе не нравится подписка? Ведь под нее можно отвести только часть тиража.**

— Если кто-то просит зарезервировать копии будущих релизов, я никогда не отказываю. Но это бывает нечасто, и к тому же я не считаю, что купившему пару синглов необходимо иметь все остальное. Это дело выбора.

— **Как ты считаешь, индустриальная музыка навсегда ушла в историю?**

— То, что она со временем растворится в других жанрах, было ясно уже давно. Лично мне больше нравятся комплексные, многослойные работы Brume, чем непробиваемая стена шума C.C.C.C. К техно я отношусь достаточно прохладно, но это не означает, что мне не нравится ритмичная музыка. Техно тоже развивается и в своем современном звучании уже не кажется вторичным по отношению к мощным индустриальным ритмам конца 80-х. Такие группы, как Biosphere, FSOL, Locust, Seefeel и Autechre пришли к экспериментальной музыке со стороны техно. Тем не менее, я думаю, что экстремальней индастриала не может быть ничего.

— **А что ждет музыку в будущем?**

— Конечно, я не эксперт в подобных вопросах, но большинство идей, высказываемых на тему музыки

будущего, так или иначе затрагивают эксперименты с поли/мультисенсорным восприятием. Трудно сказать, можно ли продолжать называть их музыкой, но интерес к комбинации звук-запах или к тактильным симуляторам от этого меньше не становится. В области акустики экспериментаторы упираются в пределы границы слухового восприятия, хотя самые смелые из них уже пытаются проникнуть в область инфразвука или воображаемых вибраций на пороге слышимости. В любом случае, будущее за экспериментальной музыкой, и я надеюсь, что Drone будет не последним в этом процессе!

Интервью: Дмитрий Васильев,
май 1999 — сентябрь 2002

Дмитрий Колесник
**DEUTSCH NEPAL: ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР
ИЗ СКАНДИНАВИИ**

Deutsch Nepal — это в некотором роде мусорная корзина моего внутреннего генератора проектов, куда я сбрасываю все личные впечатления, с которыми не могу больше ужиться в этом мире. Способ выражения печальной психоделической музыки.

Lina Der Baby Doll General

190

В 1991 году на никому не известном подразделении Sound Source прославленного шведского лейбла Cold Meat Industry вышла кассета, замеченная многими и оцененная почти мгновенно. Имя ей было «Deflagration of Hell», а название еще пока незнакомо, но очень многообещающего проекта было Deutsch Nepal. Запись была сделана в небольшой студии под названием Gothenburg Space Centre, и автором ее явился человек с эксцентричным псевдонимом Lina Der Baby Doll General, поклонниками и критиками называемый попросту Lina. 200 копий этой кассеты молниеносно разошлись по всей Европе, заставляя погружаться в глубокий, мрачный, гипнотический транс всех счастливых обладателей этого теперь уже раритетного издания одного из выдающегося дарк-эмбиентного проекта (будем условно называть этот стиль так). Кошмарные заклинания «You will see nothing, you will hear nothing, you will be nothing...» действовали на отчаянных слушателей как снотворное, и, проснувшись через пару лет, они с удивлением обнаружили, что кассета уже переиздана на компакт-диске

лейблом Staalplaat. Истоки музыки Deutsch Nepal следуют искать среди личных предпочтений Lina Der General, той музыки, которая его вдохновляет. Говоря о прочих своих жизненных пристрастиях в интервью для «МГ», Лина высказался следующим образом: «Я слушаю все, что не есть рок-музыка. Уже не читаю так много как раньше, но до сих пор нравится Баллард. Из кино я предпочитаю плохие ужастики и научную фантастику 70-х годов, но так же Фассбиндера, Тарковского, Бергмана, Альмодовара, Хэйнса и все, что не является Американским».

Тем временем Lina продолжал работать под именем Deutsch Nepal и готовил новый материал для вышеупомянутого лейбла Cold Meat Industry, расположенного в шведском городке Linköping и основанного где-то в 1987 году культовой пост-индустриальной фигурой Роджером Кармаником (Roger Karmanik). Кстати, рождение на свет Cold Meat Industry послужило поворотным моментом в судьбе Лины, чем-то вроде новой эры в его творчестве, когда открылось множество возможностей для свободной работы над звуковым материалом, у которого к тому же появился шанс быть изданным.

Новый альбом был готов к выходу, и в ноябре 1993 увидел свет второй компакт Deutsch Nepal под названием «Benevolence — Flogging Satan Alive». Сохраняя в себе все концептуальные принадлежности мрачного имиджа Deutsch Nepal, новый релиз все же был более удачным и порадовал аудиторию более разнообразным звучанием. Открывая для себя новые стороны таланта Лины, слушатели не без радушия приветствовали и закрадывающиеся вглубь сознания вокальные, шепчущие что-то сэмплы, завывания адского ветра, облизывающего полярный лед и вообще больше транса и гипноза.

Еще до выхода второго альбома, Deutsch Nepal осуществил свое первое концертное выступление, которое произошло в ноябре 1992 года в Гетеборге (Швеция) в компании с Brainwille и героями тяжелой элек-

троники из Германии Genocide Organ. С тех пор Deutsch Nepal выступал на более чем 50 гигах по всей Европе.

В 1994 году вышел еще один, третий по счету альбом «Tolerance — How the Servant Utilized His Masters». Реализаторами его явились голландцы Staalplaat, сотрудничество с которыми Der General не прекращал никогда, ловко комбинируя его с Cold Meat Industry. Более чистый, натуральный ритмический звук, неприкрытый нойз-эмбиент, даже электроакустика, позволили расширить количество слушателей проекта, привлекая все больше и больше поклонников всевозможных мрачных жанров, а так же наряду с той «нейтральной» аудиторией, увлекающейся *musique concrete*. Примитивизм Лины дошел до самой острой стадии и выразился в более суховатом, резком и терпком звучании.

В это же время Der General активно занимается сайд-проектами и различными коллаборациями. Наибольшую известность завоевал его сайд-проект FROZEN FACES, характеризуемый самим автором как «апокалипсический индастриал». Не лишены интереса проекты Janitor (вместе с Boni из групп Morthound и Hazard) и Bocksholm (вместе с Raison d'être). В том же, 1994 году, Deutsch Nepal в компании с IN SLAUGHTER NATIVES отправляются в турне по Европе и на голландской студии, принадлежащей радиостанции VPRO, в городе Хильверсум записывают совместный сплит-альбом из серии «Mort Aux Vaches». Напомню, что данная серия релизов выходит ограниченным тиражом на лейбле Staalplaat и представляет живьем записанные на VPRO трэки, которые не входят в «штатные» альбомы групп. Такие команды как KAPOTTE MUZIEK, SCANNER, BEQUEEN, ILLUSION OF SAFETY, MAEROR TRI, MERZBOW, AUBE уже оставили свой след для потомков в этой серии, а выход компактос с записями MUSLIMGAUZE, ZOVJET*FRANCE, ETANT DONNES, STILLUPSTEYPA, LOSD, DAVID SHEA, JOHN DUNCAN уже не за горами.

Для выхода четвертого альбома Deutsch Nepal потребовалось около двух лет, в течение которых Лина участвовал во множестве других проектов. Среди них стоит выделить сплит-релиз с PAL, а так же участие Lina Baby Doll в записях команд THE MOON LAY HIDDEN BENEATH A CLOUD и HYBRYDS. Тем не менее, основным событием в жизни Deutsch Nepal был выход в начале 1997 года альбома «Comprendido!.. Time Stop... And World Ending». Абсолютно нигилистический саунд, в общем и целом красивый дарк эмбиент. Оцененный критиками очень по-разному, этот альбом, однако, можно назвать лучшим на текущий момент.

Среди прочих релизов Deutsch Nepal стоит упомянуть о кассетной трилогии, выходящей на лейбле Old Europe Cafe, две части которой уже увидели свет: одна — «Only silence Among the Filthy» в 1994 году и другая — «The Silent Earth» в 1997 году. Третья, заключительная кассета, возможно, появится в конце этого года.

И самое главное — уже вышел в свет абсолютно новый альбом Deutsch Nepal «Erosion», реализованный на лейбле Staalplaat.

У нас имеется великолепная возможность услышать об этом событии из первых рук: «Новый альбом в большей степени отражает мой традиционный саунд. Несколько лет назад я почувствовал, что звучание Deutsch Nepal уходит из под моего контроля, и теперь мне захотелось предпринять кое-какие шаги назад к более грязному саунду, который мне нравился еще долго до Deutsch Nepal. Поэтому все эти звуки я положил в основу последнего альбома на Cold Meat Industry "Comprendido!..", и в то время это было как некое "новое здание на старом фундаменте". Что-то похожее появится и на "Erosion"... сонные вокалы на некоторых трэках... и вообще мне начинает нравиться петь, может быть на будущих дисках будет больше вокала, но сейчас я почти ничего не могу сказать с уверенностью, так как после записи альбома я временно заморозил "Deutsch Nepal".»

Опишите ваши концертные выступления. Какая публика наиболее предпочтительна для вас?

Я люблю фестивали, потому что публика более расслаблена и не сконцентрирована на том, что я делаю на сцене... на обычных гигах вам приходится отвечать на вопросы по поводу концерта в течение нескольких часов до тех пор, пока вы не запретесь в комнате отеля. Но обычно я приглашаю ударника или кого-нибудь, кто помог бы мне с различными устройствами на сцене... кое-какие видео-зарисовки... немного звука...

Как бы вы охарактеризовали шведскую независимую сцену?

Независимости не так уж много здесь с некоторых пор, но меня начинает радовать, что индустриальная, эмбиентная сцена растет и увеличивается количество концертов, печатается больше журнальной продукции, новые лейблы, ну и, конечно, новые группы... Шведская сцена по своим размерам меньше, чем какая-либо еще, потому что Швеция — это маленькая страна, но активности здесь не меньше, чем в Германии или Штатах. Швеция также очень скучная страна, и это заставляет людей зачинать всякие проекты, чтобы просто выжить здесь. Но зарабатывать на музыке все равно невозможно, особенно на такой, которую делаю я.

Чем в таком случае вы занимаетесь помимо музыки?

Большую часть своего времени я провожу в лесу, где у меня есть дом... выпиваю там и общаюсь с животными. Помимо музыки у меня нет никаких занятий.

Что бы вам хотелось выделить из истории вашего становления как музыканта? С чего вообще

все начиналось и каких вершин, вы считаете, вам удалось достичь?

Я начал делать «музыку» потому, что не слышал того, что мне нужно было вокруг, а так же мне казалось, что людям нравится то, что я делаю. Я не видел нужды в музыкальном образовании, звуки, которые я использую, находятся вокруг нас... Я просто подбираю их и обрабатываю, располагаю по-своему. Я думаю, что моим первым музыкальным опытом можно считать случай, когда ребенком я развлекался на свалке родного города, разбивая телевизоры о металлические бочки. Позднее я обзавелся магнитофоном, оснащенным (!) микрофоном (не забывайте, что это были ранние семидесятые). Я и мой друг вдоволь позабавились с этой машиной. Тем не менее, серьезные попытки создать некие звуки, которые хотелось бы послушать как минимум еще раз, я думаю, начались где-то в начале 80-х. Я не знаю, каким образом я пришел к тому, что я есть сейчас, но я уверен, что за время этого путешествия я приобрел довольно значительный, интересный и забавный опыт.

Какой момент можно назвать поворотным в истории Deutsch Nepal?

Я думаю, что рождение Cold Meat Industry можно назвать таким моментом, неким толчком как для меня, так и для всей индустриальной сцены во всем мире.

Какого сорта музыка повлияла на ваше становление как музыканта?

Crass, Throbbing Gristles, SPK, Nico, Genocide Organ, Blood Axis.

А что слушаете сейчас?

В настоящее время я слушаю музыку довольно редко, но я верен, что существуют записи, которые меня бы заинтересовали, например, «The Marble Index» Nico, «The Gospel Of Inhumanity» Blood Axis, «Wolf City» Amon Duul II и так далее.

С кем из музыкантов вам приходилось работать совместно? Кто оставил наиболее интересные впечатления?

Среди моих коллабораций я бы выделил проекты Janitor (вместе с Boni из Morthound/Hazard), Boxholm (вместе с Raison d'Etre). Так же некоторую известность завоевал проект The Moon Lay Hidden Beneath A Cloud и некоторые вещи с Hybryds. Скоро намечен совместный релиз с Albin Julius из The Moon Lay Hidden Beneath A Cloud, но я не знаю пока когда и где.

Какой, по вашему, будет музыка 21 века?

196

Целый век — слишком долгий период для того, что бы думать о музыке... из опыта вы можете видеть, как сильно она меняется за короткий период. Я думаю, будут другие люди, которые будут извлекать абсолютно другие звуки, но корнями их музыка будет уходить к тому, что делаем мы сейчас.

Закончить, я думаю, стоит высказыванием Лины о собственном будущем, сделанном в традиционном для него нигилистическом и заносчивом духе. Возможно, эти слова отражают не столько «состояние души» Лины, сколько внутренние мотивы и настроения его проекта.

Я думаю, что ничего не будет после меня... я не могу ничего представить после МЕНЯ потому, что я есть ВСЕ.

Миша Вербицкий
**НАWKWIND: ЗВУКОВАЯ АТАКА
 ГОРОДСКИХ ПАРТИЗАН,
 ИЛИ ВОИНЫ КОНЦА ВРЕМЕН
 В ПОИСКАХ ГОЛОВЫ
 ЮРИЯ ГАГАРИНА**

Co-pilots of spaceship Earth,
 our oxygen is running out.
 Our fuel is running out.
 Our food is running out.
 Our space is running out.
 Our time is running out.
 Our patience is running out.
 Our love is running out.
 Our blood is running out.
 Our hair is falling out.
 Our teeth are falling out.
 Our times are running out.
 We are all co-pilots of spaceship Earth.
 Your captain is dead.
 Your Captain is speaking.
 Your captain is dead.
 This is your captain speaking.
 Your captain is dead.

197

— Роберт Калверт

В России есть такое популярное выражение арт-рок, относимое критикой и публикой как к монстрам стадионного рока типа Yes, Pink Floyd и King Crimson, как и к культовым группам типа Van der Graaf Generator и Мagma. На Западе слово art-rock обозначает группу дипломников театрального училища, поющих в кабаре песни Бертольда Брехта. То, что в Рос-

сии называют арт-рок, на Западе называют «progressive». Хотя этот жанр музыки вот уже 20 лет никакой не прогрессивный, но название пристало. Будем называть это дело прогрессивом и мы.

Как появился прогрессивный рок? Легко сказать. Был изобретен инструмент по имени меллотрон. Миллион маленьких таких магнитофончиков, каждый играет свою ноту, своим единственным тембром — скрипка там, виолончель, хор, духовые... Оркестр для бедных. Сначала попстеры, вроде как Moody Blues, играли на меллотроне родную им попсу, но не преуспели. Зато меллотрон стал общераспространен. Сразу после этого рокеры с авангардными устремлениями обнаружили, что через меллотрон они смогут деконструировать и субверсировать эстетику классической музыки, уничтожая одновременно каноны рока. Каноны рока они уничтожили в полный рост («Epitaph» с первого альбома King Crimson тому свидетель), но в битве с классической музыкой они были бесславно побеждены: кто отступил на заранее подготовленные позиции, вернувшись к року (Genesis) или металлу (Crimson), а кто был сожран без остатка голодными духами 333-го дна ада (были это персональные пытки Брамса в заточении за издевательства, учиненные над толпами невинных нот и музыкантов). В числе последних — Renaissance, Caravan, Camel, Gentle Giant.

Были, впрочем, прогрессивные группы, и в руки не бравшие меллотрона и совсем уж не ориентированные на классическую музыку. Некоторые пытались преодолеть рок через джаз (Soft Machine); их постигла такая же печальная участь, что и меллотронщиков, с той лишь разницей, что жрали их духи из того дна, где томятся музыканты биг-бэнда. Другие разрушали музыку через авангард или электронику; эти были долговечнее, но их успех — особая статья.

welcome to the oceans in a labeled can
 welcome to the dehydrated lands
 welcome to the south police parade
 welcome to the neo-golden age
 welcome to the days you've made
 you are welcome
 you are welcome
 welcome
 welcome
 you are welcome

— Роберт Калверт, «Welcome to the Future»

Неожиданней всех — группа Hawkwind. Без никаких авангардных и вообще формальных устремлений, на силе кишок, безалаберности и инстинктивного отталкивания от музыкальной индустрии, эта группа создала десятки, если не сотни альбомов, ужасающих своей залихватской неструктурностью и агрессивной такой энергией — альбомов часто безрассудных, часто записанных через пень колоду, и всегда совершенно непредсказуемых.

Прогрессив, примерно как трилогия Толкина в мире профессиональной литературы, традиционно ненавидим критиками, остепененными музыкантами и прочими ценителями и эстетам. Hawkwind — одна из немногих «прогрессивных» групп удостоившихся какой-либо популярности среди критиков андерграунда. В толстенном (30 тысяч альбомов) Trouser Press Record Guide (библии альтернативных/андерграундных дискографий) упоминается от силы десятков прогрессивных групп. Есть Van der Graaf (это потому что Джонни Роттен обожал Хемулеский «Nadir's Big Chance»), Gong (потому что анархисты), Crimson (потому что «Exposure» и «League of Gentlemen»), Roxy Music (потому что Eno), и Peter Gabriel (потому что в Greenpisse весь). Все эти с неполными дискографиями, разве что альбомов по пять — а у Хаммиля так и вообще один. С полными же дискографиями только Can и Roxy Music.

Вот зато на Hawkwind дается дискография на две страницы размером альбомов в 70 (и это, кстати, не всё). Так что Hawkwind — это вроде бронтозавра андерграунда. Обыкновенно их сравнивают с Grateful Dead: по влиянию, по культовой репутации и по страсти к ЛСД это группы несомненно близкие. Но по части музыки делать такое сравнение могут только люди, которые или того, или другого не слушали. История у Hawkwind, впрочем, весьма похожа на Dead: то же 30 лет непрерывного существования, та же структура группы, похожей скорее на семейство, и та же склонность к 5-часовым концертам (только в отличие от Dead у Hawkwind концерты были большей частью бесплатные, потому что анархисты).

Задолго до Секс Пистолз с их призывом к гражданской войне и анархии Hawkwind выпустил песню «Urban Guerilla» («Городской партизан»), тоже попавшую в хиты, и тоже запрещенную в масс медиа:

 200

I'm an urban guerilla
 I make bombs in my cellar
 I'm a derelict dweller
 I'm a potential killer

Вообще, в image у Hawkwind бол'she общего с байкерами и металлистами, чем с обожравшимися сладкого диабетными детьми цветов из Grateful Dead — недаром Лемми Килмистер, основатель и вождь Motorhead, много лет играл на басу в Hawkwind, и даже название Motorhead взял из одноименной песни, сочиненной им для Hawkwind. По звучанию, впрочем, Hawkwind никак не Моторхед — Hawkwind скорее ближе к Флойду Меддле-вского периода, к Гонгу и Amon Duul II. Недаром, кстати, Гонг, Hawkwind и Амон Дуул II часто менялись музыкантами.

Еще, в отличие от всех прогрессивных групп (и вообще западного рока — кроме, может быть, Throbbing Gristle и групп WSD), Hawkwind был группа, закрученная на литературе. В составе и на концертах часто

присутствовал писатель Майкл Муркок, фантаст, критик и поэт, весьма неортодоксального толка. Определял image сторонник патафизики и поклонник Эзры Паунда Роберт Калверт (Robert Calvert), бывший одним из основных членов группы, который не пел, не играл, а был поэт из Южной Африки. Калверт сочинял тексты и песни, читал стихи со сцены. Муркок написал трилогию («The Time of the Hawklords»), где всеми героями выступают музыканты из Хоуквинда, а Hawkwind в свою очередь сочиняли альбомы по его романам: «Warrior at the Edge of Time», «Chronicle of the Black Sword»...

Впрочем, с трилогией дело не очень чисто — сам Муркок от нее отказывается (она издана его редактором), а по слухам, во втором и третьем томах уж и правда больше от редактора, и они плохие. Уместна ли категория «плохие» в применении к романам Муркока? Ponder ponder...

Hawkwind менял состав каждый месяц или два, но ядро его было в общем постоянное на протяжении 70-х: Килмистер, Калверт, Nik Turner, Simon House. И конечно, всевластный диктатор: Dave Brock, вокалист и гитарист, лично ответственный за добрую половину выхода. Сейчас из этого ядра остался один Брок.

Роберт Калверт умер в 1988, от сердца.

Часть музыкантов из Хоуквинда перебралась в Штаты и записывается на Клеопатре, которая очень тепло к Хоуквинду относится и выпускает Хоуквиндовские компиляции (в этом Хоуквинд сродни Chrome; Впрочем, и по звучанию Chrome — ближайший сосед Хоуквинда). На выпущенной Джenezисом П-Орриджем пластинке (2 CD) «Space Rock Compilation» масса Hawkwind'a, а в сольных проектах Ника Турнера Дж. П-О — один из главных музыкантов.

В Англии сейчас, на волне возросшего интереса к ЛСД, Hawkwind дико популярен. Появилась целая тусовка пара-прогрессивных музыкантов типа Ozric Tentacles и Gorky's Zygotic Mynci, играющих нечто среднее между Hawkwind, Soft Machine и Gong. Все

они выступают с Hawkwind'ом на концертах. Hawkwind продолжает выпускать альбомы: одних официальных альбомов у них порядка 30 или 40, а еще есть бутлеги, концертники, сольники и компиляции — штук 140 всего. Муркок тоже ящик CD со solo выпустил недавно. В общем, целый зоопарк. Мой любимый альбом Hawkwind — концертник «Bring Me the Head of Yuri Gagarin», особенно хороший тем, что кроме разнообразного и ритмичного шума и общего такого пофигизма ничего разобрать там нельзя вообще — индустриальная музыка за 10 лет до. Впрочем, в книге Dave Thompson'a «Industrial Revolution» Hawkwind упоминается как один из родоначальников, вместе с Флойдом и Can. Еще из альбомов Hawkwind мне нравится «Hall of the Mountain Grill», хотя из 100 пластинок и не выберешь.

В общем, если вы любите анархию и считаете, что искусство должно быть политически ангажировано, а хиппи должен умереть как и жил — под кустом, увешанный волосами; или если вы любите патафизику Альфреда Жарри, мистику Эзры Паунда и романы про обреченных альбиносов, мечи, руны и несговорчивых богов Хаоса; или если вам просто по*уй — добро пожаловать в Silver Machine.

SILVER MACHINE
Robert Calvert, 1972

I just took a ride
in a silver machine
and I'm still feeling mean
I got a silver machine

Do you want to ride
see yourself going by
other side of the sky
Well I got a silver machine

It flies sideways through time
It's an electric line
To your Zodiac sign

It flies out of a dream
It's anti-septically clean
You're gonna know where I've been
In my silver machine

polaroid

Вадим Климов

ДОНАЛЬД ТРАМП, ИЛИ АМЕРИКАНСКОЕ САМОЛЮБОВАНИЕ

04.02.2025

Всё-таки до чего похабное омерзение вызвала глобалистская власть американской демократической партии первертов и циничных коррупционеров со слабоумным Байденом во главе, раз все, и Россия прежде всего, с такими наивными надеждами ждала возвращения полоумного Трампа.

Дональд Трамп в роли очередного президента США напоминает бешеную собаку, лающую и рычащую сразу во всех направлениях. Александр Дугин в своей ненависти к леволиберальным атлантистам дошел до безумной идеи, что избрание этой озверевшей псины — величайшее событие в истории человечества.

Вероятно, следующим величайшим событием станет избрание президентом мира гигиенического тампона для трансгендерных мужчин, управляемого искусственным интеллектом со спутников Илона Маска.

Всё-таки надежды и чаяния человека слишком бестактно его обнажают. Нельзя в таком виде появляться на людях. Нельзя.

21.03.2025

Мало кто знает, что когда-то Нобелевская премия не ограничивалась пятью номинациями (по физике, химии, физиологии или медицине, литературе и пре-

мией мира), была еще и шестая номинация — премия за исключительную деликатность.

В 1947 году эту премию в первый и последний раз присудили собаке по кличке Оркестро. Это был уже немолодой бездомный кобель, который никогда не имел хозяев и никогда не испражнялся прилюдно. Оркестро всегда делился пищей с другими собаками, а иногда и с людьми, оказавшимися в бедственном положении. Он не причинил вреда ни одному живому существу, даже когда сам становился жертвой агрессии.

Андре Жид, лауреат Нобелевской премии по литературе того же, 1947-го, года сказал в своей нобелевской речи: «Если существует такой пес, как Оркестро, то вся моя жизнь и все мои труды были бессмысленны». Он хотел отдать свою награду Оркестро, но Нобелевский комитет не позволил так поступить французскому писателю.

Все более отчетливо оформляется консенсуальное мнение западных элит о возобновлении шестой нобелевской номинации. Под занавес 2025 года премию за исключительную деликатность собираются присудить Владимиру Зеленскому.

Все это время лидер цивилизованной демократии целился в премию мира, но получит он что-то другое, хотя и не менее достойное. Премию мира, по всей видимости, получит президент Западного полушария Дональд Трамп.

Словом, все действующие лица, кроме отрицательных героев, останутся довольны. А публика будет рупкоплексать. Браво! Браво! Браво!

05.04.2025

Красивое замыкание западной пропаганды, презентующей себя всему цивилизованному человечеству как образец свободы, чистоты и правды.

Один чиновник Евросоюза внезапно возразил Дональду Трампу: мол, зачем вы требуете от европейских

стран повысить взносы в бюджет НАТО с 2 до 5% (в два с половиной раза), если считаете, что Россия не собирается на нас нападать?

Действительно, как так, мистер Трамп?

А не вы ли, европейские господа, уже столько лет трубите из всех труб об агрессивной России, с которой вам обязательно придется воевать? Не вы ли сами увеличиваете свои военные расходы? Не вы ли убеждаете в неизбежности столкновения с Россией со дня на день... примерно в 2030 году? Не вы ли со всем своим европейским упорством готовитесь к этому сражению?

Вот вам и ответ. И не надо пенять на двусмысленность в стиле Эшера. Если вы сами заврались так, что уже не отличаете реальность от своего горячего бреда. Запад бредит так, что его бред застилает не только реальность, но ополчается сам на себя.

Бредовые волны накатывают друг на друга. И еще неизвестно, какая разновидность бредовой реальности одержит верх над остальными.

206

18.04.2025

В следующий свой приезд в Белый Дом Владимир Зеленский привезет Дональду Трампу в подарок клюшку украинского хоккеиста Александра Овечкина. Затем начнет перебивать и хамить участникам переговоров и его снова выбросят в форточку обратно на Украину. А еще спустя пару часов выяснится, что клюшка не Овечкина, это вообще клюшка не хоккейная, а для поло. Украина — одно сплошное о-ло-ло.

11.05.2025

Не так страшна война, как попытка примирения с теми, кто эту войну подготовил, активно поддерживал и на протяжении всего ее хода безапелляционно отвергал любую остановку военных действий, кроме как после тотального поражения России.

Наблюдая бессмысленную стрекотню клоунов и кретинов, исполняющих обязанности лидеров демократий, всех этих зеленских, трампов, улыбчивый европейский крольчатник, вспоминается выражение «взбесившийся принтер».

Когда-то еще не сбежавшая отечественная либерота окрестила так Госдуму, которая стала принимать не нравящиеся либероте законы. К счастью, мнение либероты к тому моменту уже мало кого волновало. А уж ее словоупотребительские таланты и подавно.

Однако если вы действительно хотите воочию насладиться работой взбесившегося принтера, то она перед вами — переговоры зеленских, трампов и еврокрольчатника по поводу перемирия. Что забавно, этим недоумкам даже не приходит в голову, что договариваться нужно не друг с другом, а с Россией.

Печатай дальше, принтер.

14.05.2025

На самой заре второго пришествия Дональда Трампа философ Александр Дугин успел написать и издать книгу, этому пришествию посвященную: «Революция Дональда Трампа. Порядок Великих Держав» (Академический проект, 2025).

Мне совсем не близки восторги Дугина, я придерживаюсь предельно скептического взгляда на пошлого американского болтуна. Но нельзя не обратить внимания на следующую деталь.

Не только Александр Дугин, но и многие другие твердят о некоей религиозности нового руководства. Даже госсекретарь Марко Рубио выходил в прямой эфир с крестом на лбу, как такой человек может совершать греховные дела...

Удивительно. Ведь совсем недавно мы наблюдали улыбчивого католика Джо Байдена, который встречался с папой римским. Ладно, это не в счет: у Байдена сын — наркоман. Поэтому откатимся немного назад.

Джордж Буш младший, избранный президентом США от Республиканской партии и проработавший на этом посту два срока, развязавший две войны (в Афганистане и Ираке), каждое заседание правительства начинал с молитвы. Еще раз: КАЖДОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Буш младший даже как-то процитировал бывшего президента Вудро Вильсона (1913-1921): «Америка обладает особой духовной силой, предназначенной для освобождения рода человеческого, чему не может способствовать ни одна другая нация».

Так в чем же революция Дональда Трампа? В том, что он бесстрашно объявил, что существует только два пола — Трамп и прочие?

26.06.2025

208

В начале второго курса я купил в совсем непрезентабельном книжном магазинчике, напоминающем киоск, книгу «Конкретная математика». Это учебник около 800 страниц трех авторов: Рональда Л. Грэхема, Дональда Эрвина Кнута и Орена Паташника.

К слову, Дональд Эрвин Кнут — автор религиозно почитаемой трехтомной монографии 1968 года «Искусство программирования». Которую мы, студенты мехмата, пытались раздобыть всеми правдами и неправдами. Но рубеж тысячелетий такой возможности нам не предоставил.

«Конкретная математика» пыталась соединить в себе функционал двух подходов — континуальной и дискретной математики. Это не просто разные концепты, они антагонистичны. Примерно как пытаться сушить белье надо льдом или загорать в подвале.

А тут я вдруг наткнулся на забавную сентенцию в трансляции Александра Дугина: «Но та беззгливость к сфере мышления, идей, тот бытовой материализм, который доминирует в наших слишком «чисто конкретных» элитах, не позволяет им взглянуть дальше своего носа». Александр Дугин любит привлекать функцио-

нальный язык, далекий от гуманитарного. Но вот насколько он понимает его, пока неизвестно.

Честно говоря, мне вообще не понятно, как автор книги «Революция Дональда Трампа», вышедшей буквально через 20 секунд после избрания полоумного бизнесмена, с тем же апломбом рассказывает, что ждет нас в ближайшем будущем.

Со своей стороны я бы хотел поинтересоваться у Александра Дугина, имеет ли смысл сдавать его книгу на макулатуру сейчас или лучше подождать более финансово выигрышного момента. Конкретная математика, как она есть. Или, более осязаемо, бухгалтерский учет.

26.08.2025

Я привык, что крупные дела улаживаются легко и быстро, а мелкие — хлопотно и долго. Это дело хоть и крупное, но хлопотное. И я устал от вас, от вашего существования. Устал желать вам добра, желать спасения. И зачем только вы живете? Ах, люди, весьма досадные препятствия. Я готов принять неустранимость реки или горы. Но бедная, слабая тварь, из плоти и нервов, которая неизвестно как и прямо-то держится... Вся моя постройка рухнула. Я черпал решетом. А ведь верно, зачем же длиться моим делам, когда меня уже не будет в мире? Ослабла тетива ума. Написанное мною прежде мне непонятно, я шепчу: «Кто автор? Что он сказать хотел?» Что прежде я знал — то позабыл. Я умираю, и мне кажется, что ничего не сделано, все в том же виде, как в год моего двадцатилетия. Разжались пальцы, все ускользает...

*Дональд Трамп придворному шуту, который
больше не веселит*



10.10.2025

210

Если бы у Нобелевского комитета была хоть капелька чувства юмора и щепотка независимости, он бы присудил премию мира в этом году Джо Байдену, сделавшему для достижения мира гораздо больше, нежели несмешной шоумен Дональд Трамп. Но, как писал Венедикт Ерофеев ещё полвека назад: «Нобелевский комитет во всем ошибается». Ошибется и в этот раз.

22.10.2025

Когда-то давно, в позапрошлой жизни, один человек рассказал мне об одном психоаналитике, кажется, это был Уилфред Бион, который считал психику человека настолько пластичной, что даже не делал никаких записей во время сеансов. Это было ни к чему: через несколько дней придет уже новый пациент, хоть и с теми же документами, к которому твои записи никакого отношения не имеют.

Не ручаюсь за достоверность этой информации, хотя знакомый и имел отношение к психоанализу. Бо-

лее того, рассказано это было с таким восторгом, на который способен разве что неофит или полный дилетант. Для меня же подобная практика как раз и демонстрирует всю ущербность психоанализа, этой псевдонаучной чепухи, в которой у двух психоаналитиков семь мнений по любому вопросу.

Однако даже подобную практику можно задействовать в анализе происходящего в мире. Подход Биона великолепно подходит к рассмотрению современной западной политической сцены и ее фронтмена Дональда Трампа. Я называю это сценой, так как публичная политика теперь представляет собой что-то среднее между эстрадой и КВН. Даже Владимир Зеленский при частичном приходе в сознание сюда легко встроился и мало чем отличается от любого представителя евробюрократии.

Однако главной звездой остается Дональд Трамп. Таким полоумным кретинизмом, абсолютно непоследовательным, лживым, хвастливым и примитивным, кажется, не может похвастаться больше никто. Разве что та обезьяна, которую выбрали президентом Аргентины, но это скрипка дальнего хутора, которую мало кто услышит.

Американского президента критикуют за то, что сегодня он может озвучить одну позицию, а завтра противоположную. Но Дональд Трамп гораздо радикальнее подобных наблюдений. Этот пошлый, безвкусный торгаш умудряется в одном предложении высказывать взаимоисключающие суждения. Какая-то плохо настроенная нейросеть, генерирующая бессвязный бред с кучей повторов и противоречий.

Это и есть идеальный пациент Уилфреда Биона. И по совместительству лидер свободного мира.

03.11.2025

Наблюдая стремительно уходящую под воду Атлантиду Запада с его беспрецедентным суицидальным апломбом, который он всеми силами пытается навязать

остальному миру, казалось удивительным, неужели с той стороны не осталось никого в здравом уме.

А ведь и правда, как можно было выбрать всех этих байденов, трампов, макронов и т.п.? Размалеванных самовлюбленных клоунов с навязчивыми самоубийственными идеями, которые они распространяют с индивидуального уровня на целые страны.

Новая нормальность в виде медикаментозного солипсизма COVID-19, ЛГБТ, легализация наркотиков, проституции, эвтаназии, любых перверсий; феминизм, квадроберы, смена пола, вовлечение детей в сексуальные одиссеи и пр., пр., пр...

Отдельные вменяемые персонажи еще остались, но их влияние ничтожно, а с введением культуры отмены, и вовсе обнулено.

И тут вдруг, совершенно неожиданно, внезапно, начинают доноситься голоса разумных деятелей культуры, талантливо высмеивающих этот смертельный культ Запада, который он так долго заставлял делать всех остальных, а вышло так, что делает и почти уже сделал его сам.

Недавно я прочитал толстенный роман великолепного голливудского сценариста и режиссера Чарли Кауфмана «Муравечество». Казалось бы, Голливуд давно утонул в глобалистской повестке и живет амфибией на дне мирового океана.

Оказывается, не совсем так.

«Муравечество» — чертовски остроумное препарирование плоской мифологии толерантности со всеми ее иллюзиями, противоречиями, истерикой и нетерпимостью. Выстрел в упор из самого сердца фабрики по производству постчеловечества. Взрыв на производстве.

Прошло совсем немного времени, и я посмотрел новый фильм Ари Астера «Эддингтон» («Eddington», 2025). Совсем еще юный по режиссерским меркам американец наглядно показал всю ущербность системы управления в США. Она беспрестанно дает сбои, а в кризисные моменты просто норовит развалиться.

Пандемия COVID-19, Black Life Matters, Make America Great Again и прочие приблуды буквально ввергают Соединенные Штаты в кровавый хаос анархии, бессмысленную гражданскую войну, активистский терроризм...

Так было всегда, но теперь этот процесс окончательно вышел из берегов, о чем и свидетельствуют лучшие представители киноиндустрии, выпрыгнувшие из круга парализующего страха Cancel Culture.

«То, во что вы превратили западную цивилизацию, не достойно жалости и должно быть уничтожено», — говорят они, слегка маскируя свои заявления под абсурдистский гротеск и черный юмор постмодернизма.

STOP THE MODERN WORLD!

09.12.2025

Очевидно, политический язык ангажирован. Это значит, что одни и те же слова в разных лагерях имеют разное значение. Этим обусловлена такая отчаянная невозможность понять друг друга представителям разных убеждений. А как утверждал Жан-Люк Годар: все есть политика.

Мы не только не можем понять украинцев, но и русских, поддерживающих Украину. Не могли же и они вместе с дрессируемыми тридцать лет украинцами так ментально деградировать. Мы точно так же не понимаем либеральный Запад, причем как глобалистскую Европу, так и шоуменов вроде Дональда Трампа, норовящих сделать Америку снова великой.

Когда мы говорим о мире на Украине, мы имеем в виду совершенно не то, что имеют в виду глобалисты, украинцы или даже Трамп. Мир для российского руководства связан с безопасностью: отодвиганием НАТО, демилитаризацией Украины и ее нейтральный статус.

Но неужели не очевидно, что западники под миром имеют в виду совсем другое?

И так с любым политически окрашенным понятием. Толерантность для либерала это терпимость к любым его недостаткам, которые он воспринимает как особенности, но не его терпимость к вам. Свобода для Запада — это свобода Запада делать все, что он считает нужным, но не свобода всего остального мира поступать в соответствии со своими представлениями.

Свобода слова распространяется только на либеральные СМИ. А Вольтер с пресловутым «Я не согласен ни с одним вашим словом, но готов умереть за ваше право это говорить» давно мертв.

Либералы опознают друг друга по использованию основных понятий в правильном, то есть либеральном, значении. Если кто-то требует толерантности ко всему вообще, на него смотрят, как на туповатого селянина в музее современного искусства, ищущего реалистичной живописи и не разделяющего новых культурных ориентиров.

Важно это понимать, чтобы не пускаться в бессмысленные споры со свободными людьми, смотрящими на вас как на идиота.

Никита Пашков
**ЮРИЙ МАМЛЕЕВ:
АНАТОМИЯ БЕЗДНЫ
В ПОДВАЛЕ РУССКОЙ ДУШИ**

Иные, изнеженные современным «литературным процессом» — этим бледным симулякром подлинной драмы человеческого духа, — склонны видеть в Юрии Мамлееве лишь некий курьез, эпатажного мистика, этакого «черного шута» от русской словесности. Они, наскоро проштудировав пару абзацев, брезгливо отворачиваются, морщась от «неподобающей» натуралистичности, от «чрезмерного» погружения в патологии, в те самые гнойники бытия, что принято прикрывать фиговым листком просвещенного гуманизма.

Но для тех, кто осмелился заглянуть глубже — мимо наносной шелухи «жанра» и «стиля» — Юрий Мамлеев предстает не просто писателем. Он, если угодно, экзегет бездны, картограф тех потаенных маршрутов духа, что пролегают за кромкой привычной нам, уютной, по-мещански обустроенной реальности. Поэтика его рассказов — это не виртуозная игра слов, не архитектурное плетение сложных метафор, нет. Это поэтика скальпеля, предельно точного и холодного инструмента, которым он препарирует тело мира, вскрывая его подноготную, его гниющий, но порой и жутко прекрасный, метафизический нуар.

Что же составляет сердцевину этой Мамлеевской поэтики слов? Прежде всего, это метафизический реализм, доведенный до абсолюта. Не бытовой реализм, не социальный, и даже не магический. Мамлеевские

герои существуют не столько в координатах пространства и времени, сколько в вечном, запредельном измерении. Их «Москва» — это не столица, а чистилище; их «квартиры» — это не жилплощадь, а камеры, где разыгрываются мистерии безумия, святости и inferнального падения. Каждая деталь быта, каждый затхлый запах, каждая гримаса на лице — это не просто деталь, это символ, сквозь который просвечивает изнанка бытия, его истинное, нелицеприятное лицо. Мамлеев не описывает реальность — он продирается сквозь нее к той сердцевине, что пульсирует под слоями социальной мишуры.

Далее, это эстетика предельности. У Мамлеева нет полутонов. Если боль — то нестерпимая, если наслаждение — то на грани гибели, если пошлость — то всеенского масштаба, если святость — то уродливая, юродливая, выворачивающая душу наизнанку. Его персонажи — не психологические этюды, не социальные срезы. Это скорее ретрансляторы, узлы, через которые пробивается чистая, неразбавленная метафизика. Отсюда и их зачастую карикатурность, их гротеск. Они не «живут», они существуют для того, чтобы явить миру какую-то предельную истину, облеченную в плоть отвратительного или возвышенного. «Внутренний человек», этот фантом, столь призрачный в современном мире, у Мамлеева предстает во всей своей жуткой, а порой и божественной наготе.

Язык Мамлеева — еще один парадокс. Он кажется простым, даже примитивным на первый взгляд. Короткие, рубленые фразы, отсутствие изысканных эпитетов. Но эта простота обманчива. Это — простота пророка, а не журналиста. Каждое слово здесь — гвоздь, вбиваемый в ткань повествования, чтобы закрепить очередную явленную мерзость или откровение. Эта лаконичность сродни хирургической точности: никакой лишней крови, никаких ненужных «красивостей». Только самое существенное, только самое шокирующее, только самое правдивое. Он создает эффект «чистого взгляда», когда читатель оказывается

один на один с обнаженной истиной, без авторских комментариев, без морализаторства, без попыток смягчить удар. И в этом — сила, ибо нет ничего страшнее, чем лицедреть бездну без посредников.

Поэтика Мамлеева — это, в конечном итоге, поэтика эсхатологии, поэтика последних вопросов. Он задает их бескомпромиссно, без стеснения. Что есть смерть? Что есть Бог? Что есть человек, когда с него сдернуты все цивилизационные покровы? Его тексты — это не развлечение, это вызов, это инициация. Они не «нравятся» или «не нравятся» — они происходят с читателем. Он — тот, кто не побоялся заглянуть под обветшалый ковер русской души, под бетонные плиты советского быта, под глянцевую обложку западного мира, и найти там пульсирующую, живую, хоть и жуткую, метафизическую реальность.

Потому-то и корчатся в брезгливой гримасе те, кто привык к стерильным симулякрам вместо подлинных переживаний, кто ищет в искусстве лишь уютный наркоз или инструкцию по «саморазвитию». Эти эстетизирующие лакеи духа, откормленные на смузи из «постгуманизма» и «новой этики», пасуют перед мамлеевской анатомией. Им невыносим этот запах разложения и святости, этот скрежет сдвигающихся тектонических плит сознания. Они предпочитают аккуратненькие, вылизанные тексты, где боль — это лишь повод для катарсиса на страницах глянцевого журнала, а безумие — стильная декорация для очередного кинофестивального полотна. Мамлеев же, без сантиментов, отрывает гнойные повязки, обнажая пульсирующую плоть, из которой то сочатся яды, то бьют ключом родники прозрений. Его книги — не психотерапия для расшатанных неврозов, а скорее электрошок для спящей, омертвевшей души, способный либо разбудить её к чудовищной новой жизни, либо окончательно спалить.

И вот в эпоху, когда литература превратилась в су-дорожный пиар-проект, в набор «инфоповодов» и «медийных персон»; когда всякий, кто способен нанизать

пару модных слов и уловить текущий тренд, объявляется «голосом поколения» — Мамлеев стоит особняком, как гранитный монумент на пустыре. Его не впишешь в «тренды», его не продашь на книжных ярмарках, где торжествует суррогат и этикетка. Он не успокаивает, не развлекает, не даёт рецептов для счастливой жизни. Он ставит перед фактом — перед экзистенциальным тупиком человеческого существования, из которого есть только два выхода: либо окончательное слияние с бездной и растворение в ней, либо обретение через неё своего подлинного, невыносимого величия. И в этом его абсолютная, порой чудовищная, но всегда честная ценность. Он не врачует симптомы — он предлагает ампутацию души ради шанса на воскрешение. И те, кто смеет читать его, кто не побоялся заглянуть в этот подвал, уже никогда не смогут вернуться в уютную, но лживую тюрьму привычного мира. Они обречены видеть, слышать и знать то, что большинству дано лишь под страхом смертного греха. И это знание — одновременно проклятие и последняя, страшная благодать.

Вадим Климов
МОЯ ПОДРУГА — ФЕМИНИСТКА

Что привнес в нашу жизнь феминизм? В старом, патриархальном мире считалось: ничего страшного, если алкоголик, импотент и тунеядец — зато муж хороший. Феминизм разорвал эту шовинистическую логику и изгнал таких мужей из приличного женского общества.

Вадим Климов, из раннего

В детстве и подростковом возрасте я не представлял себе общение со вторым полом. Не то что женитьбы, опутывающей вас стальными прутьями, но хотя бы приятельских отношений с этими недалекими, требовательными, истеричными созданиями с влажными, быстро увядающими лицами.

До поры до времени такая межгендерная коммуникация (или ее отсутствие) меня полностью устраивала. Но природа предусмотрела коварную ловушку — наступает такой момент, когда самки перестают быть агрессивным, припадочными и обращаются в смазливых любвеобильных спутниц.

Это необходимо для соединения полов. Затем приходит время семьи, где прирученная самка постепенно перерождается обратно в опасного истерика, но менее явного (в зависимости от культурных особенностей).

Семья — это ржавчина, разъедающая здоровый союз. И тут появляется феминизм, преодолевающий природный казус агрегации полов. Феминизм возвращает нас обратно в детство. Можно больше не засматриваться на второй пол, он снова отталкивает нас сво-

ей приземленностью, претенциозностью, глупостью и несдержанностью.

Гендерное равноправие, снимающее половые различия и, как следствие, прекращающее обоюдное приращивание, отбирает у человека гетеросексуальность. В этом его главная заслуга. Грандиозная победа социального над животным, культуры над природой.

Известная европейская сказка в век феминизма претерпевает новую редакцию. Отныне она называется «Красавец и чудовище». Причем заканчивается сказка плохо. Чудовище не превращается обратно в принцессу или хотя бы в удобоваримую версию женщины.

Феминизм не оставляет чудовищу такой возможности. Красавец обречен. Он никогда не обретет вторую половину. Скорее всего, даже наоборот — лишится своего мужского достоинства. Красавцу оно не так уж и нужно, зато необходимо чудовищу.

Мы, первый пол, приветствуем феминизм (от осторожных интеллигентских рефлексий до самых карикатурных форм кликушества), чтобы продлить свое детство. А невыносимые феминистки пусть спорят до самой старости, кто из них фашист, а кто — мужланская собака.

Представьте, что в вашем городе появился сервис-хранилище с грузчиками второго пола. Дабы избежать устоявшихся коннотаций, они называются муверками (по всей видимости, от английского move).

Устроители сервиса — люди современные и прогрессивные, они знают о существовании клиентов, которым неприятно пускать домой вонючих, неопрятных, сквернословящих мужчин, а грузчиков второго пола они пускают без всякого отращения. Это совсем не сексизм — разумеется! — здесь совсем другое.

Не бывает неженской работы, поэтому новые работницы называются муверками!

Вспоминается анекдот про сантехника, который ныряет в канализационный люк и просит стажера подать то один ключ, то другой. Наконец, сантехник вылезает весь в дерьме и отечески хлопает юнца по плечу: учись, а то всю жизнь ключи подавать будешь.

Вот и новое завоевание феминизма, скажем так, отдает не совсем благопристойными запахами... С кем бы еще добиться равноправия?

Советский социализм освободил труд, привязав население к рабочему станку и введя уголовную ответственность за тунеядство. А феминизм показал, что при отсутствии минимальной рефлексии можно даже не работать — вы и так свободны (если вы человек второго пола и одновременно феминистка).

— Мама, хочу быть муверкой, — говорит Барби, если ее перевернуть вниз головой.

Излюбленное занятие избирателей — выбрать своих представителей во властные власти, а потом нещадно заклевывать их до состояния полного расчеловечивания. В тоталитарных режимах подобное называют нацизмом, в демократических — политической культурой.

Недавно такая политическая культура вышла из берегов и затопила сопредельные территории. В том числе и женщин, которым наконец открылось, что их тысячелетиями угнетали и насиловали откровенные мерзавцы, узурпаторы, манипуляторы, то есть мужчины.

Из сложившегося положения нашли два выхода: уравнивать мерзавцев в правах с женщинами или отказывать мерзавцам в праве на существование и обходиться без них. Оба подхода называются феминизмом. И тот и другой сходятся в том, что сексуальные утехы следует радикально пересмотреть.

Секс, который до сих пор существовал между мужчиной и женщиной, является насилием в чистом виде.

Ведь, даже соглашаясь участвовать в этом действии, женщина (за деньги или так, по любви) все равно выступает в роли жертвы, объекта, безликой вещи.

Которая отныне может в любой момент заявить, что не соглашалась на соитие. Спустя день, месяц или тридцать лет — без разницы — у преступлений против человечности нет срока давности. И оправданий.

Подобная возможность (избрать, а потом третировать объект выбора) и есть эктазия политической культуры на прилегающие территории. Вселенная расширяется, а значит, политическая культура достигнет самых укромных ее уголков, даже эмансипированное женское лоно.

Долой тиранов!

Феминизм есть данность, с которой бессмысленно бороться, он пробьется без всякого вашего одобрения. Вот и моя подруга обнаружила свои феминистские интенции, сделав недавно предметом обсуждения, как мне кажется, общие места взаимоотношения полов.

Эти темы, действительно, могут казаться банальными, но для феминисток они имеют первостепенное значение. И с этим, увы, приходится считаться.

Так как мы с этим будем считаться?

Важнейшее значение обрели феминитивы (насилственно образованная женская форма от устоявшейся мужской: авторка, соплелужка, специалистка). Редакция журнала «Опустошитель» даже разработала приложение для смартфонов, позволяющее слышать гендерно-корректную речь за счет добавления недостающих звуков.

То есть вы ловите собеседника в видоискатель, и приложение, анализируя речь, достраивает ее до безупречной. Очень удобно. Не менее продуктивно приложение работает с текстом, добавляя забытые буквы к нужным словам. Здесь все особы женского по-

ла — редакторки, наркоманки и учительки, а не их усеченный мускулистый вариант.

Дальше: проблема идиотизма. Дело в том, что, даже будучи женщиной и феминисткой, можно оставаться идиоткой. Феминизм, к сожалению, не добавляет ни унции к вашему интеллекту. Поэтому большая часть полемики сводится к неправильно сформулированным вопросам, рыхлой аргументации и прочим прелестям расслабленного сознания.

С этим наше приложение (которое, кстати, называется “Феминитивка”, его можно скачать на Google Play) не работает, здесь придется изворачиваться самим. Моя, упомянутая ранее подруга, считает язык репрессивной системой, навязывающей определенные паттерны мышления и поведения. Нужно говорить правильно, чтобы мыслить и поступать правильно.

Что забавно, впервые в популярной культуре я познакомился с этой идеей в текстах Уильяма Берроуза. Который, будучи гомосексуалом и наркоманом, никогда не стеснялся употреблять слова вроде ‘пидор’ и ‘наркольша’. Вдобавок, Берроуз был активным женоненавистником.

И конечно здорово, что его дискурс перенимают политически-корректные оппоненты вроде феминисток, неуклюже приспособливающие его под свои нужды. Берроуз выступает здесь мужским божеством, с которого берут пример все остальные. Тело без органов и его пиявки.

И наконец третий аспект феминизма. Он наиболее общий и выходит далеко за рамки темы, однако мы рассмотрим его преломление, сужение. Когда-то я наткнулся на распыленного политического блогера, который гордо признавался, что был прав во всех ключевых вопросах. Это продемонстрировало время, которое, как известно, лучший арбитр.

Блогер противопоставлял себя более известным персонажам, которые, в отличие от него, ошибались. А он не ошибся ровным счетом нигде. Тогда я подумал, что нередко ошибочное мнение любопытнее

правильного. Просто потому, что искажение исходит от интересного человека, а прямая, «правильная» трансляция — от ничем не примечательного блогера.

Мне безумно любопытны любые заблуждения, если они исходят от сложных людей. И здесь нет никаких ограничений. Содержание может настолько увлекать, что становится безразлична его сердцевина.

Какая, в сущности, разница, между Мисимой и Юнгером, Лениным и Троцким, Соланас и Виттиг, если они настолько завладевают вашим вниманием. Остается только слушать, забыв о категориях корректности и истинности.

В добавление к сказанному... В той области, где я мог бы считаться профессионалом, то есть в математике, вопросы корректности задвигаются на задний план, когда дело касается «открытия».

Что имеется в виду?

Открытие есть мистическое прозрение, никак не выводимое из той суммы знаний, которой мы располагаем. Это озарение. Математик озвучивает нечто настолько дикое, что у слушателей сохнут и отваливаются уши. Они в замешательстве.

Однако, если это настоящее открытие, а не обычная таинственная чепуха, спустя годы коллеги ученого выстраивают к нему мостики обоснования. Пользуясь тем языком (областью математики), к которому привыкли.

Так, нечто запредельное, трансцендентное присовокупляется к массе знаний, в которой мы копошимся исключительно тавтологиями, единственной формой корректного перехода от одной мысли к другой.

Хочу верить, что феминизм, пока выраженный в одежки идиотизма, станет такой областью, оторванной от суммы наших знаний. Со временем он превратится в ее составную часть. И чем радикальнее феминизм станет манифестировать себя, тем интереснее будет наблюдать за его вторжением.

Не вижу в этом ничего дурного.

Однако... Однако... Посмотрим, что из этого выйдет.

Но все это в будущем... Предполагаемом будущем.

А что же мы имеем сейчас?

Это легко и наглядно пояснить на примере болтливости. Почему женщины в массе словоохотливее мужчин? Причем до самых карикатурных проявлений.

Если не копать в одиозных биологических различиях, мы быстро найдем ответ в культуре. Второй пол несколько известных истории тысячелетий вытесняется из социума на сопредельные территории, связанные с обслуживанием первого пола.

Мужчины, особенно неразвитые интеллектуально, не превозносят слова, многословие. Они ориентируются на поступки и достижения, а не интенции. Поэтому для них одинаково чужды болтливые женщины, так называемые эксперты на ТВ, философы, писатели и прочие гуманитарии.

У женщины, впихнутой в этот социальный скелет, сконструированный мужчинами, не остается ничего другого, как использовать свою «мягкую силу», обнаруживающую себя в бесконечной говорильне.

Она ведет себя так с мужем, в семье, с подругами и наконец везде. Второй пол принимает условия игры и, как может, пытается воплотиться в вербальном пространстве, которым большинство деятельных мужчин пренебрегают.

Женщина — это в лучшем случае помощница, второй пол. В худшем: сексуальный объект и (или) домохозяйка. Это цивилизационная интенция, с которой человечество живет уже несколько тысяч лет.

Что же остается женщине в таком мире, построенном на мужских правилах?

Ничего.

То есть ничего из того, что предлагает им феминистский активизм.

Прежде всего оставаться женщинами. Но не в феминистской интерпретации второго пола, а артикулируя свои достоинства, отсутствующие у мужчин. Выкарабкиваться из культурной ямы, в которую они угодили посредством становления человечества.

Отбрасывая дешевые плюсы вроде болтливости, сентиментальности и ранимости, но не для того, чтобы превратиться в упрощенную версию мужчину, а развивая собственные преимущества, недоступные большинству первого пола: интуицию, мягкость, чувственность, эстетичность и многие другие.

И уж точно не вести войну на поражение с мужчинами.

Это и будет настоящим феминизмом, а не то варварское переформатирование второго пола в первый пол с отсеканием всего, что не укладывается в его табель о рангах. Женщина-ампутант не становится мужчиной так же, как кастрированный мужчина не превращается в женщину.

Так называемые феминитивы тоже могли бы найти употребление в институциональном языке. Либеральный зверинец пытается убедить всех остальных, что пол — всего лишь биологическая случайность, а гендер — социальный конструкт, который отныне эмансипированный индивид не намерен примерять на себя под давлением общества, а будет выбирать сам.

Но если это освободившееся существо считает возможным выбирать гендер по собственному усмотрению, то почему бы не делать этого и всем остальным в его отношении — выбирать его гендер по своему усмотрению.

Феминитивы, указывающие на профессиональное или социальное положение носителя, отныне можно использовать, чтобы обозначать его прогрессистский настрой. Теперь авторками, редакторками и режиссерками станут не только биологические женщины из

новой нормальности, а вообще все граждане дивного нового мира.

Какая разница, мужчина ты или женщина, это всего лишь биологическая случайность, анатомический пустяк — по сравнению с социальной гендерной идентификацией. Если ты видишь себя мужчиной, это еще не повод заставлять других видеть в тебе то же самое. С этого момента ты и есть феминитивка.

Эдуард Лимонов
КАПИТАЛИЗМ — ДИТЯ СИФИЛИСА⁵¹

Итак, коммунизм как доктрина зародился в средневековых оргиастических сектах, проповедовавших общность имущества и жен. Капитализм же родился из пуританского аскетизма. Он — дитя сифилиса на самом деле.

Вспомним Лютера. Мартин Лютер прибывает к двери церкви (еще католической) свои тезисы. 1517 год. Лютер обвиняет католическую церковь в недостаточной суровости, в коррупции, в частности, в продаже индульгенций. Это критика с позиций аскетизма. Мюнцер — ученый-интеллектуал примыкает к Лютеру в 1519 году. Но вместе они не удерживаются, потому что у них разные критики католической церкви. У Лютера ясно какая, а Мюнцер не хочет ничего реформировать, его доктрина: избранные должны силой оружия очистить дорогу для Нового Пришествия. Каждый сам себе Бог, все общее. Понятно, что Лютер назвал войско Мюнцера «воровской бандой». Они прямо противоположны.

Это Лютер, не покушавшийся на средневековый социум, может считаться настоящим предтечей и первым пророком капитализма. Протестанты и пуритане, все они вышли из его 94 тезисов. Именно аскетическая крайность, аскеты-экстремисты создали капитализм. Об этом хорошо и доказательно писал Макс Вебер в книгах «Пуританская этика» и «Протестантские секты и дух капитализма». Суть идеи Вебера сводится к тому, что новая пуританская этика обостренной семейственности, чистоты нравов, неустанного труда,

⁵¹ Из книги «Другая Россия» (Ультра.Культура, 2003).

накопительства, нерасточительства, того, что протестанты разрешили себе давать капиталы в рост (до сих пор церковь запрещала эту активность), создали возможности для появления капитала и деловой активности. Известны экономические успехи французских протестантов — гугенотов (и их несчастья: изгнание из Франции и пр.). Известны экономические успехи английских пуритан: первая промышленная революция произошла в Англии. Известны и политические успехи английских протестантов-пуритан. (Пуритане — движение за очистку английской церкви. Английские пуритане приобрели огромное влияние в Великобритании во время Гражданской войны 1640—1660 годов, когда Парламент воевал с королями Чарлзом I — его казнили — и Чарлзом II. Тогда Оливер Кромвель, пуританин, стал главой английской армии и Лордом Хранителем в 1653 году.) Пуритане же были первыми поселенцами Северной Америки, где они образовали теократические коммуны-поселения и в конце концов создали свое государство: Соединенные Штаты Америки, капиталистическое государство *par excellence*. Соединенные Штаты Америки и сегодня флагман капитализма. Под нажимом пуританской этики был создан современный мир — мир оборота производства и потребления.

Все это известно далеко не всем гражданам мира, но самые пытливые знают. Неизвестно лишь, почему именно в 1517 году Лютер выступил со своими аскетическими призывами к реформации. Что, именно к этому году его достала католическая церковь? А почему не позже, или не раньше?

Ответ прост. Именно к этому времени сифилис добрался из испанских и португальских портов, куда его завезли матросы Колумба (из Америки! точнее с острова Тринидад) в 1498—1500 годах. Не спеша (тогда ведь путешествовали неспешно, верхом и в каретах, да и очень немного людей путешествовали), у болезни уходило по 15—20 лет на страну, сифилис стал пересекать Европу. Расцвет пуританских настроений и сект

в Европе приходится аккуратно на XVI век, аккуратно на время эпидемии сифилиса в Европе. Отсюда семейственность: общение с одним сексуальным партнером и строгие кары за ослушание, речь-то шла о жизни, ведь лечить сифилис научились только уже в начале XX века! Отсюда семьи ушли в труд, в накопительство, ведь загуляешь, выпьешь, а тут и девки пропащие, и сифилис, и нос провалился. Короче, идеалы ежедневной жизни стали другими. Не все прямо так, в лоб, «сифилис!» и перепуганный Мартин Лютер бежит вешать тезисы на дверь церкви. Но если посмотреть внимательно географическую карту, то от оживленных голландских портов до этой самой церкви и ее дверей — рукой подать.

Перепуганные сифилисом протестанты ужесточили свои нравы, тогда и родился культ труда. Парадоксально, но получается, что ярмо труда во имя производства, под которым задыхается современный мир, породила и стимулировала венерическая болезнь! Пуританство — законнорожденное дитя венерической болезни!

Мы, современники AIDS, только что были свидетелями — в середине 90-х годов — влияния эпидемии AIDS (СПИД) на моральный облик Соединенных Штатов Америки. Я прожил в Соединенных Штатах всю вторую половину 70-х годов и могу свидетельствовать: нравы были такие легкие, что make love с первым попавшимся объектом было так же просто, как воды напиться. Наркотики циркулировали свободно, их предлагали на улицах и в квартирах друзей. Когда я после большого перерыва в десять лет прилетел в 1990 году в Соединенные Штаты из Франции, я нашел совсем другую страну: сдержанную, холодную, распространены были идеи New Christians (новых христиан), а девушки с железной волей настаивали на длительных знакомствах, серьезных намерениях и употреблении презервативов. AIDS внушал ужас, 70-е годы рассматривались обществом как стыдные и кощунственные времена Содомы и Гоморры. Больных AIDS хоронили тихо.

Можно себе представить, какой ужас и паника царили в Европе XVI века, когда туда вторгся сифилис, если в конце XX века другая венерическая болезнь, — AIDS — принесла мифический ужас в отношения людей! Ведь то была еще совсем неразвитая Европа, медицинское обслуживание отсутствовало, людей сжигали еще на кострах. Как же они перепугались! Понятно, что были тогда эпидемии холеры, чумы. Но эпидемия венерической болезни — это бич божий втройне, он касается еще и деторождения. По свидетельствам современников ужас перед сифилисом был неопиcуемый. И даже в конце XIX, начале XX века ужас оставался, лечили ртутью, не вылечивали, заболевания скрывали. На рубеже XIX и XX веков сифилис сделался болезнью интеллектуалов. Сифилисом, якобы, страдали Ницше и Уайлд, от сифилиса умер Лотрек. Напрашивается параллель с AIDS, но параллель наоборот, поскольку AIDS появилась как болезнь интеллектуалов, вышла из узкого круга нью-йоркско-парижских высоко рафинированных гомосексуальных кругов, а уже потом стала популярной, ушла в народ. От AIDS впрочем успели умереть такие корифеи, как Мишель Фуке, Рудольф Нуриев и многие другие.

Происхождение сифилиса и AIDS таинственно и по всей вероятности связано со скотоложством. Если об AIDS говорят (помимо того, что это вирус, рожденный в лабораториях CIA), что вирус передан человеку от зеленой обезьяны в недрах Африки, то еще более правдоподобно происхождение сифилиса от тринидадских коз. Индейцы острова Тринидад в момент, когда их посетили корабли Колумба, имели в обычае, уходя на долгое время выпасать своих коз на горные плато, совокупляться, в случае надобности с этими же козами, так как жены их оставались далеко в деревне. Возвращаясь с пастбищ, индейцы совокуплялись с женами, но видимого ущерба ни индейцам, ни женам этот нечистоплотный обычай не приносил. А вот слабые матросы Колумба, совокупившись с женами индейцев, привезли в Европу сифилис. Так что пури-

танская этика, а с нею и капитализм, вышли из влагилиц тринидадских коз. Это не гипотеза, юноши и девушки, это абсолютная историческая (но плохо известная) правда.

Перепуганные триумфальным шествием сифилиса по Европе пуритане позднее, уже в XVII веке, выселились в Северную Америку, на историческую, так сказать, родину сифилиса (ну не совсем, конечно, Тринидад — остров между двумя Америками). Принято считать, что европейцы отправили в Америку как бы избыток своего населения. Это только отчасти правда, но именно сифилис гнал протестантов-пуритан прочь от зараженной Европы. Мюнстерское восстание, — как бы бунт плоти во время чумы, замечу, было последней известной нам вспышкой активности оргиастических сект. Ужасная реальность сифилитической Европы, зараженной девы, проваленные носы — все это уже сточило, очистило нравы. Идея обобществления женщин уже не казалась такой уж привлекательной. Позднее Маркс сделал привлекательным капитал. Хорошо бы проследить, не связано ли и появление запретительных пуританских сект иудаизма — таких, как «любавичи», например, в Польше и Белоруссии, с прибытием туда сифилиса. Болезнь добиралась туда от иберийских портов наверное более столетия. К сожалению, из следственного изолятора ФСБ России проводить подобные изыскания невозможно. Но я уверен, что связь есть.

В Северной Америке аскеты-протестанты основали государство на принципах труда, добродетели и накопительства: Соединенные Штаты Америки. Сами себя они стали называть WASP, эта аббревиатура расшифровывается как: white anglo-saxon protestant. А уж Соединенные Штаты сумели навязать культ труда всему остальному миру. Одни народы более способны к трудообожанию, другие — менее способны, однако все мы вынуждены крутиться как белки в колесе, производя, производя... И печалюсь по поводу низкого валового дохода государства, и ликуя, если он вдруг

повысился. А все из-за сифилиса. Возможно, если бы сифилис не появился в Европе, она состояла бы сейчас из конгломерата оргиастических коммун, подобных мюнстерской? Но этого не случилось, и следующим интересным экспериментом по изменению мира была уже Французская революция 1789 года.

Французская революция, будучи-таки действительно буржуазной, все же сменила календарь, отсчитывала время от самой себя, некоторые названия месяцев, брюмер — когда туманы — или плювиоз — месяц дождей — мне нравятся, они поэтичны и трагичны. Однако французы, несмотря на своих якобинцев (от зала при церкви Святого Жакова, Якова, где они собирались), остались в самое революционное время все же в традиционных рамках в том, что касалось собственности и семьи. Самые крутые были, конечно, ребята, собравшиеся вокруг Максимилиана Робеспьера, он сам, его брат, и его ближайшие сподвижники Сен-Жюст и Камилл Демулен. У Робеспьера была попытка основать новую гражданскую религию, он даже был провозглашен ее пророком и святым, но не успел развернуть дело. 28 июня 1794 года голова Максимилиана Мари Исидора Робеспьера свалилась в корзинку гильотины. В Париже в Музее архивов, он находится на пересечении rue des Archives и rue Rambuteau (совсем рядом — напротив в доме 54 по rue des Archives помещалась моя первая в Париже квартира-студия), я однажды посетил выставку документов эпохи Французской революции. Там я впервые увидел подпись Робеспьера. Она поразительна: рыжая, запутанная в клубок как колючая проволока, она вдруг обрывалась далеко вниз, в нескольких случаях даже на десять-пятнадцать сантиметров. Обыкновенно подпись стояла под списком фамилий людей, приговоренных к обезглавливанию. Сама подпись, можно сказать, представляла как бы зарисовку падения головы в корзину гильотины. Более трагической и поразительной подписи я никогда не видел, ни до, ни после. Подпись предвосхитила и собственную судьбу Робеспьера, и могла

бы служить символическим изображением годов Революционного Террора. Были радикальные попытки переделать жизнь общества у основоположников анархизма французов Фурье и Сен-Симона. Была разработана теория «фаланстеров», коммун, в которых на новых совершенно началах должны были жить свободные мужчины и женщины. Известно, что такие коммуны были основаны в Соединенных Штатах (если не ошибаюсь, на юге в штате Луизиана) и в России, на Волге (у писателя Лескова даже есть удивительный роман на эту тему) в восьмидесятые годы XIX века. К сожалению, я мало знаю о фурьеристах, сенсимонистах и фаланстерах, а серьезное исследование на эту тему в следственном изоляторе не представляется возможным, потому обойду тему стороной, лишь упомянув.

И в России радикализм политический развивался совместно с радикализмом экономическим и радикализмом в отношениях полов. Уже упомянутая не раз работа Эткинда «Хлыст» отлично показывает один из аспектов этого процесса. Разумеется, г-н Эткин — демократ и либерал, и его собственный вкус окрашивает его оценки радикальных попыток переустройства общества во враждебные тона. Однако он проделал большую работу, и его книга объясняет многое, в частности, какие далеко не только марксистские корни были у русской революции 1917 года, но и корни сектантские. Неудивительно, что мечтая о революции нравов, об уничтожении семьи, к большевикам присоединились такие свободные женщины, как Инесса Арманд, блудная дочь генерала Домонтовича Саша Коллонтай, или Лариса Рейснер. Правда, вскоре после прихода к власти, большевики, увы, отказались от многих радикальных идей раннего большевизма, в том числе и от желания (лучше всего его теоретически выразила А.Коллонтай в своих работах) — разрушить семью и создать общество свободной любви. А тут еще и ранняя смерть вождя Ленина положила конец многим экспериментам в области собственности и семьи. Ни-

каких обобществлений жен и имущества так и не произошло. Новые формы общественной жизни созданы не были. Тут, конечно, сыграла роль и сама личность сменившего Ленина на посту вождя кавказца Сталина-Джугашвили. Будучи, как сейчас говорят, по происхождению «чуркой», Сталин, разумеется, был более патриархален и реакционен, и его вкусы напрямую отразились на модели общества, которое он навязал России. Постреволюционная Россия была принуждена жить по дореволюционному адату. Опять.

Чтобы воистину сломать и воистину построить, нужно будет следовать Дольчино, адамитам, Мюнцеру и Джону Лейденскому, а не Сталину. Русская революция вообще многих своих целей не достигла, провалилась во многом. Но об этом уместно говорить уже в следующей лекции.

Ален де Бенуа
РЕЛИГИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА⁵²

На вопрос, как получилось так, что столь многие представители сравнительно различных идеологий смогли сойтись на понятии «прав человека», один из членов той комиссии, которая была уполномочена разработать Всеобщую декларацию прав человека, решение о принятии которой было принято ООН в 1948 году, ответил так, что действительно согласие вокруг этого понятия существует, при условии, однако, что никто не задаёт вопрос «почему».

236

Очевидно, очень красиво говорить, что «у всех людей есть права» или что «все люди обладают равным достоинством». Но что точно означают эти слова? На основе какого факта у людей есть права? О каком именно человеке говорится? Что такое «равное достоинство»? На эти вопросы нам хотелось бы дать ответ.

Идеология прав человека основывается на четырёх догматах веры: вере в единство человеческого рода и в моральное значение этого единства; вере в существование некоей «человеческой личности», не зависящей от конкретных признаков каждого конкретного индивидуума; вере в «человеческую природу», дающей основание для «естественного права»; наконец, вере в приоритет индивидуума над органическими и историческими общностями, такими, как культуры, народы и нации.

Первая вера считает само собой разумеющимся и доказанным, «что каждый в отдельности взятый чело-

⁵² 1988. Перевод с немецкого И.Н. Синиченко. Печатается по сборнику «Европейская идентичность. 30 лет семинара Туле» (Тотенбург, 2018).

век является членом неповторимого, преобладающего вида животных, хомо сапиенс (человек разумный), что, однако, этот биологический факт также включает в себя и моральные последствия». Единство человеческого рода должно пониматься здесь в смысле равноценности. Человечество якобы является достаточно «гомогенным», чтобы все индивидуумы могли считаться совершенно равноценными — так что фиксируемые среди людей различия должны были бы рассматриваться в качестве поверхностных, второстепенных или временных явлений.

Как ясное познание, это воззрение является относительно новым: с полным основанием Мишель Фуко указывает на то, что «человек — это изобретение, новейшую дату которого открыто показывает археология нашего мышления». Но у самого этого утверждения долгая история.

«Представление о человеке является библейским», — утверждает профессор Бландин Барре-Крижель. Именно Библия впервые вывела на мировую сцену для самого начала времён единственного человека (или единственный человеческий род), который был создан так же неповторимым Богом. «Если еврей думает о первых мгновениях человечества, — пишут Йоси Эйзенберг и Арман Абекасси, — он стихийно ставит в его исходном пункте единственного предка. Почему? Так как он определённо хочет подчеркивать равенство людей на уровне в духовном плане мучающих его ценностей, и он отводит его к первоначальному единству... к единству человека, но также и к единству человеческого рода. Наши раввины говорят: Бог создал человечество из единственного человека хотя бы потому, чтобы никто не мог сказать: мой предок был старше твоего». К этому они добавляют: «Все люди в этом отношении равны, так как они были созданы одним и тем же Богом... Бог создал единственного человека, чтобы не вызвать веру, что могло бы быть много богов. Единственность человека свидетельствует таким образом о единственности Бога».

Основывающаяся на моногуманизме (единстве человечества) религия прав человека с самого начала находится в связи, по-видимому, с эгалитаризмом и с монотеизмом. Библейское мышление также потому моногуманистично и генетично, потому что оно — монотеистично. Это навязчивое представление о равенстве, господство применяемого в качестве идеи-фикс «моноса»: все люди совершенно равны перед Иеговой.

Эти утверждения, на наш взгляд, необоснованны. Для древних не существовало понятия просто «человека». Были только люди: греки, римляне, варвары, патриции, рабы и т.д. В XVIII веке Эдмунд Бёрк в его критике революционного мышления согласился с этой установкой. Почти в то же время Жозеф де Местр писал: «В мире нет никакого человека. В своей жизни я видел, среди прочего, французов, итальянцев, русских. Я знаю даже, благодаря Монтескьё, что можно быть персом: но, что касается человека, то он никогда ещё мне не встречался». Мы можем и дальше в разговоре в общем смысле говорить о человеке — в единственном числе. Однако речь идёт при этом лишь об удобстве речи, об абстракции, которая основывается в конечном счёте на восприятии определённого количества отдельных людей. Мы можем высказаться только о правах людей. Мы знаем об основных правах русских, афганцев, поляков, но также и о народах, которые находятся под властью американского империализма. Однако об абстрактных правах человека как такового мы ничего не знаем — и ничего также не можем знать. «Универсального человека» не существует.

Существует, однако, зоологическое единство человеческого рода; в строгом смысле биологический вид «человек» составляет «человечество». Однако такое понятие обладает чисто биологическим значением. Но мы не думаем, что человек может определять свою сущность на основе своих биологических признаков. Мы скорее считаем, что то специфическое в человеке,

т.е. что на чём основывается и что составляет «человека как человека», исходит из культуры и истории.

Человек — это не только животное: он определяет себя не только на основе своей видовой принадлежности. Из всех животных он — одно единственное, которое рассматривается через эту принадлежность. Человек — это культурное существо. Однако на культурном уровне не существует образца для всего человечества. Исторически культуры всегда развиваются в большом количестве. В культурном чисто человеческом смысле говорить о «человечестве» не означает ничего другого, как сводить культуру к природе, упрощать историю до биологии. Весьма примечательно, что приверженцы идеологии прав человека подпадают как раз под этот биологический «редукционизм», когда они выводят моральные заповеди из обстоятельства, связанного только с зоологией.

Впрочем, понятие «вид» или «порода» само по себе временное: селективный процесс приспособления вызывает полиморфизм, который со временем может всегда привести к новым видам. И, прежде всего, мы сомневаемся, что этот термин вообще является подобающим — в применении к человеку. Когда у человека «культурное наследование» (Жак Рюффи) сменяет генетическое, то мы можем разделить то представление, что именно в пределах человеческих культур продолжается та же дифференциация, которая происходит у остальных видов исключительно на биологическом уровне. Вид *хомо сапиенс*, подчеркивает Эдмунд Лич, мог бы рассматриваться в качестве единства только при условии, что скрещивания происходят без какого-либо культурного принуждения. Это, само собой разумеется, не так. «Вследствие своих культурных сдерживающих факторов люди все вместе и всюду в мире ведут себя так, как будто бы они являются членами многочисленных различных видов».

Второе убеждение, на котором основывается идеология прав человека, а именно, вера в существование некоей «человеческой личности», приводит к тому, что

утверждает неотчуждаемую сущность существо индивидума, не зависящее от всех его признаков. «Общее качество человека, которое охватывает все остальные и образует их единство», пишет Анри Аран, «это его качество-как-личности». Это «качество» основывается на «абсолютном и божественном» элементе, которое проявляется в разуме. «Когда разум поднимает человека над его тесной индивидуальностью, он открывает его пониманию мир принципов, законов, вечных идей, хорошего и правильного». Всеобщая декларация прав человека утверждает со своей стороны, что все люди «обладают разумом» (статья 1). То же самое понимание демонстрировал ещё Фома Аквинский.

Эти утверждения просто бессмысленны в действительности. С одной стороны, личность нельзя отделить от того, что её образует, то есть от качеств и признаков каждого конкретного человека. Следовательно, понять её можно только дифференцированно, исходя из данной формы. С другой стороны, личность и индивидум нельзя путать друг с другом. Не все индивидумы могут также являться «личностями». И, наконец, ничего не даёт права считать, что разум у всех людей был распределён равномерно. «Мир принципов» может существовать только субъективно. А «вечные идеи» существуют в столь же малой степени, как «Хорошее» или «Правильное» само по себе.

«Быть личностью», пишет Юлиус Эвола, «это не унифицированное или равномерно распределенное качество, не достоинство, розданное всем поровну, которое автоматически достаётся индивидуму лишь потому, что он принадлежит к биологическому виду “человек”. “Достоинство человеческой личности”, о котором с таким шумом говорят сторонники естественного права и либералы, должно узнаваться — со всем, что оно включает в себя — там, где оно действительно существует, а не у первого встречного. И там, где оно вообще существует, его нельзя рассматривать во всех случаях как одинаковое. Оно обнаруживает различные фазы, и справедливость состоит в том, чтобы присуж-

дать каждой из этих фаз разное право, разную свободу... Вне этих рамок уважение человеческой личности — это, в общем, только суеверие».

Вера в какое-то «естественное право» происходит последовательно от утверждения о существовании абстрактной «человеческой» личности. Это представление, согласно которому, существует право, присущее человеку «от его природы и исходящее от проявляющегося в его разуме божественного принципа». В этом мы видим, что идеология прав человека — натуралистическая. От Фомы Аквинского (*Summa theologica*, 1265–73) до Клода Леви-Стросса (*Droit naturel et histoire*, 1954) эта идеология предполагает, что существовало или может существовать некое «природное состояние» человека. И целью общества является либо восстановить это состояние (Руссо) либо создать его (Локк). Это убеждение связывает классическое иудео-христианство, которое верит в «природный порядок», с современным рационализмом, который использует в качестве своих аргументов якобы «объективные» факты и якобы «универсальные» законы.

Все эти понятия «природного порядка», «естественного права», «человеческой природы» и т.п. и без того не однозначны сами по себе, так как и о природе можно иметь самые разные представления. Для Калликла, Гоббса и Руссо «естественное состояние» означает отнюдь не одно и то же! Представляет ли оно собой военное положение или мирное положение? Состояние справедливости или несправедливости? Пуффендорф разбирал эти вопросы в своей дискуссии с Гоббсом.

Мы не будем здесь на них отвечать; мы хотели бы лишь напомнить о том, что человек, по нашему представлению, не обладает никакой другой природой, кроме культуры, в силу которой он создаёт сам себя. Если рассматривать человека только отдельно, самого по себе, абстрактно, вне какой-либо формы, то он и не хорош и не плох. Только приобретая форму, благодаря историческим учреждениям и воплощениям, человек

существует как человек. Антонио Грамши, несмотря на препятствия для его мышления по причине приверженности марксистским логическим схемам, более реалистично, чем обычные сторонники идеологии прав человека, писал, что «не существует абстрактной, постоянной, неизменной человеческой природы», так как «человеческая природа охватывает все исторически определённые социальные отношения». »Детей природы», естественных людей не бывает. Общество, по нашему мнению, должно не столько познавать «человеческую личность», сколько участвовать в её формировании.

Постулат индивидуализма исходит, наконец, также от моногуманизма. Если существует некий «человек в себе», то все общественные принадлежности, отличающие людей друг от друга, действительно мало достойны рассмотрению. «Монотеистический менталитет и его гуманистическое утверждение предпочитают в какой-то мере индивидуума», — пишут Йоси Эйзенберг и Арман Абекассис. Во имя универсально определённой «человеческой личности» всегда возможно рассматривать себя как освобожденного от каких-либо обязательств по отношению к определённой общности. Абсолютность человечества сталкивается тогда с абсолютностью индивидуума, так же как объективизм натурализма права (теория «естественного права») и самый неудержимый индивидуальный субъективизм соприкасаются друг с другом: доказательство, что крайности сходятся. Отрицаемое измерение — среднее: касающееся укоренения внутри культуры, народа или нации.

Теперь у лежащих между этим общностей есть так же и права, как у них есть обязанности. У народа есть права. У нации есть права. У общества и государства есть права. С другой стороны, у отдельного человека тоже есть права, согласно исторической, этнической или культурной сфере, к которой он принадлежит: это права, которые нельзя отделить от ценностей и свойств этой сферы. Поэтому индивидуальные и кол-

лективные права столь же мало несовместимы в органической общественной форме как индивидуум и народ, к которому он принадлежит.

Такая несовместимость, напротив, оказывается определяющей с точки зрения идеологии прав человека, основывающейся на идее абстрактной «личности» и эгалитаризма. «Без иерархии», утверждает Эдмунд Лич, «не может быть законности, а без законности невозможно никакое долговечное общественное устройство».

На самом деле: «Если идеи равенства всерьёз воспринимаются в обществе, то каждый индивидуум полагает, что, в конечном счете, происходящая из божественного начала моральная харизма воплощается непосредственно и индивидуально в его лице. Мои действия — это их собственное оправдание. Я не осознаю морального авторитета вне моего собственного жизненно важного “я”. Не существует передачи законности другим. Теперь правительственная власть сама по себе рассматривается как зло, и социальным отношениям, которые образуют общественные ячейки, угрожает расторжение».

«Коллективные права», пишет Гислен Рене Кассен, «это не права человека». Идеология прав человека изначально демонстрировала настоящую фобию перед общностью. Закон Ле Шапелле от 14 июня 1791 года, который распускал прежние цеха и гильдии, запрещал профессиональные объединения под предлогом, что они противоречат «декларации прав человека»! Тем не менее, нам в этом месте следует различать отдельные формы проявления идеологии прав человека: в противоположность «популистской» форме, которая решительно ставит в центр общественную солидарность и иногда представляет государство по-прежнему как гарант права, и без того самая индивидуалистическая либеральная её форма однозначно оказывается также самой ужасной. Опираясь на это (юридическое) течение, подстрекая друг против друга общество и государство, индивидуума и авторитет, органическую

ячейку и общественное тело, она в самой определенной степени отвергает авторитет и «господство». Разработанная ею логика, наконец, больше всего противоречит коллективной сути.

Как подтверждал это Макс Вебер, «естественное право» является принципиально революционным, так как от его имени всегда ставится под сомнение общественный порядок, а именно вследствие того, что предполагаемая законность противопоставляется зафиксированной легальности. Идеология прав человека — как будет подробнее показано ниже — совсем не оказывает никакого воздействия на современные деспотические режимы, зато прекрасно подходит для деструктуризации современных «свободных» обществ. «Усиьте еще немного фанатизм», пишет Луи Повекль, «и вы заметите, что всё, что принуждает индивидуума к тому, чтобы он вёл себя как гражданин, противостоит правам человека. Вы будете прославлять культ направленного против государства индивидуума. Вы будете видеть в налоговой инспекции, полицейском участке, казарме и школе укрепленные замки, которые подавляют человека. Вы будете просить о милости Бога, чтобы он освободил вас от ваших обязательств по отношению к государству, судьбе нации и отечества. Любое принудительное мероприятие в пользу коллективного блага будет действовать против прав человека».

Идеология прав человека не только неспособна привести индивидуальные свободы к усилению у других; она способствует также тому, чтобы гражданские свободы у нас приходили в упадок. Когда она ставит права абстрактного одиночки выше его конкретной принадлежности, идеология прав человека, а также либерализм, склоняется как раз к тому, что стирает прошлое и пренебрегает будущим от имени постоянной современности. «Этот либерализм, — замечает Раймон Рюйер, — приводил к куда более разрушительным последствиям, чем самые революционные, самые анархические учения... Требования “прав человека”

это по существу требование права больше не интересоваться продолжительностью существования, дальнейшей жизнью народа; стать безразличным к его четвёртому измерению и жить в свободном “теперь”.

Как банальная передача законов Моисея и заповедей Ноя идеология прав человека может вызвать, собственно, только редукцию или гомогенизацию (и, вероятно, также и направлена на это). «Ту унифицирующую функцию Декалога по отношению к народу Моисея, продолжает Гислен Рене Кассен, — Всеобщая декларация должна исполнять на этот раз по отношению ко всему человечеству». С этой целью нужно ссылаться на права человека сами по себе, а именно против конкретных прав конкретных людей в пределах их конкретных общностей. Человек, которого охраняет идеология прав человека, — не опирается на почву. У него нет наследия и принадлежности — или он хочет разрушить и то, и другое. Этому человеку очень хочется, чтобы и другие тоже стали бы ни с чем несвязанными. Он охотно видел бы, как они отказываются от собственного наследства и становятся лунатиками. Однако этот ужасный призрак не касается нас.

От свободы к террору

Среди требований идеологии прав человека свобода стоит на первом месте. Огюстен Кошен вспоминал о том, что уже в либеральной философии восемнадцатого столетия «закон свободы образовывал основную мысль». Этот закон, он добавляет, можно сформулировать следующим образом: «Природа хороша: она стремится к добру. Воля ищет это: кто же тогда хочет его разрушения? Разум находит это. Таким образом, человек как природное и разумное существо неизбежно достигнет своей цели, добра, и осуществит свое намерение добиться счастья, — при единственном условии, что его освободят. Свобода — это средство ко всему хорошему, она первое из всех благ. Однако, стремление к хорошему — это долг; следовательно, свобода

как предпосылка к всему хорошему это первая из всех обязанностей. И у доброй воли есть право на добро: итак, свобода это первое среди всех прав».

Подвергая эту теорию критическому анализу, О. Кошен сразу отмечает, что она опирается на особенное определение свободы. А именно — существует большое различие «между фактическими свободами, которые завоевывались как привилегии, и принципиальной требуемой как право свободой». Также Эдмунд Бёрк упрекал идеологию прав человека за её потенциально «антидемократическую» сущность и выражал убеждение, что она угрожает свободам народа ради осознаваемой как «метафизическая сущность» свободы, основанной на ошибочной точке зрения о «природе» и «разуме», и может укрепить руку первого попавшегося тирана. «Если есть право на всё, — пишет он, — тогда можно забыть всё». Он добавляет: «Принуждение точно так же, как и свобода, принадлежит к праву людей... Все предполагаемые права тех теоретиков являются крайностями; и как бы правильны они не были с метафизической точки зрения, настолько же ошибочны они с точки зрения морали и политики».

Тем самым мы снова устанавливаем, как самые противоречивые абсолютные качества могут сталкиваться друг с другом. В то время как идеология прав человека основывает право и свободу на универсалиях, на некоем «абстрактном совершенстве», она подрывает свободы и конкретные права индивидуумов и общностей. В то время как она гомогенизирует, т.е. смешивает, различные источники права, она создаёт (для современной тирании благоприятные) предпосылки к постоянной отмене особенных, дифференцированных прав от имени «универсального и естественно-го права».

Что значит свобода для приверженцев прав человека? Бландин Барре-Крижель отвечает: Это «разрушение всяческой дисциплины». Трудно выразиться яснее. В этом смысле свобода воспринимается как состояние природы человека, которое отчуждаемо от

общества, правительственного господства, социального порядка и т.п. Это «неограниченная свобода», которая соответствует настоящей сущности человека у Руссо; свобода, которая по праву присуща человеку на основе её индивидуальной, суверенно осознанной воли (суверенно, если она родственна абсолютному суверенитету, который устоял в противостоянии с обществом). Эту свободу правительственная власть должна признавать как аксиоматичную свободу (не ставящую под сомнение), как право. Так как она оказывается равной «освобождению», она ведёт к отказу от принадлежности и дисциплины. Она противодействует необходимости; она означает освобождение от необходимости. «Свободным» считается индивидуум, которому дано право освободиться от любого принуждения — индивидуум, индивидуальное, свойственное от природы право которого было поставлено выше исходящего из исторического действия коллективного права. Точка зрения на свободу, к которой мы присоединяемся, — совсем иная. С этой точки зрения, «не существует универсальной абстрактной свободы, а есть лишь свободы, которые выражаются согласно конкретной сущности человека». А именно свободная воля не существует в абстракции; есть только воля, которую приводят в действие силы и которая связана с намерениями.

Понятие свободы не философское и не моральное, а практическое и политическое. Свобода не предшествовала человеку, как метафизическое право, которым он якобы обладал, так сказать, в водяном знаке своей «личности». Скорее, её следует завоевать. У неё нет «спонтанных извлекающих пользу», а только основатели и поручители. Никто не рождается свободным, но некоторые становятся ими. Свобода исходит именно из попытки ввести или завоевать её. Как индивидуумы, так и общности могут запланировать такую попытку. В пределах общества завоеванную свободу должно гарантировать государство — в обмен на гражданские обязательства со стороны членов общества.

«Свободы в себе» нельзя увидеть в общественно-политическом порядке. Можно видеть лишь сеть из определённых прав и обязанностей, которые исходят от традиции, и гарантия которых меньше зависит от принципов, чем от наличия настоящей политической силы. Политическая свобода, пишет Жюльен Фройнд, «именно потому, что она политическая, не может уклониться от предпосылок политического... Другими словами: политическая свобода есть не только в государстве, но она нуждается в государстве, чтобы её можно было выразить».

Далёкая от того, чтобы быть «непринуждённостью», «свобода появляется только там, где существует принудительность; т.е. она = согласию или оппозиции против детерминизма». Она не приводит к тому, что устраняется принуждение, но она исходит у индивидуума из способности принимать форму в соответствии с его собственными признаками. Она — не причина, она — следствие. Завоёванные, заработанные, достигнутые, в частности определённые, гарантированные, наконец, свободы всегда обладают культурной ценностью, если они связаны с гражданскими обязательствами. Они поэтому никогда не противоречат общественным правам. «Свобода, — пишет поэт Рудольф Георг Биндинг, — это добровольное присоединение или включение в самый высокий человеческий порядок. Иначе свобода была бы беспорядком и анархией. Чувствуй, что она не может быть этим. Мы живём под сводом свободы как под натянутым в далёкой высоте небом, которое находится над нами; но мы стояли бы в пустоте и отпали бы от всех человеческих высоких законов и прав, если бы мы пронзили небо».

Для Биндинга свободные люди существуют только в пределах одного и того же порядка. Свободным можно быть только среди свободных людей. Быть свободным означает признавать свободу тех, кто живёт под небом свободы. Вопреки точке зрения Жан-Поля Сартра («Экзистенциализм — это гуманизм», 1946) воля к свободе ради самой свободы бессмысленна. Сво-

бода существует только для того, чтобы из неё можно было что-то сделать. Так как жизнь всегда представляет собой соотношение сил, свобода в абстракции — это ничто иное, как лиса в курятнике. Уже Лакордер писал: «У сильных и слабых свобода подавляет, а закон освобождает». Следовательно, мы должны различать свободу-делать и свободу-чтобы-делать. Первая форма негативна, она отнимает; вторая позитивна; она добавляет. Кроме того, по существу бесформенная свобода-делать несовместима с равенством: если каждый «свободен» делать то, что он хочет, то не все могут равным образом воспользоваться этой свободой. Свободу-чтобы-делать напротив не нужно отделять от определённой цели. Она позволяет каждому осуществиться, то есть стать соответствующим своим собственным способностям.

В вопросах свободы наследников европейской культуры, впрочем, некому учить. Понятие политической свободы возникло в IV веке до нашей эры в Афинах. У кельтов и германцев весь народ принимал участие в политических решениях. (Там также и женщину всегда воспринимали как личность). Конкретные свободы возникли в Риме из системы взаимных повинностей, внутри которой уравнивались обязательства и полученные службы. И не напрасно Монтескьё — в своём сравнении древней европейской демократии с восточным деспотизмом — хвалил как раз эти происходящие с Севера «смелые народы, которые выезжали из своей страны, чтобы уничтожить тиранов и рабов». Мы могли бы даже поглубже заняться вопросом, не из-за этого ли наследия, этой традиции совместных свобод, общественные свободы сегодня ещё (относительно) лучше защищены в Северной Европе, чем в южных странах.

Бландин Барре-Крижель признаёт эту «аристократическую связь свобод». «Неслучайно, — пишет она, — что сохранение свободы слова — вспомните о вольнодумстве — поддерживалось высшей аристократией; и не случайность также, что там, где аристократии были

унижены (в царской России и в революционной Франции), одновременно пошатнулась и свобода». Затем она вводит, однако, различие между «человеческой свободой» и «гражданской свободой» и пишет: «Баронское происхождение индивидуальной свободы и, в частности, её юридическое признание касаются лишь аспекта того, что обозначают как свободу: независимость, а не освобождение; автономию, а не эмансипацию; свободы, а не свободу».

Однако как раз это различие кажется нам обманчивым. Так как свобода существует, собственно, в «независимости» и «автономии». «Освобождение» и «эмансипация», если их однажды рассмотреть отдельно от независимости и автономии, не имеют ничего общего с борьбой за свободу, а только лишь с культурной патологией. Желать «эмансипироваться» от своей общности, это означает уничтожить и отрицать самого себя. Никакое общество не может допускать, что в нём от имени «свободы» отдельные члены отделяются и разрушают его.

250

Несмотря на то, что утверждение такого права на «эмансипацию» ни в коем случае не приносит индивидуумам больше реальной свободы, зато оно превосходно подходит для того, чтобы вскормить наихудшую тиранию. Если свобода — это только «природа», которую нужно отвоевать обратно, то это «отвоевание» может быть поставлено в качестве удалённой цели, и постановка такой цели оправдывает немедленное отрицание конкретных свобод. Революция 1789 года, таким образом, совершенно последовательно перешла в террор 1793 года. Сталина при жизни воспевали как самого великого защитника идеи свободы. Возвышение абстрактной свободы всегда ведёт к отрицанию конкретных свобод, так же как возвышение «человека в себе» всегда происходит за счёт одиночек. Это универсальное право злейший враг частных прав. 15 июня 1980 года Филипп Соллерс в своей речи перед Comité intellectuels pour l'Europe libertés (Комитет интеллектуалов в защиту свобод Европы, CIEL) с полным

основанием заявил: «Гуманитаризм и тоталитаризм — это две тесно связанные друг с другом системы мышления; им присущ образ той знаменитой целостности, которую якобы образует человеческий род... Это танец вокруг золотого тельца человека».

Культуры подвергаются опасности

Связанный с монотеизмом моногуманизм естественно приводит к той особенной форме проявления расизма, которая основывается на этноцентризме. Утверждение, что в принципе существует только «один человек», в конце концов, приводит именно к тому, что всех людей нужно оценивать по одинаковым критериям, стричь под одну гребёнку. Однако абсолютно объективных критериев не может быть — тем более, что не существует одного образца для всего человечества на культурном и историческом уровне. Рассматривать людей как одинаковых, культуры как принадлежащие друг другу, приписывать им одинаковые стремления и права, — этот подход означает всегда рассматривать их с одной единственной точки зрения, по отношению к которой они не могут быть равны. «Для среднего человека, — пишет Эдмунд Лич, — понятие “человек” означает подобного нам, “людей нашего рода”, и часто область применения такой категории крайне ограничена. Из этого мы делаем вывод, что никогда не существовало эффективного человеческого общества, внутри которого все индивидуумы, пусть даже только приблизительно и в каком-либо одном смысле, были равны друг другу, и такого общества никогда не может быть, разве что если бы оно было совсем крохотного размера». Другими словами, эгалитаризм настаивает на том, чтобы рассматривать всех людей как равных, «при условии, однако, что они принимают *мои* моральные ценности».

И Лич завершает словами: «Возможно, будущее поколение разоблачит то, что было опустошительным ложным выводом нашего времени: после того, как мы

обнаружили с помощью естественнонаучных методов, что человек действительно един как зоологический вид, мы стремились — с принуждением и политической пропагандой — применить подобное понимание единства и к человеку как культурному существу и моральной личности, что противоречит подлинной сущности нашей человеческой природы».

Идеология прав человека демонстрирует лучший пример этого «западно-библейского» этноцентризма. Во Всеобщей декларации прав человека как раз бросается в глаза больше всего, что «общее» ограничивается своим незаконным притязанием быть этим. Основываясь на ценностях одной отдельной религии, иудео-христианского монотеизма, она — по словам Марселя Буасара — является «компромиссом синтеза между западным либерализмом, который определяет абстрактные права личности по отношению к обществу, и марксизмом, который стремится защитить индивидуума через его соединение с социальной группой». Так же примечательно, впрочем, что в комиссии из восьми человек, которой было поручено разработать эту Всеобщую декларацию, не было ни одного представителя стран Третьего мира.

Если мы проверим содержание ратифицированных после 1948 года в ООН конвенций о правах человека, можно выделить четыре канонических части. Сначала принципы *habeas corpus*: право распоряжаться самим собой, запреты пыток и рабства, свобода передвижений, право на охрану здоровья и т.д. Затем идут принципы *habeas animus*: духовная свобода, свобода вероисповедания и свобода слова, право на образование, свободное участие в культурной жизни и т.д. Затем следуют принципы, которые вовсе не стремятся узаконить индивидуальные права, зато легитимируют западную демократическую форму государственного правления: право голоса и выборность, тайное голосование, равное право на получение должности государственного чиновника и т.д. В конце концов, подтверждаются некоторые действительно неясные социаль-

ные права: право на труд, право «на достойные и удовлетворительные условия труда» (статья 23), право на профсоюзную деятельность и т.д.

Становится очевидным, что некоторые эти принципы должны быть само собой разумеющимися и что они также большей частью, пусть об этом и не возмещалось всему миру, были само собой разумеющимися во всех культурах, которые сохранили своё равновесие и свою специфику. Другие принципы, напротив, являются очевидной демонстрацией явного этноцентризма.

Что включает, к примеру, право на культуру и школьное образование? Разве есть, к примеру, на всей земле только одна единая культура, модели которой следует учить людей повсюду с использованием «цивилизованной по западным критериям» школьной системы? Разве в некоторых культурах не существует традиционного обучения, которое происходит вне привычной для Запада школы? Запад пытается навязать всему человечеству унифицированную форму обучения и передачи знаний, следовательно, также унифицированную культуру и мировоззрение. Что, с другой стороны, нужно понимать под «рабством»? Согласно точке зрения идеологии прав человека рабство прекращается, как только за работу вознаграждают деньгами. Но не покажется ли импорт дешёвой иностранной рабочей силы в Европу — с точки зрения индейца-ирокеза, например — новой формой рабства? И, вообще: не создал ли западный мир совсем новые формы «рабства» и коллективного подавления, а именно экономический империализм, культурное доминирование и «диктатуру средств массовой информации»?

Так мы распознаём опасность, которую скрывают в себе «универсальные» принципы. А именно — они включают в юридические формулировки, а также в типично западные представления те понятия, которые по-разному воспринимаются разными культурами. Со всей христианской, впоследствии с рационалистической философией — от Фомы Аквинского до Рене Де-

карта — они заканчиваются той же иллюзией: они утверждают, что открывают юридический и философский язык для всей планеты. Они хотят найти одно единственное означающее (выражающую сторону языкового знака) для всех означаемых (смысловых сторон языкового знака).

Этот подход упирается во всяческие преграды. Исламские страны, например, отказываются подписывать принятое в 1962 году соглашение о свободном выборе партнёра по браку, возрастном цензе для бракосочетания и регистрации бракосочетания. В уже упомянутой статье Марсель Буасар, впрочем, занимается вопросом, существует ли типичная исламская точка зрения на права человека. Он отмечает, в частности, что в странах исламской культуры «обязанность индивидуума стоит выше его права. Социальное качество в наивысшей степени рассматривается скорее как коллективное, чем как межиндивидуальное. Поэтому того традиционного противоречия, которое западноевропейская философия установила между личным преимуществом и общественным благом, теоретически нельзя найти в исламском социальном мышлении». «Так как мир, общество и индивидуум представляют собой всё, на различных уровнях, моральные заповеди, следовательно, наивысшее благо существует в гармоничном приспособлении к этим заповедям».

Желание заменить «права Бога» правами человека исламу может показаться только бессмысленным. Статья 29 Всеобщей декларации 1948 года, единственная, кстати, в которой речь идёт об обязанностях индивидуума по отношению к общности, кажется особенно противоречивой и запутанной с юридической точки зрения.

Философ-правовед Джон Финнис охарактеризовал её как «неясную» и «двусмысленную». О какой «общности» собственно, идёт речь? О семье, нации, фирме, роде, племени? Декларация считает, по-видимому, установленным фактом (или желательным), чтобы все люди жили в равной социальной группе, организованной рационально и юридически по

западному образцу. К упомянутым в данной статье «обязанностям» относится принятие во внимание «морали, общественного порядка и всеобщего благосостояния в демократическом обществе». Напротив, права и обязанности, связанные с экономической, политической или культурной независимостью национальных групп, совсем нигде не упоминаются в Декларации.

Необходимо учитывать лишь «демократическо»-либерально-капиталистическую модель, основанную на западном универсализме и буржуазном индивидуализме. Но что вообще могут означать такие понятия как «мораль» и «общественный порядок» вне какой-то конкретной культурной нормы? Значения последнего выражения различаются даже в английском и во французском языках! Попытку определить для всего человечества психические нормы «всеобщего благосостояния» (*generalwelfare*) в духе гедонизма Бентама в столь же малой степени можно принимать всерьёз на юридическом уровне.

В то время как она узаконивает исчезновение этически-культурных характерных особенностей, идеология прав человека подкрепляет повышение уровня жизни — который «надлежит каждому» — как общепотребительный идеал и существенный «критерий успеха» для отдельных форм государственности. В этом смысле нужно понимать, к примеру, заключённый в 1966 году «Пакт об экономических и социальных правах». Такой совершенно антиисторический идеал — ничто иное, как чистосердечно сформулировал Юрген Хабермас, как перспектива спокойствия и удовлетворенности в жизни. Однако ни в коем случае нельзя считать точно установленным, что эта перспектива соответствует или должна соответствовать желанию всех человеческих групп. Ведь счастье связано не только с материальным. Оно состоит также в неизбежно особенной судьбе, которую народы хотят сохранить и передать самим себе.

Идеология прав человека как импортированное с Запада учение может принести только опустошительные последствия для правовых систем и конституционных систем стран Третьего мира. В некоторых обществах разрыв иерархии не принесёт ничего иного, кроме разрушения, достигнутого с таким трудом равновесия. Упадок традиционных прав, ликвидация учреждений, созданных для защиты общностей, окажутся столь же роковыми. Авторы Всеобщей декларации 1948 года, очевидно, не могли представить себе, что личное право необязательно имеет то же значение для африканского крестьянина, каким оно является для состоятельного буржуа из Нью-Йорка.

«Защищать индивидуума» не означает, что ему всюду обеспечат привилегии, которые закреплены в христианском каноническом праве или в англосаксонском естественном праве. При латифундистской демократии Южной Америки оканчивающееся парламентской представительной системой право выбора приводит к тому, что содействует выборному гангстеризму и подчиняет народ тирании феодальных политиков. В некоторых африканских обществах «свобода передвижения» может вызвать крушение традиционных структур, а также «дикую» пролетаризацию значительной части населения и т.д. «От имени прав человека, — замечает Жиль Анкетиль, — можно сразу и без проверки отбрасывать исламское правосудие, систему каст в Индии или бесчисленные африканские общественные ритуалы в область варварства, не учитывая при этом переданные такими общественными правилами ценности, которые организуют подлинный мировой порядок».

На основе приведённых выше постулатов мы можем рассматривать распространение философии прав человека в странах Третьего мира (по крайней мере частично) как феномен политически-юридической аккультурации, а также как отказ от норм подлинного права в пользу абстрактных, «универсальных» норм, которые ни с чем не связаны в культурном опыте этих

стран. Эта аккумуляция представляет собой без сомнения форму неокolonизма, которая полностью противоречит праву самоопределения народов, именем которого справедливо осуществлялась деколонизация.

«Идеология прав человека, — продолжает Жиль Анкетиль, — постулирует в её универсализме и совершенно кантианском ригоризме, что все люди одинаково относятся к жизни и смерти и что без сомнения можно отказаться от культурных и религиозных традиций, которые определяют это отношение». И, тем не менее, «как бы шокирующим это нам не представлялось, мы должны согласиться с тем, что афганский подпольный борец борется не только исключительно за триумф того, что мы обозначаем как права человека. Он борется, чтобы защитить культурный порядок, в котором отношение к данной или полученной смерти, моральные ценности, время и общественная перспектива совсем не соответствуют тому, за что борются люди западной культуры».

На службе либеральному капитализму

«Ядро буржуазной идеологии, — пишет Луи Альтюссер, — это пара гуманизм-экономизм. У гуманизма, если он — не пустая великодушная болтовня, а связанная и устойчивая система, всегда есть обратная сторона — экономизм». Эдмунд Лич со своей стороны пишет: «Человек, это единое понятие универсального значения, — это в действительности побочный продукт посткартезианской попытки объективировать всё в этом мире, понимать человеческие отношения как товары, рассматривать каждую вещь в качестве квантифицируемой, предвидимой и легко обозреваемой с использованием причинно-следственной связи».

Обе оценки разоблачают, какую главную функцию берёт на себя идеология прав человека: именно легитимация (и как раз на самом неоспоримом, как идеологическом, также и юридическом и моральном уров-

не) основанной на торговле и буржуазном либерализме общественной формы. Юридическое гарантирование «права на счастье», в частности, на экономическое счастье, означает, в конечном счёте, укрепление морали «делания денег». Свобода, как понимает её идеология прав человека, действительно даёт чудесное алиби либеральному капитализму, так как она теперь связывается с «правом на общественное благосостояние», которое включает в себя свободу передвижения людей, но также и продуктов, проницаемость границ, слом коллективных идентичностей, наконец, атомизацию, а также превращение народов в массы. Этим массам, представляющим собой простые совокупности отдельных людей, даётся «свобода» искать «счастье» на пути материального обогащения и потребления. В базирующейся на потреблении и коммерции «культуре свободного времени» тяга к «либерально-капиталистическому потреблению» — это как раз единственная форма для «освобождённого» от государственной власти индивидуума, чтобы воспользоваться своим правом на «свободу» и на «счастье»; единственное находящееся в его распоряжении средство, чтобы осуществить своё существование, чтобы при определённых обстоятельствах снова найти свою личность, которую больше не могут дать ему органическая группа, мобилизующий политический проект, принадлежность к народу. Понимаемое под его двойным аспектом транснациональной цивилизации и экономической макросистемы либерально-капиталистическое общество находит, следовательно, своё право в идеале выделяющегося потребления (conspicuous consumption), которое порождает «освобождённых» и «осчастливленных» индивидуумов.

В «Технике и обществе, как идеологии» Юрген Хабермас указывает на то, что либеральное общество также, как и — разумеется, несколько позже советское общество — характеризуется расширением «подсистем целенаправленно-рационального действия».

Макс Вебер со своей стороны подтверждает, что в таком обществе сцепление происходит больше не через политическое руководство, а с помощью децентрализованного саморегулирования технократической сущности. Согласие основывается тогда на практическом согласии индивидуумов с образом жизни, от которого они больше не могут отказаться; это согласие происходит на уровне подсистем, а уже не на общем уровне. (Этими неотъемлемыми подсистемами могут быть, среди прочего, предприятия, профессиональная сфера, деятельность в рамках союзов или клубов, мир автомобилей, сфера домашнего хозяйства).

Чтобы утверждать своё господство, система больше не нуждается, следовательно, ни в каком политическом дискурсе и ни в каких «национальных» мобилизующих мифах. Из этого факта следуют деполитизация и денационализация буржуазного общества — что Макс Вебер назвал его «секуляризацией». Легитимация всей общественной структуры через политическую аргументацию или «бесспорные традиции» уступает место легитимации через экономические идеологии (как доказывал Луи Дюмон) или частными этиками, которые оправдывают материальный взгляд на жизнь (и сами ориентируются на механистический и экономический аспект системы, требующей международного узаконивания). Согласно таким разным авторам как Макс Вебер, Арнольд Гелен, Хельмут Шелски или Мартин Хайдеггер, общая система либерально-капиталистического общества основывается, в конце концов, на интерпретации науки и техники как деятельности, которая должна рационально содействовать отдельно взятому человеку в достижении его цели — его «экономического счастья». Таким образом, необходимо было располагать теорией, которая в наивысшей мере подтверждает синтез двух ключевых понятий «счастья» и «рациональности». Такая теория — это идеология прав человека.

С точки зрения её авторов идеология прав человека демонстрирует несколько преимуществ. В первую

очередь она обладает моральной сущностью, в силу которой она подходит преимущественно также там, где чисто «технократический» дискурс при определённых обстоятельствах воспринимался бы плохо. «Решение технических задач, — пишет Хабермас, — не зависит от общественного обсуждения, общественные обсуждения в большей степени могли бы сделать проблематичными краевые условия системы, в пределах которой государственная деятельность представляется в качестве технической деятельности». Кроме того, эта идеология скрывает бессилие и незначительность политического дискурса правящего класса, который — так как он управляет «по предъявлению» всё более проникнутым экономическими отношениями обществом, — лишён какого-либо легитимного идеологического дискурса обычного типа.

Другими словами: в тот момент, в котором современная цивилизация, которая оспаривается на всех уровнях своих подсистем — за исключением уровня опыта — не находит никакой политической идеологии для своей легитимации, только лишь учение о правах человека может создать консенсус, а именно в (несколько свободной) форме наименьшего общего идеологического знаменателя.

То, что идеология прав человека выступает большей частью как американская идеология, вполне логично при этих условиях. Ведь не случайность, что именно Соединенные Штаты одновременно являются самым большим приверженцем либерально-капиталистической общественной модели; и если центральные понятия либеральной философии права стали теорией американской капиталистической практики — или точнее легитимирующим кодексом означаемого, что является ничем иным как торгово-экономическим взлётом США.

Преимущественно библейская сущность истоков американской идеологии оказалась в этом отношении предрасполагающим элементом. «Диалектическое родство американской конституции с законами Моисея

буквально бросается в глаза», — пишет Поль Кастель. Он добавляет: «Не является случайностью, что американская демократия обнаруживает так много сходств с первым древнееврейским правлением, так как отцы-основатели были достаточно хорошо знакомы с библейским миром». (*Le Monde*, 4 июня 1979). В *Le Monde diplomatique* Као Хуи Тхуань замечает со своей стороны: «Права человека образуют в американской общности фундамент политической философии, её существо, её питание... От Джона Квинси до Джона Ф. Кеннеди морализм — важная составная часть американской политики. Каждый прирост американского влияния совпадает с возвращением идеалистического воодушевления. Ни в какой другой стране морализм не выражен так ярко, как в Соединенных Штатах». Президентство Джимми Картера подтвердило это, как известно, самым лучшим образом. Подписанная в 1776 году в Филадельфии Декларация независимости Америки постулирует: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых».

Поистине трудно высказать так много чепухи в столь немногих предложениях. То, что «все люди созданы равными», не соответствует действительности — и убеждение в том, хорошо ли, что они будут равными, может быть только субъективным: только человек является действительно творцом, и он не может быть наделён «от природы» никакими правами или какими-либо обязанностями. Правительства были учреждены не только для того, чтобы гарантировать личные права; они скорее выступали сами, чтобы выполнять различные обязанности, прежде всего, обязанности передавать судьбу народам. Что касается «естественных прав», то они настоящие и «само собой разумеющиеся» в столь же малой степени, как золотые горы или шес-

тиногие единороги. Но вся идеология прав человека «произросла» уже из этих утверждений.

В этой связи можно считать установленным, что возникавшая в лоне Французской революции 1789 года философия прав человека — в духе Руссо, в меньшей степени экономическая и в большей степени политическая философия — сильно отклоняется от американской. Она менее индивидуалистична, менее универсальна и не выражает постоянно одного и того же желания окончания истории. Наряду с её теорией о «человеке в себе» она уделяет большое значение положительному понятию «гражданина». Возможно поэтому самые значительные теоретики прав человека ссылаются сегодня скорее на Американскую, чем на Французскую революцию.

Ханна Арендт, например, жизненный путь которой привёл её к близости к марксизму, и которая защищала, наконец, американскую точку зрения на права человека, решительно отвергла практику Французской революции. Гарантировать свободу революционной силой, неприемлемо для неё. Свобода должна основываться на непрерывном общественном процессе. Вследствие того, что она с самого начала примкнула к буржуализму Локка и утилитаризму Бентама (кроме всего прочего, отклонение исторически основывающих революций; воля основывать права человека на «стихийной общественной организации», а не на политическом разломе), Ханна Арендт отвергает полемическое понятие общественного класса; и это приводит её к тому, чтобы почти полностью скрывать проблему экономического господства и социальной отчужденности. «В Соединенных Штатах 1776 года, — пишет она, — понятие “народ” (people) сохраняло значение множества, указывало на бескрайнее разнообразие множества, величие которого состояло в его множественности». Это указание также показательно. «Множество» это ничто иное, как гетерогенная и индивидуализированная масса, где каждому дозволяется быть «счастливым» и где возникает идеальное общественное про-

странство потребляющей клиентуры, на которую опирается либеральный капитализм. Таким образом Ханна Арендт приходит к тому, чтобы сделать из идеологии прав человека инструмент классового коллаборационизма, и одновременно подтверждает интерес, который проявляют американские экономические круги к этой философии.

Замечательно в этой связи, что марксист Юрген Хабермас, которому мы обязаны всё-таки интересной критикой гражданского правоведения и гуманизма индивидуальных прав, разделяет точку зрения, близкую к мышлению Арендт. Так же, как и она, он упрекает Французскую революцию за её «бурность» и её «греческие мысли». Так же, как и она, Хабермас разделяет представление, что как раз из-за «социального вопроса», который был чужд США в момент их основания, революционеры 1789 года были вынуждены снова поставить над правами человека политический суверенитет, который он рассматривает как зло само по себе.

Воплощение космополитической идеологии прав человека ведёт именно к ограничению политического суверенитета национальных государств. Ссылаясь на Монтескьё, Жан-Мари Бенуа ещё недавно выступал за создание чего-то вроде «судейского правительства» для Европы. Национальные высшие суды, которые подчинились бы европейскому высшему суду, должны были бы обращать внимание на все помехи, с помощью которых правительства могли бы помешать неограниченному наслаждению правами человека. Но такие основанные на двусмысленном принципе «разделения властей» идеи могли бы привести только к назначению Высшего мирового суда — огромного аппарата унификации, направленного против национальных властей и правительств и особенно против тех, кому удалось стать в максимальной степени независимым от обеих сверхдержав — США и СССР.

Приоритет индивидуальных прав перед национальными суверенными правами вызывает в настоя-

щее время опасное явление: смену политически-исполнительной категории юридической. В то время как она ограничивает от имени моральной «всемирной инстанции» власть национальных государств, идеология прав человека нацелена на то, чтобы лишить политическое его привилегий и подчинить его более высокой юридической инстанции, принимающей решения.

То, что политическое и его сущность будут подчинены разлагающим приёмам метафизического, абстрактного правоведения, приведёт к диктатуре юристов над правящими. Это подчинение включает в себя разрушение принципа государственного интереса; оно подтверждает закат политического. Настоящее понятие «человеческой личности», которому идеология прав человека придаёт столь большое значение, таким образом, является юридическим понятием: право — это естественный источник теории личности, которая характеризует индивидуума в первую очередь как обладателя прав.

264

Уже в раннеисторическом времени в одном или другом случае путём введения номократии пытались препятствовать тому, чтобы политическая власть объявила себя «всемогущей» и «соперничающей с Богом». Моисей был первым, кто выступал за отделение политического от судейского, а также за подчинение первого второму. В Ханаане судья был верховным вождём в мирное время и главой исполнительной власти во время войны. Следовательно, правительственная власть должна была подчиняться закону, и закон должен был быть отображением закон Бога Иеговы. Сегодня эта тема эксплуатируется повсеместно. Право выражает тогда, как удачно выразил это Фридрих Ницше, ничто иное как «волю к власти»: оно служит для того, чтобы уничтожить политически-исполнительный суверенитет в пользу той власти, которая пытается овладеть им. Во время Блаженного Августина и Папы Григория VII церковь уже использовала христианскую теорию прав человека для того, чтобы эмансипироваться от политически-исполнительной власти. Снова

проявившееся в XVIII веке на идеологическом уровне подчинение политических исполнительных властей — по отношению к юридической власти — возрастало в прошлом столетии вместе с конституционализмом. Политическая деятельность постоянно сокращалась до законодательной деятельности; каждый политический конфликт подчинялся судебному решению и т.д. Это развитие привело к сегодняшнему так называемому правовому государству. «Не только все право полностью совпадает с законом; кроме того, закон считается политической деятельностью или полем политической деятельности».

Юридикация международной защиты прав человека конкретизировалась с основанием печально известной Лиги наций (1919), которую в 1945 году сменила Организация объединенных наций (ООН). Юридическая теория, к которой примыкает идеология прав человека, является, само собой разумеется, «теорией естественного права». Мы уже излагали, почему считаем эту теорию неверной. А именно — мы убеждены, что нет никакого внешнего (лежащего снаружи) юридического детерминизма, нет никакого законного обязательства, исходящего из чуждого человеку порядка. Основанный на праве порядок первоначально всегда порядок желаемый и договорной; он вводится безмолвным или четко выраженным согласием. Он является сколько угодно изменяемым и модифицируемым, в зависимости от воли и выборных решений людей.

Право — это нечто искусственное в настоящем смысле; и в нём оно чисто человеческое. Следовательно, о юридической силе можно говорить только в пределах определённой общности. «Закон в юридическом смысле не универсален», — подчеркивает Жюльен Фройнд. «Он действует в пространстве и во времени только в пределах территориальных границ политического авторитета, который может исполнять непосредственное принуждение. Его сила ограничена политической единицей».

Кроме того, целью права является не «справедливость в себе», а конкретная законность в ряде определённых случаев. «Так же как право — это посредничество и определяет отношения с другим, то законность представляет собой не справедливость в себе, а отношение, которое уважает свободу и интересы каждого». Поэтому мы не поддаёмся юридическому позитивизму, согласно которому право это только результат воли, которая его основывает. Это означало бы в конечном счёте разделять представление, что всё, что решает учрежденный орган власти, является справедливым; целью права была бы уже не (способствующая порядку) законность, а лишь порядок. Это значило бы также иным путём скатиться к доминированию закона, что, по словам Платона, означало бы, что он мог бы стать «тираном человека» (Protagoras). Право содержит также ценностный компонент: закон, чтобы быть справедливым, должен соответствовать специфическим ценностям культуры или народа, в котором и для которого он был создан.

Поэтому очевидно, что деструктуризация политической власти вызывает обвал права в том отношении, когда оно больше не применимо. У права нет именно подлинной сущности. Если оно однажды обнаружится, то появится повод для автономной деятельности, специфическое средство которой — это судебный процесс, но оно не в состоянии формировать себя самостоятельно. «У права только тогда есть смысл, если политическая воля ставит в известность общество, что оно формируется, придаёт себе форму правления, то есть, определяет её порядок». Поэтому закон как инструмент порядка не может основывать его из себя или только поддерживать его. «Законы существуют только там, где имеется основанная республика», — писал Гоббс. Это зависит от того, что необходимое для исполнения законов принуждение не может быть приуще праву; оно прилагается к нему снаружи. Само по себе создающее нормы и предписания право не владе-

ет ни средствами, ни властью, чтобы навязывать и поддерживать то, что оно предписывает.

Однако это не значит, что политическое является средство приведения в исполнение права. Это скорее означает, что политическое подчиняет себе право, если только оно может гарантировать его исполнение. Таким образом разрешается то старое противоречие власти и закона. Политическая власть не может встать на место права: это был бы произвол. Но также и право не может заменить политическую власть: это было бы бессилие. «В правовом государстве, где правил бы исключительно закон, — продолжает Жюльен Фройнд, — право было бы бессильным, а политика парализованной».

Также часто представленная сторонниками идеологии права человека точка зрения, согласно которой право исключило бы власть, после чего правовое государство гарантировало бы мир (потому что обращения к закону было бы достаточно, чтобы исключить конфликт), является чистым абсурдом: конфликты возникают именно из разницы сил, которую право может сдерживать только тогда, когда оно само опирается на силу. Поэтому «мир — это в первую очередь политическая вещь, а вовсе не юридическая. Только если политическое в состоянии разрушить силу как внутри, так и снаружи, оно может добиться решения на законном пути».

Фактическая защита свобод может быть успешна только тогда, когда она производится в политической сфере. Обеспечение свобод предполагает соотношение сил, которое выгодно для того, кто хочет их защищать. Совсем иначе, естественно, обстоит дело с идеологией прав человека, которая с самого начала определяет себя на морально-юридическом уровне, который приводит право к тому, что оно покидает свою собственную сферу за счёт политического. Чем больше расширяется право, однако, тем больше оно разбавляет само себя. Чем больше «говорят» о праве, тем более видно, как исчезает его власть. Для людей, как и для наций,

ограниченные, точно описанные и обозначенные права лучше, чем претенциозное, эгалитарное, универсальное «право». В его применении не заложены ограничения, исторические традиции. Право, которое присуждается человеку лишь потому, «что он — человек», недействительно; стоит этому праву стать непризнанным, и уже никто не может воспользоваться преимуществом из этого. Только те права, которые защищаются политической властью или которые готова защищать политическая власть, могут быть признаны эффективными и осуществляться.

Уже короткий взгляд на недавнее прошлое показывает, что идеология прав человека при защите конкретных свобод оказывалась абсолютно безрезультатной. Она, конечно, наилучшим образом приспособлена к тому, чтобы деструктурировать западные страны, в которых она вступила в жизнь; но с другой стороны, ей не удалось, например, добиться большей реальной свободы в странах, которые находятся под советским господством. Вскоре после русского вторжения в Афганистан она саботировала в 1980 году Олимпийские игры в Москве от имени «всемирной совести» и призвала к «санкциям»: она способствовала в конце концов только тому, что сумела разрушить олимпийский дух⁵³. В отдельных случаях сторонники прав человека привлекали внимание средств массовой информации к судьбе того или иного диссидента. Эти протесты, тем не менее, ничем не помогали (разве что СССР считал

⁵³ Мы решительно выступили против бойкота Олимпийских игр. Замечательно, впрочем, что также у сторонников прав человека не было никакого единодушия по вопросу бойкотирования. Валерий Прохоров и Мишель Славинский, руководитель Association pour l'Union soviétique libre (Ассоциации за свободный Советский Союз), выражали, к примеру, убеждение: «В интересах прав человека, в интересах советского народа нам, однако, следовало бы принять участие в Московских олимпийских играх». (Le Quotidien de Paris, 21 июня 1980)

политически выгодным для себя сделать соответствующий «жест»).

Во время четырёхлетнего президентства Картера США сделали защиту прав человека центром вращения и центром тяжести их внешней политики. В одном из его конфиденциальных сообщений, в которых он прекрасно разбирался, Картер даже выразил мысль, что «американское лидерство в этой области будет способствовать тому, чтобы восстановить моральный престиж Соединенных Штатов, который сильно упал после Вьетнамской войны». Однако, запущенные инициативы в будущем привели, в основном, к всестороннему благоприятствованию стратегическим интересам России.

Советский Союз полностью признаёт права человека. Несколько статей его новой конституции определённо ссылаются на них. Также и во Франции Коммунистическая партия в начале 1980 года не испытывала никаких сомнений при основании комиссии для защиты свобод и прав человека. Её председатель Жорж Марше объяснял: «Борьба за права человека является естественной вещью, самоочевидностью для нас».

Однако при этом речь не идёт о тех же самых правах и, прежде всего, не о том же человеке. Так мы с удивлением могли наблюдать, как западный лагерь менял настоящие стратегические уступки на простые декларации о намерениях (вспомните переговоры об ограничении стратегических вооружений ОСВ II), или как на Хельсинкской конференции Запад признал раздел Германии и формализованный ещё в Ялте раскол Европы, т.е. лишение свободы в восточноевропейских странах — в обмен на устные обещания, которые так никогда и не были выполнены. 17 марта 1977 года Джими Картер заявил в ООН: «Основная переориентация мировой политики на человеческом уровне включает в себя требование соблюдения основных прав человека во всём мире. США на основе исторического развития, которое управляло их возникновени-

ем, уполномочены участвовать в этом процессе... Американский народ категорично обязался заботиться о воплощении этих идеалов». За прошедшее время мы смогли увидеть, к чему привело это «воплощение».

В своём послании *Lettre aux giscard-gaullistes sur une certaine idée de la France* (1980) Ален Грийоттере с большой деловитостью осуждает то «странное замешательство народа, которое хотело бы ограничить политику благотворительностью». «Нашей стране, — пишет он, — пришлось дорого заплатить за свою излишнюю доверчивость. Потому она сегодня отдалась от этого и с полным основанием остерегается любой политики с универсальными и нравоучительными стремлениями».

Добрая совесть гуманизма жалуется просто-душно, что «права человека со времени их юридической фиксации во всё большей степени оказываются опозоренными». Однако мы хотели бы указать на то, что конкретные свободы каждого народа неизбежно должны были отступить на задний план с того самого мгновения, когда их попытались заменить одним, универсальным «правом» и абстрактной «свободой», нарушать которые теперь можно было гораздо легче. Тогда как идеология прав человека устанавливает в качестве принципов такие неясные понятия как «всеобщее благосостояние», «демократия», «санитарно-гигиеническое обеспечение» или «мораль», она содействует тираническим правительствам в преодолении всех помех, которые представляют или представляли для них обычные традиционные права и локальные права. Новая китайская конституция, гарантирующая «право свободного выражения мнения» и «свободной переписки», смогла, к примеру, сохранить (конкретное) право на распространение и расклейку «дацзыбао», указав на то, что оно опирается на теорию прав человека.

Несколько государств Чёрной Африки постколониального времени, которые подписали Всеобщую декларацию 1948 года, одновременно отказались от своего

обычного традиционного права — так как им гораздо лучше было быть привязанным только лишь к трём сторонам философского и морального дискурса. И мы говорим здесь лишь о политических свободах классического типа: к языковой, культурной и т.п. свободам идеология прав человека, как известно, не только абсолютно безразлична, но даже и враждебно настроена.

То, что юридические понятия англосаксонского библейского демократизма принимаются во всём мире, оказывается не только абсолютно бесплодным для усовершенствования отношений; это развитие характеризует, на наш взгляд, также однозначный упадок права, который, впрочем, связан также с упадком политического. Так как право постепенно прекращает быть ориентированным на практику, привязанным к обычаям или к переданным и унаследованным толкованиям закона, оно становится моральным и идеологическим. Превратившись в тему для научных статей, подкармливая некомпетентных журналистов и манипуляторов общественного мнения, оно оказывается абсолютно неспособным в полной мере выполнять свою задачу надлежащим образом.

Чтобы народы и социальные группы смогли освободиться от экономического господства и от — основанной на либерально-капиталистической общественной форме — социокультурной отчуждённости, они должны принять антииндивидуалистическую идеологию и стратегию, где пространствами сопротивления владеет а также структурирует возможно более сильная воля к освобождению, которая может быть только суверенной и политической. К противоположной позиции толкает, к сожалению, идеология прав человека, псевдо-освободительный дискурс которой ручается, в конце концов, за всю систему, ибо опротестовывает её, по-видимому, только пунктиром, на поверхностном и несущественном уровне формальной семиологии.

Возвращение к буржуазному гуманитаризму

Сегодня идеология прав человека образует место сбора всех эгалитарных, как религиозных, так и светских течений, и не только потому что современная эгалитарная «цивилизация» нуждается в теоретической легитимации наивысшего уровня, но и потому что тема прав человека составляет, так сказать, общий эволюционный слой в пределах её дискурса. Либералы и рационалисты французской или англосаксонской традиции, умеренные социалисты, кантианцы, марксисты, приверженцы христианско-социального движения, и традиционалистские христиане, все когда-нибудь в течение своей идеологической «истории» проходили через рациональный идеализм прав человека. И по этой причине эта тема лучше всего подходит для того, чтобы собрать их в мировом масштабе к тому моменту, когда они больше всего в ней нуждаются.

272

Только идеология прав человека могла заново перегруппировать на широкой позиции отступления запавшую интеллигенцию, остававшуюся абсолютно растерянной и беспомощной уже примерно десять лет после распада её теоретического дискурса, а также после повторившегося краха её политических и общественных моделей.

То, что сегодня марксисты и революционные социалисты, научная система которых жаждала когда-то преодолеть «мелкобуржуазный идеализм» (Ленин) и «формализм», снова начали выступать в защиту прав человека, свидетельствует о бесспорном теоретическом отступлении эгалитарного мышления. Это отступление, это идеологическое опровержение совпадает с развитием эгалитаризма, от его диалектической фазы до социологической. Начавшаяся в XVIII веке диалектическая фаза отличалась интеллектуальной изобретательной ловкостью: формулирование идей предшествовало их политическому и общественному воплощению. В социологической фазе происходит массированное распространение эгалитарных форм жизни, а

также триумф буржуазного типа параллельно с упадком революционных идеологических формулировок и с новым проявлением псевдо-гуманитарной чувствительности: теперь социальный процесс управляет идеями, а не наоборот. Эгалитарная идеология перестает быть изобретательной. Она ограничивается «скромными» формулами. Она нацелена на гомогенизацию и стереотипизацию. Идеология прав человека как дискурс мировой буржуазии и смысл этого проекта образуют ось этой «стереотипизации» идей.

Интеллектуальные траектории нескольких французских экс-марксистов или экс-гошистов (леваков) — идёт ли речь о группе “*Dire*” в университете Венсенна или о более ранних ситуационистах, об Анри Лефевре и Роже Гароди, о Бернаре-Анри Леви и Андре Глюксманне, и о Морисе Клавеле и Жан-Поле Сартре — показывают этот «священный союз», вырисовывавшийся вокруг идеологии прав человека (и который до не слишком давнего времени порядком развеселил бы этих «антибуржуазных» гуру 60-х годов).

У христиан это развитие особенно показательно. Прежде всего, католическое христианство долгое время боролось с философией прав человека — появлению которой оно, тем не менее, весьма поспособствовало — когда эта философия перешла к тому, чтобы основывать «естественное право» больше не на проявленной в божественных откровениях морали, а на западных принципах. Сегодня, однако, христианству не нужно — если не обращать внимания на часть прошлого — секуляризировать себя, чтобы найти в Евангелии «гражданскую» мораль, базирующуюся на «естественном праве» и на приоритете индивидуума. Отец Мишель Лелонг несколько лет назад даже мог написать, что согласие с философией прав человека является более важным критерием для оценки отдельных учений, чем отношение к Апостольскому Символу веры. Находясь под покровительством священника аббата Миро и Владимира Янкелевича объединение “*Droits del’homme et solidarité*” («Права человека и со-

лидарность») недавно выразило желание собрать вместе католиков и масонов под этим лозунгом. Что касается Папы Иоанна Павла II, достойного продолжателя линии Папы Павла VI, то он в своих поездках также снова и снова выступает за «права человека»⁵⁴.

В строгой марксистской традиции, различавшей «формальные» (буржуазные) свободы и «реальные» (социалистические) свободы, идеологию прав человека ещё совсем недавно отвергали, так как она якобы соответствовала исторически устаревшей фазе. В Манифесте Коммунистической партии (1848) Карл Маркс высказал своё знаменитое проклятие: «Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т.д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведённая в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса». Среди нынешних, больше озабоченных гуманистическими приличиями марксистов всё меньше тех, кто отвергает также и

⁵⁴ В своей речи 22 марта 1979 года в Международном институте прав человека Папа Иоанн Павел II назвал Папу Пия XII современным пионером идеологии прав человека. 6 октября того же года он перед Организацией американских государств описал ООН как «высшую трибуну мира и справедливости». Он также заверял: «Если определённые идеологии или истолкования законного стремления к национальной безопасности вели к тому, чтобы запрячь человека вместе с его правами и достоинством в государственное ярмо, то они равным образом прекратили бы при этом быть человеческими». (Именно так!) По поводу его поездки во Францию Папа Иоанн Павел II заявил перед ЮНЕСКО: «Уважение к не подлежащим отчуждению правам человеческой личности является фундаментальным... Нужно отстаивать человека только ради человека, а не по какой-либо другой причине». Эти мысли разрабатываются также в Папской энциклике *Redemptorhominis* (март 1979 года), особенно во 2-й части.

буржуазное право как дискурс экономической легитимации — хотя это отвержение представляет собой один из самых интересных аспектов марксистского анализа. Впрочем, можно было бы возобновить этот анализ и подтвердить при этом, что легитимация в меньшей степени относится к классу, нежели к функции: к экономической и коммерческой функции. Сегодня критика буржуазного гуманитарного «права» больше не представляется «приличной», с тех пор как революция попала под подозрение, что она якобы противится «счастью».

Истоки отказа от антигуманизма нельзя вывести из настроения некоего Роже Гароди. В действительности ещё перед войной Франкфуртская школа оповещала о разочарованном и болезненном возвращении к идеологии прав человека, к которой за прошедшее время присоединилась и большая часть сегодняшней левой интеллигенции. Эрнст Блох был одним из первых, кто расхваливал возвращение к Библии и отказ от какой-либо революционной перспективы. Затем последовал Эрих Фромм. Что касается Макса Хоркхаймера, одного из наиболее видных представителей этого движения, то его развитие особенно показательно. В 1933 году он всё ещё ортодоксален, когда пишет в «Материализме и морали»: «Призыв к морали является более бессильным, чем прежде, но ему этого также и не нужно. В отличие от идеалистической веры в “зов совести” как решающую силу в истории, эта надежда чужда материалистическому мышлению». Однако в 1970 году он в «Критической теории вчера и сегодня» выражался иначе: «Так случилось, что наша новая Критическая теория больше не выступает за революцию... В странах Запада революция снова стала бы новым терроризмом, привела бы к новому ужасному состоянию. Гораздо нужнее сохранить то, что нужно оценивать положительно, как, например, автономию отдельной личности... не задерживая прогресс... Скорее мы должны сохранить, например, то, что когда-то называли либерализмом».

Недавно Ноам Хомски с полным основанием заметил, что «политика Картера в области прав человека составляет только крохотную долю того огромного предприятия, которое должно реструктурировать обрушившуюся в 60-е годы идеологическую систему в ее совокупности». Эта «реструктуризация», как уже было показано, является позицией для отступления. Теперь идеология прав человека образует место встречи всех тех, кого разочаровал эгалитаризм; место, где они в то же время признаются в своих блужданиях, признают свои провалы, сохраняют свои основные стремления и по-прежнему могут иметь чистую совесть. Она представляет собой идеологическое пространство, в которое будут стекаться все современные универсализмы, все исходящие из монотеистического менталитета системы. Эта идеология — религия заканчивающегося двадцатого столетия.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА



Мелодичная агрессия 4

м и к р о

Николай Старообрядцев. Волейбол 8

Нелли Цымбаленко. Правила 11

п р о з а

Рушан Ахметжанов. Канкан 17

м е р т в ы й т е к с т

Хорас Уолпол. Иероглифические сказки 38

Томас Бернхард. Виктор полдурак 78

Ежи Пильх. Кошачья музыка 83

samuel beckett

Сэмюэль Беккет. Данте и лангуст 89

Сэмюэль Беккет. Головешки 104

Сэмюэль Беккет как лекарство от жизни.

Интервью с Валерием Молотом 120

а р х и в

Переписка с Юлией Кисиной 126

['intevju:]

Стэнли Кубрик: интервью журналу Playboy 129

к а м у ш е к в б о т и н к е

Вадим Климов.

Ларс фон Триер и обнажение метода 145

asmustietchens

Асмус Титченс.

Почему же все-таки шумовая музыка? 148

Асмус Титченс. Коммерческий провал

как один из видов изящного искусства 156

ш у м

Миша Вербицкий. Индустриальная культура,
метафизика и контемпорари арт 162

Дмитрий Васильев.

Maeror Tri: Архаическая музыка 170

Дмитрий Колесник. Deutsch Nepal:

холодный ветер из Скандинавии 190

Миша Вербицкий. Hawkwind: Звуковая атака город-
ских партизан, или войны конца времен

в поисках головы Юрия Гагарина 197

polaroid

Вадим Климов. Дональд Трамп,

или Американское самолюбование 204

extremum

Никита Пашков. Юрий Мамлеев:

анатомия бездны в подвале русской души 215

Вадим Климов. Моя подруга — феминистка 219

Эдуард Лимонов. Капитализм — дитя сифилиса .. 228

Ален де Бенуа. Религия прав человека 236

Ну а параллельно я невольно заглянула на ОЗОНе еще и на страницу издательства Ренессанс, где, как вы наверняка знаете, в конце прошлого года был опубликован альтернативный перевод Войны. В самом факте появления новой трактовки этого романа нет ничего предосудительного, минимум у четырех переведенных мной текстов имеются альтернативные варианты. Да и я уже давно перестала следить за судьбой своих переводов, куда больше меня волнуют собственные книги. Проблема в том, что это издание вышло в сопровождении сразу трех статей, где, как я поняла из аннотации, «придирчиво разбирается» мой перевод, а в самой аннотации так и вовсе прямым текстом сказано, что новый перевод лучше и точнее. И теперь я всякий раз, заглядывая в поиск, в течение уже почти года вынуждена наткнуться на свое имя, которое активно задействовано в рекламной кампании, проводимой издательством Ренессанс, и призвано оттенить достоинства нового перевода, а сотрудники издательства явно не жалеют сил и времени и умудряются обновлять эту информацию чуть ли не каждую неделю во всех имеющихся у них пабликах и аккаунтах. Поэтому я не особенно удивилась, когда и на ОЗОНе обнаружила более сотни восторженных откликов «читателей» на это издание, причем значительная часть из них делает акцент именно на совершенстве, «точности и стилистической выверенности» нового перевода, такая формулировка повторяется там не меньше десяти раз, по-моему. Факт сам по себе, я считаю, достоин книги рекордов Гиннеса, так как я, например, за всю жизнь ни разу еще не встречала, чтобы читатели в своих откликах обращали внимание на перевод, профессиональные критики и те крайне редко затрагивают эту тему, исключениями обычно бывают случаи, когда перевод настолько плох, что его совсем уж невозможно читать...

Маруся Климова

ИЗДАНИЯ «ОПУСТОШИТЕЛЯ» МОЖНО КУПИТЬ

в Москве:

Фаланстер Тверская, 17

Пушкинская лавка Земляной Вал, 21/2с1

Листва Жуковского, 4с1

Чехов и Компания Гончарная, 26 к. 1

Ходасевич Покровка, 6

Книжный в Клубе Покровский бульвар, 6/20с1

Гнозис Турчанинов переулок, 4с2

Фламмеманн Тверская, 23с1

в Санкт-Петербурге:

Все свободны Некрасова, 23

Подписные издания Литейный, 57

Листва Литейный проспект, 33

Во весь голос Маяковского, 19

Брянск **Закладка** Калинина, 111

Верхняя Пышма **Книги, кофе и др. измерения** Успенский, 99

Владивосток **Игра слов** Партизанский проспект, 44к10

Владимир **N1KE7UP** Большая Московская, 22а

Воронеж **[Элефтерия]** Кардашова, 5

Грозный **Jeanne Books** Хамзата Орзаниева, 29

Казань **Смена** улица Бурхана Шахиди, 7

Краснодар **Чарли** Красная, 69

Краснодар **Bookowsky** Рашпилевская, 106

Пермь **Пиотровский** Ленина, 54

Самара **Зеленая дама** Некрасовская, 63

Томск **Догма 80** Ленина, 85а, 2 этаж, офис 4

opustoshitel.ru, totenburg.org, mybooks.by (*Беларусь*),
ozon, wildberries, Яндекс.Маркет, Читай-город, Буквоед,
Бартлби и компания, kk-galimatya.ru (*Омск*).